

Владимир Черноморский

ВЕКОВОЙ
СОЛДИН
УБИВА

Annotation

Основано на реальных событиях в американском шоу-бизнесе. Написано в 2001 году. Разработанная автором с помощью теории заговора интрига год от года все отчетливее подтверждается.

Все события и персонажи настоящего повествования — вымышлены. Любые совпадения с реальными событиями и лицами — случайность.

Владимир Черноморский
НЕКОГО БОЛЬШЕ УБИВАТЬ

Помощник Верховного судьи США Джон Кальварес, по прозвищу Патриот, не спеша ехал по средней полосе 95-й дороги в Нью-Йорк. Да и чего торопиться к этому ублюдку: ждал 20 лет — еще подождет. Ясное дело, ему не прибавишь, не убавишь. Был бы обычным убийцей — кто-то еще стал бы рассуждать, мол, две декады, да еще строжайшего режима, вся молодость, пусть поживет хоть немного на воле... Так ведь прикончил он идола целого поколения, того самого поколения, которое нынче во власть вошло. Подкараулил у дома и пристрелил, идиот, фанатик. Из любви к искусству, так сказать... Теперь вот петиции пишет: помилуйте. И кто ж тебя миловать-то будет, засранца! Разве что адвокат чуток заработает, да нам забота...

«Пора настроиться, — усмехнулся Джон и затолкнул в щель CD. «Ты не забудешь наше вчера?...» — спрашивали четыре слившиеся в высоте голоса. «Ты не забудешь», — подтверждали они поодиночке, и тот, что был вторым, принадлежал этому самому, убитому. «У него, кажется, всегда был второй голос в этом ансамбле, — подумалось Джону, — первой была его гитара. Может, потому и ушел он из «Спайдеров», оборвал нити. Да и самка помогла. Небось, пилила еженощно: «Не ту паутину ткете. Разве для этого ты в Индию ездил, йоге обучался? Только ты и можешь соединить музыку с философией, иначе она так и останется развлечением для сосунков, только ты и можешь говорить с человечеством о вечном...». Хрен его знает, чего там ему внушала эта японка...»

«Непонятна вся эта япономания, — тут же включилось в Джоне родное, «патриотическое». — Ну чем, спрашивается, моя «Парк авеню» хуже вон того «Лексуса»? Те же удобства, моя даже помягче, та же надежность — с избытком. Так ведь моя в два раза дешевле. Свободный рынок — это хорошо, но ведь нужно как-то думать, что стране полезно, а что наверняка во вред. И говорить об этом открыто, а то чем дальше, тем больше этой политкорректности... Иначе, как же, послал бы меня судья Хуберт к этому придурку... Положено: раз пришла петиция — надо подсуетиться с выездом на место, обследование провести. Хотя конечный результат был известен еще тогда, когда этот болван прикончил Дэна Леклесса. Проформа. А почему именно меня послал? — Тоже понятно: Кальварес — латинос, вроде, значит — в этом деле непредвзятый, у латинос своя музыка, на «паучачью» непохожая. Хитер Хуберт, политкорректен...»

Неподалеку от Балтимора «Лексус» вдруг резко рванул вперед, и тут же за ним устремилась машина дорожного патруля. «Получи!» — подумал помощник Верховного судьи США и его очки «Картье», без оправы, победно блеснули.

Уже несколько недель, как его переселили в пентхауз в «Хилтоне». Вместе с экономкой. «Дезерт-отель», где у него такой же, но собственный пентхауз, закрылся на реновацию, меняются и хозяева. «Пустыня в самом деле стала пустынной», — пришел в голову незамысловатый каламбур. Неужто теперь здесь ему доживать...

Гарри Пельц разглядывал с десятого этажа толпу на бульваре, наезжающие друг на друга машины. Внизу крутило старую рулетку старое «Фламинго». Гарри не слышал, но знал, что продолжает там звучать, бесконечно продолжает, сладенький, бесхитростный, «пастуший», как он его определил, рок-н-ролл Эдварда Прайда, вместе с которым он когда-то сюда приехал.

«Тридцать лет я здесь, — вновь озадачился Гарри, — Давно надо было смотаться из Вегаса. Разве это место для жизни? Сын рос черт знает где — в закрытой школе, в кампусе, жена тоже поселилась в Нью-Йорке, «чтобы только не видеть этих выродков и илюх». Что ж это я застрял? — потрепал он мочку заросшего белым кустарником уха. — Даже главный офис компании уже 25 лет как в Нью-Йорке, и кто теперь скажет, что я все еще президент «Стар Девелопмент»? Все на Майкле. Денег там полно, пусть крутится. Вот только наивно Майкл думает, что так, как он, зарабатывают... Лучше бы вложил свои деньги в какой-нибудь фонд и гулял со своей немкой... Сноха — немка, внуки — немцы, знала бы Рэйчел... Там уж, наверное, знает. А есть ли это «там»?...»

Телефон прервал его. «Это Майкл», — протянула ему трубку Анна.

— Привет, Майк! Только что о тебе думал.

— Как здоровье, папа? — участливо спросил Майкл.

— Скриплю, как слышишь.

— А чего тебе не скрипеть где-то здесь, в Нью-Йорке? Я понимаю, в «Дезерте» у тебя был, так сказать, дом, а в «Хилтоне»-то что ты забыл?

— Ну ты же знаешь, сынок, что врачи говорят: смена климата для меня смертельна.

— Да врут, я думаю. Где еще они такого клиента найдут? В общем, ты подумай. Не можем же мы все переселиться в Вегас.

— И не пытайтесь. Однако, очень мило с твоей стороны, что позвонил. Или чтостряслось?

— Да нет, все на месте.

— Как там молодые таланты, кого-то продвигаешь?

— Есть несколько замечательных ребят. Только мир нынче стал сумасшедшим — чтобы кого-то вытащить, нужно все состояние потратить. Это не в твои годы.

— Да, наверное...

— Снимаем клипы, бомбардируем фестивали, покупаем прессу. Шоу-бизнес сейчас реально тяжелый...

— Он никогда не был легким. Впрочем, тебе лучше видно. Да и Марти еще с тобой, он может сравнить...

— Вот, кстати, Марти посоветовал потолковать с тобой по одному вопросу. Понимаешь, «Вирджиния-рекорд» прислала четверть миллиона баксов по индекс-контракту P-25 и сообщила, что это последняя выплата, поскольку срок контракта истек 1 ноября 2000 года. Я поднял этот контракт и всю бухгалтерию по нему и выяснил, что подписан он

25 лет назад. Но самое интересное: вначале к нам поступали ну просто колоссальные деньги. В 78-м, например, восемь миллионов еще тех долларов, в 79-м — пять...

— Так что тебя заботит? — прервал Гарри. — Не выплачены налоги?

— Нет, тут все в порядке. Тут другое... Хотя суммы год за годом уменьшались, они нам по этому контракту выплатили больше 20 миллионов! Я связался с финансовым департаментом «Вирджинии», там сообщили, что, согласно контракту P-25, мы все эти годы должны были получать 7 процентов чистой прибыли от продажи дисков Эдварда Прайда. Это все. А подробности в секретном протоколе соглашения... Но у меня нет никакого секретного протокола! И потом, мы что, каким-то образом наследники этого Эдварда Прайда, или у тебя было какое-то соглашение с ним? Вроде, нигде в его документах имя нашей компании не фигурирует... Я хотел даже связаться с его дочкой Керри, попросил об этом Марти, а он посоветовал прежде всего поговорить с тобой...

— Долго же ты добирался, — после некоторого молчания усмехнулся Гарри.

— Да нет, — не понял Майкл. — Я был на фестивале в Копенгагене, вернулся и сразу тебе звоню. Впрочем, тут еще одна неожиданность: пришли 45 тысяч баксов из компании «Алитер», ты знаешь, у нее эксклюзивное право на использование имени и изображения Прайда... И тоже с уведомлением, что это последняя выплата. Знаешь, сколько они нам всего заплатили? — 6 миллионов! Я в бухгалтерию обычно не лезу, но тут уведомления эти...

— Послушай, Майк, зачем ты мне рассказываешь то, что я давно забыл? Тебя интересует суть контрактов? Приезжай как-нибудь, я покажу тебе протоколы... Как там дети?

— Нормально. Рэйчел в Принстон нацелилась, учится упорно. А Джозеф...

— Что Джозеф?

— Все хочет, как ты. Говорит, без реального опыта нечего и соваться в шоу-бизнес. Вот сейчас со своей герлфренд поехал в Ливерпуль — изучать, как поднимали «Спайдеров».

— Как я... — снова усмехнулся Гарри. — Ну ладно, сынок, мне тут укольчик в задницу приготовили... Спасибо за звонок. Приезжай. И знай, что я люблю тебя.

— Я тоже.

В Синг-Синге Кальвареса встретили начальственным парадом. Не то, чтобы очень высокая птица — сюда и не такие залетали, а все-таки — помощник Верховного судьи и, по слухам, въедливый. И латинос. А в нью-йоркской тюрьме, как сказал ее начальник Марлоу, «таких, как он, большинство» — мало ли, какие чувства это вызовет у высокого гостя. Хотя мать у него, вроде, шотландка, а папаша — из старейшей аризонской семьи, где каких только браков не случалось. Цель приезда Кальвареса была простой, как кус пирога, но мало ли что он может по ходу зацепить. На всякий случай всем было приказано подтянуться, наглецов убрать подальше от глаз и вообще подробных экскурсий не устраивать.

В столовой для персонала Кальвареса ждал ланч, за которым он объяснил, почему отказался от «шаттла».

— Не так часто, знаете ли, в последнее время выбираешься из Вашингтона. Нужна порой размяться. К тому же, вряд ли на самолете быстрее: все равно ехать в аэропорт, ждать посадку...

И Фрэнк Марлоу понял: гость видит свою миссию не иначе, как декоративную, и ни за что бы не приехал, если бы дело не было таким громким.

— А когда планируете назад?

— Завтра. Переночую в «Эмпайре» и домой.

— Предпочли «Эмпайр»? — удивился Марлоу.

— Просто удобно. У меня заказан билет в МЕТ на «Аиду». Это рядом.

Совсем полегчало: больше трех часов гость в тюрьме не задержится, потолкует с этим Кэрриганом, отметит, что претензий по его содержанию нет, и сделает ручкой.

— У вас, видимо, немалые проблемы следить за Кевином Кэрриганом, — переключился Кальварес.

— Что вы имеете в виду? — недоуменно спросил Марлоу, и его седой ежик наехал на квадратный лоб.

— Ну, так ведь убийца самого Леклесса. Много, наверное, было желающих отомстить.

Марлоу внимательно посмотрел на гостя. «Осторожно!» — успел предупредить он себя и довольно скучно ответил.

— Здесь поначалу тоже так считали, специальные меры для его безопасности принимали. Слава богу, все это оказалось ненужным.

— Никто не покушался?!

— Даже и не думали, судя по нашей информации. Я здесь шесть лет, но не слышал, чтобы и у моих предшественников были какие-то проблемы. Собственно, я знаю, что уже через полгода здесь Кэрриган начал работать в мастерских. Думаю, факт этот говорит сам за себя... Вы намерены туда заглянуть?

— Наверное, это ни к чему. Пусть его просто приведут к вам в кабинет. Через час.

Часа на просмотр «кейса» Кэрригана и не потребовалось. Никаких нарушений, никаких происшествий; хорошая работа; малообщителен; последние пять лет его соседом по камере был Брайан Джойс — осужден за нанесение жене тяжелых телесных повреждений — тоже примерный заключенный, участвует в издании тюремной газеты.

— Ну что ж, — поморщился Кальварес, — у Кэрригана есть право ходатайствовать о

досрочном освобождении. И по идее, его следовало бы выпустить. Не таких выпускаем...

— Считаете, что у него есть шанс? — снова в упор посмотрел Марлоу на Кальвареса. Было видно, как у него под рубашкой прокатилась волна мышц.

— Никаких.

Ввели Кэрригана. Невысокий, невзрачный, неприметное лицо, круглые очки... «Тоже мне убийца, — ухмыльнулся про себя Кальварес, — ему бы клерком работать или... агентом ФБР, на прослушке...»

— Садитесь Кэрриган, — предложил Марлоу и представил гостя.

— Я здесь в связи с вашей петицией, — начал Кальварес...

— Извините, но мой адвокат настоятельно рекомендовал ни в какие разговоры с официальными лицами без него не вступать, — довольно робко сообщил Кэрриган. — Нельзя было бы его пригласить?

— У нас не так много времени, а цель моего визита — чисто инспекционная: выяснить, как вы тутживаете, не притесняют ли вас, как себя чувствуете... Нужен ли нам адвокат?

— Думаю, нет. Но ради этого стоило ли приезжать сюда такому большому начальству?

— Так ведь случай-то у вас особенный, — съязвил Кальварес и вместе с Марлоу рассмеялся. — Ну так как здоровье? — Он снял очки и стал протирать их фланелевым лоскутом.

— Не жалуюсь.

— А на что жалуетесь? Тяжелая работа, несправедливое отношение к вам?...

— Я подал петицию, потому что прошло две трети моего срока. Так же, как сотни тысяч других. Почему информация об этом попала в прессу?

— А как она могла не попасть? — медленно спросил Кальварес, вынеся очки на вытянутой руке к свету из зарешеченного окна.

— Но ведь это резонирует и, видимо, влияет...

«Этот сукин сын неглуп, — подумал Кальварес. — Фанатик? Чушь! Или повзрослел за двадцать лет...»

— А как бы вы хотели в этой ситуации?

Кэрриган промолчал.

— Ну так какие жалобы? — спросил Кальварес, вернув очки на переносицу.

— Нет, все нормально... Только...

— Только что?

— Мне не позволяют слушать «Спайдерс».

— Что?!

— Мне не позволяют слушать «Спайдерс». Кассеты и диски конфисковывают.

— Не понимаю, — Кальварес посмотрел на Марлоу.

— Это делается в интересах заключенного, — сообщил начальник тюрьмы. — Чтобы не спровоцировать окружающих.

— Кому какое дело, что у него там в плэйере звучит... — пожал плечами Кальварес.

— Здесь вообще «Спайдерс» никому не интересны... — сказал Кэрриган.

— Ты ошибаешься! — процедил Марлоу. — Но ты никогда здесь не будешь их слушать!

— А по радиосети у вас их не транслируют?

— В радиоузле нет их записей!

— Вы знаете, что там есть в фонотеке?! — поразился Кальварес.

— Я знаю, чего там нет, — почти враждебно ответил начальник тюрьмы, расправив плечи.

Разговор был окончен.

— У вас есть просьбы? — машинально обратился Кальварес к заключенному.

— Я прошу вас встретиться с моим адвокатом. В моем деле есть обстоятельства, не замеченные следствием 20 лет назад. Но они могут повлиять на мое освобождение.

— Не понимаю. Вы ведь убили Дэна Леклесса?

— Да.

— Тогда в чем вопрос?

— Я знаю, что стал орудием убийства. В одиночку убивают только маньяки. Вы же видите — я не маньяк...

— Можете не сомневаться, все обстоятельства в апелляционном суде будут учтены, — сухо ответил Кальварес и кивнул Марлоу, чтобы заключенного увели.

Приехав в отель, Кальварес наскоро перекусил в буфете и решил отдохнуть пару часов, а потом пойти в МЕТ. Он давно не слушал Доминго на сцене. Кальварес принял душ, лег и поставил будильник на 7 рм — на всякий случай, потому как засыпать и вовремя пробуждаться для него никогда труда не составляло.

Но тут получилось, что не может заснуть. Сначала в голове прокрутилось забавное: «В радиоузле нет их записей!». Ай да Марлоу! Вот где поклонник «Спайдерс»! Даже не позволяет этому выродку их слушать. Незаконно? Конечно. Но есть отговорка. И вообще в этих обстоятельствах Марлоу выглядит благородно, трудно даже представить, что из этого Кэрригана сделал бы другой фанат «Спайдерс»... «Но ведь Кэрриган — тоже фанат! — поразило Кальвареса противоречие. — Только наоборот? Любовь — ревность, из ревности убивают... Из ревности к кому? Или все-таки впереди геростратова версия, хотел прославиться? Другой фанатизм. Непохоже. Ведь возражает против публикаций в прессе... Так чего убивал-то? Тогда, 20 лет назад, все было ясно: фанат. Но сейчас не просматривается... Говорит: «Я знаю, что стал орудием убийства. В одиночку убивают только маньяки. Вы же видите — я не маньяк...». А кто ты, черт тебя побери?!

Кальварес пропахал пальцами шевелюру от лба до затылка, надел очки и, дотянувшись до телефона, набрал номер Марлоу.

— Извините, Фрэнк, я уж думал, попрощались.

— Все нормально... Я ждал вашего звонка. Хотели спросить, как отношусь к «Спайдерс»? Хорошо отношусь. Это... вся моя юность, понимаете?

— Это я понимаю. Вопрос в другом... Он сказал, что убил, но был только орудием убийства. Что он имел в виду? У меня копия его кейса, но там нет ничего об этом. Кэрриган ничего подобного раньше не заявлял?

— Нет.

— Может, устно?

— Честно говоря, не припомню...

— Ну ладно, попробую связаться с его адвокатом.

Кальварес заглянул в файл Кэрригана и выудил телефон Каджи Ламанга. «Индус? Пакистанец?» В офисе сработал автоответчик, дома подняла трубку девочка.

— Могу я поговорить с мистером Ламангом?

— Да, конечно.

Пока Кальварес ждал, он слышал голоса еще, по крайней мере, троих детей. Сколько их у него?

— Каджи Ламанг у телефона, — было произнесено с сильным акцентом.

(«Надо же, — подумал Кальварес, — сколько лет он здесь живет, а говорит, как в нашей бакалее»).

— Мистер Ламанг, прошу прощения, что беспокою вас дома, но вы поймете, выбора у меня не было. Я — помощник Верховного судьи Джон Кальварес. Здесь, в Нью-Йорке, в связи с петицией вашего клиента Кевина Кэрригана. Чисто инспекционная поездка. Но есть у меня к вам несколько вопросов.

— Вы хотели бы встретиться?

— Думаю, что в этом нет необходимости. Тем более, что остаток дня у меня расписан, а утром я уезжаю.

— Ну, что ж, спрашивайте.

— Мистер Ламанг. Вы ведь с Кэрриганом с самого начала...

— Да.

— А почему вы согласились вести его дело?

— Согласился? Почел за счастье! Я только закончил школу Нью-Йоркского университета, и мне предложили этот кейс про-боно. Такое громкое дело: как его ни кончишь — известность гарантирована.

— Неужели никто больше не хотел его защищать?

— Насчет таких же новичков, как я, не знаю, но ни один опытный адвокат не брался, тем более бесплатно. Дело абсолютно прозрачное. Полный комплект улик, арест на месте преступления, признание вины... А крайнюю позицию — сумасшествие и даже временное помешательство — упредили медэкспертизой... Моя роль в суде была чисто номинальной: что-то говорил о спайдермании, хотя мало что в этом понимал, о влиянии масс-медиа, о том, что подсудимый никогда прежде закон не нарушал, просил о снисхождении... Что еще я мог? Тем более, что Кэрриган плел всякую чушь, будто у него миссия, что человечество должно было отомстить Леклессу за разрушение самого великого в истории ансамбля. Никаких иных мотивов не просматривалось.

— Но вот я беседовал с Кэрриганом, он утверждает, что сейчас у него есть какие-то обстоятельства...

— Не сейчас. Примерно через пять лет после суда он нашел меня и стал говорить, будто... будто им управляли. Что он вдруг увидел, как его целенаправленно готовили к убийству. Его друг, целая группа людей из фан-клуба «Спайдерс».

— Зачем?

— Он не знает, и я понять не могу.

— То есть в версию, что Кэрригана кто-то подталкивал, вы верите?

— Только не подумайте, что я идиот или ищу новые дивиденды в этом деле... Я верю... Я даже пытался найти его друзей, но они исчезли...

— Вы не обращались с этим в прокуратуру? — спросил после некоторого молчания Кальварес.

— Смысл? Кому нужны бредни осужденного убийцы без каких-либо фактов. Такие фантазии приходят в голову каждому второму после года отсидки. Я знаю только, что Кэрриган пробовал заинтересовать этим начальника тюрьмы. Никакого эффекта — понятно.

Собственно, нужно было дожидаться события, когда все это можно легально изложить и попросить проверить. Вот оно и есть, это событие — срок подачи на досрочное освобождение.

На сей раз молчание затянулось до неприличия. «Черт знает что! — размышлял, покусывая дужку очков, Кальварес. — Бред собачий! У этого ублюдка было два десятка лет на фантазии. За это время такое можно было придумать! Кому все это теперь нужно? Убил и убил, ведь не отрицает... ведь за дело получил свою тридцатку... пусть спасибо скажет, что на стул не попал... ведь никаких смягчающих обстоятельств нет... Утверждает, что есть. Кто-то решил его руками убрать этого Леклесса... Кто? Этот мультимиллионер задолжал миллиард какому-нибудь «буки», отбил свою тщедушную японку у Капоне, он — незаконнорожденный сын английской королевы? Единственно, кому он надоел, так это ФБР и полиции из-за всяких пацифистских штучек, митингов всяких и прочего. Политикам он мешал? Да они ему памятник должны поставить за выпуск пара... Послушай, Джон, у тебя двадцать лет следственной практики в полиции и ФБР, чтобы не влезать в это жидкое говно... Правда, если этот ублюдок придумал складно, у него теперь будет шанс обратиться в прессу, и, конечно, везде развесят сопли, что помощнику Верховного судьи Хуберта это блюдо было преподнесено, а он и пальцем не пошевелил, чтобы его попробовать... Нет, хитер, умен Хуберт, старик чувствовал, что какой-то риф в этом деле всплывет...

— Мистер Кальварес?...

— О, простите, Ламанг, простите... — снова нацепил очки Кальварес. — Вы мне не назовете имя приятеля Кэрригана, которого вы не смогли найти?... Ага, Руперт Вейн. Возраст?... Да, тогда было — 23–24. А родился-то где?... Не знаете... Он что, по делу не проходил как свидетель? Нет?... Ну а что-нибудь еще о нем?... Играл в ансамбле «Лунные мальчики». Что за ансамбль такой?... Распался в январе 81-го и никаких следов?... Откуда это известно?... Ага, выступали в «Барокамере» в Ист-Вилледже, Кэрриган там бывал... Мистер Ламанг, вы не будете возражать, если я позвоню вам через полчаса-час? Или позже...

— Нет проблем. В любое время.

Получив отбой, Кальварес немедленно связался с ФБР, с Джимом Маккензи: «Старина я тебе сейчас пошлю E-mail по одному придурку, прошу тебя: найди его следы». Присоединил компьютер к гнезду интернета, набрал на дисплее: «Руперт Вейн, год рождения — от 1955 до 1960, играл в ансамбле «Лунные мальчики», который выступал в ресторане «Барокамера» до 1981 года». «Не густо, — подумал Кальварес, — интересно, Джим сможет сразу раскрутить?» — и нажал «Enter».

Буквально через 10 минут на дисплее засветилось: «Строишь из себя целку или в самом деле у вас в Верховном суде у всех потихоньку крыша едет? Если твой пацан нигде не засветился, ждать придется долго. Джим».

«Ищи! — усмехнулся Джон и стал одеваться в оперу. Хотя никакого желания не осталось: устал, да и знал, что Кэрригана от Доминго уже не отделит.

Вернувшись в номер, Кальварес первым делом полез в Mailbox. «Джон, — прочел он, — Таких Рупертов Вейнов 1,5 тысячи. Мы, конечно, просеяли, осталось 36. Те, что засвечены, подчеркнуты. Джим». И первое, что Кальварес увидел в списке «атачмента» гласило:

«Руперт Вейн, 1957, отец — Джошуа Вейн, 1930, мать — Марта Вейн, 1931. Адрес до
1981 года: 2714 Дитмас-авеню, Бруклин.

4 ареста по подозрению в распространении наркотиков.

Убит 15 февраля 1981 года в уличной драке в Ливерпуле (Великобритания)».

За месяц до суда над Кэрриганом...

Кальварес поднял трубку и набрал адвоката Ламанга. Тот, похоже, и не ложился.

— Мистер Ламанг, завтра-послезавтра к вам от меня приедет детектив.

— Что у нас на ужин, Анна? — спросил Гарри, отбросив «Ньюсуик» и подтянув кончиками пальцев щеки к затылку.

— Цыпленок-консомпри, мистер Пельц.

— Что за чертовщина, называть вываренного до косточек цыпленка столь мудрено! — пробурчал Гарри. — Накрой мне, как обычно, на веранде, не хочу прозевать закат.

Собственно, не закат боялся он прозевать, а сумерки. Когда взлетает луч из пирамиды «Диаманта» и поджигает первое подвернувшееся облако, зеленоватое, словно долларовая бумажка. А затем над всем Лас-Вегас бульваром начинает течь река горящих долларов.

Город горящих долларов. Сначала они жгут чьи-то карманы, потом горят в рекламах казино, потом в божьем небе. Дыма нет, есть сладость и горечь, есть слезы и восторг, любовь и ненависть, есть великое шоу страстей, перед которыми все Шекспиры вместе взятые могут склонить голову. Шоу, разыгрываемое каждый день в огромном городе сотнями тысяч добровольных актеров. Гениальных актеров. Нет фальши, потому что они даже не знают, что играют, они живут — здесь квинтэссенция, концентрат их бытия. Здесь — правда, без морализаторства, без болтовни о высоком предназначении.

Массовка? ... Нет главных героев? ... А в жизни они есть? Македонский? Бруно? Гитлер? Эйнштейн? ... Здесь тоже иной раз кто-то выигрывает миллион, а кто-то проигрывает. Что за разница: победил ли кто в чреве матушки братьев-сперматозоидов или попал на удачное сочетание единиц и нулей в электронной слот-машине? В жизни каждый день тяжким трудом пытаемся доказать превосходство? ... И здесь — каждым квотером, который, как известно, эквивалент труду. Туда все равно попадем с пустыми карманами, только здесь их обчищают быстрее, потому как — концентрат.

Гарри любил Вегас и был игроком. Но играл, как ему казалось, только на выигрыш. Жизнь его научила делать ставки, тщательно готовя себя, зеленое поле и крупье.

Его отец Янкель Пельцмахер всегда говорил: «В этой жизни ты — или гвоздь, или молоток. Хорошо, если ты такой гвоздь, что не гнешься под ударами, но всегда лучше, если ты — молоток». Отец это хорошо знал — он был сапожником. Не простым сапожником — он тачал туфли, как он называл их по-русски «модельные», custom-made. В их доме, на Исте Сансет-бульвара, в полуподвале была крошечная мастерская, где от зари до заката трудились Янкель и трое его помощников. А заказчиками были люди из этой самой «фабрики грез».

Янкель был плешив, а из-под остатков волос пробивались струпья, его левый глаз закрывало бельмо, зато правый обладал особым зрением. «Посмотри какие туфли заказала эта шикса, — говорил он забежавшему в мастерскую маленькому Гершеле. — Стрипки выше щиколотки. Она будет надевать их без чулок... Но ведь это не сандалии — каблук три инча. Неужели с таким вкусом можно получить роль лучше, чем кассирши в магазине? Уж тогда точно никто твоих туфель не увидит. Потому Мэри — «звезда», а эта — шикса.

Да-да, сама Мэри Пикфорд порой навещалась в мастерскую. Правда, редко — только если нужно что-то срочное и что-то особенное, такое, что ее агент не мог изобразить. Она улыбалась, словно находилась не в темном полуподвале, а на президентском приеме, трепала жесткие рыжие волосы Гершля, дарила ему огромный «лоли-пап». И она пахла... Боже, как она пахла! Долго в «клиентском», покрытом белым крахмальным чехлом, кресле

не рассиживалась, показывала эскиз своего дизайнера, внимательно выслушивала мнение Янкеля и упорхивала, оставляя за собой шлейф аромата. И потом часами горел синим пламенем единственный глаз старого отца восьмерых детей.

Гершль был самым маленьким, случайным поскребышем четы Пельцмахеров, иммигрантов из России, так толком и не выучивших английский язык. Он родился, когда старший брат уже успел отсидеть в тюрьме за ограбление квартиры, а второй брат только попался на краже аккордеона. Это была бедная, нищая семья, жившая в том самом полуподвале, где потом открыли мастерскую. Янкель работал на улице — шлепал набойки и чистил туфли продавцам и официантам.

Так продолжалось бы вечно, если бы толстая, косолапо ступавшая мама Этель не нашла однажды свежий каталог дома «Woolworth». Она показала его Янкелю и заявила: «Ты можешь сделать лучше!» — «Могу, — ответил Янкель, — но никому от этого не легче». — «Сделай! — потребовала Этель и за год до президента Джексона объявила в доме «сухой» закон.

А Янкель уже не мог не пить. А до того каждый вечер, приходя с улицы, он опрожнял четверть бутылки виски, которые сама же Этель и покупала. Он выпивал и забывался тяжелым сном. Так Этель контролировала рождаемость.

Но когда человека лишают виски и «сладкого», он вынужден делать то, что от него требуют. И Янкель сшил четыре пары туфель — две женские, две мужские, а Этель пошла с ними к Бэррилу Крайцу, который тоже из Белой Церкви и который стал портным самого мистера Голдвина: «Помоги нам Бэррил, иначе я прямо здесь, прямо сейчас наложу на себя руки!» Через неделю Крайц приехал, снял для семьи два верхних этажа и повел Янкеля в синагогу.

Когда Гершль родился, семья уже не нуждалась. Два старших брата сидели в тюрьме, следующий — стал карточным шулером и разъезжал по игорным домам Америки, сестра вышла замуж за продавца машин, еще три брата учились в школе. А Гершль был маленьким принцем, которому все давалось и все разрешалось. С трехлетнего возраста он не выходил из мастерской, где отец, расчерчивая и разрезая кожу, говорил ему все, что он думал о жизни, и куда приезжали нарядные господа и делали заказы для еще более нарядных, которые тоже изредка навевались. Та же Мэри Пикфорд, или Глория Свенсон, или Джон Бэримор... Гершль уже тогда усвоил: чем значительней персона — тем она проще. Когда приезжали «звезды», у них всегда было для него что-нибудь вкусное, а в крайнем случае — дайм, они всегда говорили, как он попросит, какой на нем костюм, как он пострижен. Но их агенты — чем мельче, тем меньше его замечали.

Однажды в мастерскую приехал маленький, невзрачный человечек с усиками и большими черными глазами. Он целых два часа сидел в «клиентском» кресле, мешал не только отцу, но и всем работать, и все выяснял разницу между малороссийским и британским идишем. Особенно его заинтересовало слово «хнёк». «Ну как вам сказать? — объяснял отец, — Это когда личность мелкая, но с гонором». — «О, это обо мне!..», — рассмеялся маленький человечек. А когда он, ничего не заказав, уехал, Гершль спросил: «Кто этот хнёк?». Все расхохотались, а старый Янкель погладил его по голове и сказал: «Это, может быть, самый великий еврей на свете. Это — Чарли Чаплин».

«Странно, — думал теперь Гарри. — Отец никогда не бывал в кино, но всех артистов знал не только по именам, он каждому знал цену. Ему достаточно было пообщаться... И у

него была возможность пообщаться! — неожиданно удивился Гарри. — У сапожника — со «звездой» Голливуда!.. Ну, а что тут странного: тогда это еще было возможно. Тогда еще самый бедный мог жить рядом с самым богатым и, встречаясь по утрам, они спрашивали друг друга, как здоровье жен и детей, знали их по именам; тогда еще банкир и сантехник могли оказаться за одним столом в ресторане, на одной скамье в церкви или синагоге. Они даже могли подраться... Правда, уже не везде, но все-таки... Как все изменилось! Как все разобщились по кварталам, домам, клубам, машинам. По деньгам. Наверное, только в Лас-Вегасе и можно сейчас увидеть сидящих рядышком и обсуждающих «лак» политиков и продавцов, адвокатов и босяков, уравненных слот-машинами, столами «Блэк Джека» или рулеткой. Сюрреализм, но теперь здесь и только здесь американцы — единое общество, как в былые времена. И те, кто приезжает сюда, это чувствуют. Неосознанная ностальгия заставляет их первым делом покупать ковбойские шляпы и широкие ремни с массивными пряжками, они радуются каждой возможности послушать старую музыку, увидеть «звездные» аксессуары начала века, 20-х, 30-х, 40-х, 50-х... И 60-х...

Когда же началось это великое разъединение? В депрессию? Да, конечно. Но ведь война все вернула на место. Она даже сблизила белых и черных, англо-саксов и евреев, большие и малые пропасти между ними стали заполнять совместные бизнесы и искусство. Казалось, еще немного, еще каких-то два-три, ну четыре десятилетия — и все сольются... Но кому-то не терпелось, кому-то захотелось это форсировать, и произошло словно столкновение льдин, и они покрылись бесчисленным количеством трещин. И уже люди стали думать не о том, чтобы благоустроить островок, на котором они оказались, они начали перебираться через трещины-пропасти к «своим» — по деньгам, по цвету волос и глаз, по имени Бога, ими выбранного. Некоторые островки оказались совсем беспризорными, и туда хлынули потоки людей вообще непонятного рода-племени, для которых Америка — всего лишь место, где они могут безбедно жить, а ко всему остальному здесь — культуре, традициям, даже языку — они хорошо если безразличны, чаще — враждебны. Говорят: Нью-Йорк — не Америка. И Лос-Анджелес — не Америка... Америка — Лас-Вегас, этот, как и вся она искусственный, придуманный ганстерами и авантюристами город?»

И Гарри включил телевизор: может есть уже результаты пересчета голосов во Флориде. Хотя какие еще результаты нужны?...

Верховный судья Уинфри Хуберт внимательно и чуть иронично слушал Джона Кальвареса, потом ухмыльнулся и сказал: «А что, собственно, нового? Он никогда не говорил, что убил Леклесса самостоятельно. Им руководила высшая сила. Теперь он, кажется, нашел порядок этой силы... Конечно, убийство его друга за месяц до суда кое-что меняет. Не думаю, что кардинально, однако фактор газетных спекуляций учитывать приходится. Так что, прежде чем вынести решение по петиции, маленькое расследование провести придется».

— Я уже хотел подключить Джима Маккензи, но...

— Вот именно — но. Оставьте своих друзей в покое. Это что — дело государственной важности? Нет, обыкновенная уголовка. Муниципальная полиция — вот и все, на что оно тянет.

Кальварес поморщился.

— И не говорите, Кальварес, — рассмеялся Хуберт, — ну что можно ждать от полиции в деле двадцатилетней давности... Ну, так закроют они его. Или вы думаете, если найдется еще пара придурков, пожелавших тогда смерти этого Леклесса, что-то изменится? Уверяю вас: ни-че-го. Убил Кэрриган, и только Кэрриган, а они — давно степенные граждане, у них дети в колледж пошли. Вот что, я позвоню Джулиани, пусть выделяют кого половчее — времени у нас мало.

6.

В тюрьму адвокат Каджи Ламанг и инспектор Стивен Киршон прибыли рано утром. Фрэнк Марлоу сухо поздоровался с адвокатом и приветливо похлопал Киршона по жилистой спине: «Продолжаешь матереть, Стив?» — «Да уж, когда окончательно заматерю, сменю тебя в этой богадельне», — показал широкие зубы Стивен.

Они познакомились 12 лет назад, когда юный, худой и лопухий студент колледжа Стивен поступил на его участок. Все тогда очень удивились: студента рекомендовал... Любавичский Ребе.

Нет, Стивен не носил ермолку, никакой синагогой от него и не пахло. Его семья, иммигранты из России, потеряла отца, стало не на что жить, и Стивену посоветовали пойти к Любавичскому Ребе, может, тот поможет хоть с какой-то работой.

Старый раввин выслушал юношу и сказал: «Иди в полицию. Скоро понадобится много «русских» полицейских... Я помогу устроиться». Так Стивен, окончив Академию, попал в 14-й участок, который Марлоу уже возглавлял. Четыре года ему понадобилось, чтобы из патрульного стать детективом, шесть — чтобы стать инспектором, и все 12 — чтобы обрасти мышцами и «причесать» уши. И все равно в свои 34 Стивен не производил солидного впечатления — все такой же поджарый, чуть сутулый, со впалыми щеками, над которыми нависали «аэродинамические» сросшиеся брови, и с путаницей волос под кепкой «Nike».

Сегодня ему очень хотелось показать класс бывшему начальнику, отчего он позволил себе роскошь смотреть сверху вниз на коренастого Фрэнка, и в его черных глазах горели веселые огоньки.

— Так это тебе поручили Кэрригана. Надо же, как они серьезно! — повел плечом Марлоу.

— Ты же понимаешь, дело это когда-то проходило по нашему участку, вот меня и нашли. А мне это так же нужно, как зайцу стоп-сигнал, — заключил Стивен своим любимым выражением, которое, как Фрэнк знал, перевод с русского.

— Ладно, чем тебе помочь?

— Черт его знает! Дело этого Кэрригана я уже просмотрел... Тащи его в комнату для допросов.

— Уже там.

Не входя, Стивен заглянул в глазок. Кэрриган сидел, стиснув худые пальцы, прикусив нижнюю губу, упершись взглядом в потолок, по щеками ходили желваки — он явно нервничал. «Тип убийцы из ревности, — отметил про себя Стивен. — Такие не убивают за деньги, у таких не бывает тщательных планов убийства, такие убивают только в состоянии аффекта. Экспертиза это отрицает. Не было никаких столкновений, никаких конфликтов, просто подошел и выстрелил...»

Когда они вошли, Кэрриган вдрогнул всем телом, попытался встать, но передумал и продолжал сидеть, упершись взглядом в пол.

— Здравствуйте, Кевин, это — инспектор Киршон, ему поручено заняться вашим делом, — сообщил Каджи Ламанг.

Стивен молча устроился напротив Кэрригана, выложил блокнот, ручку, сигареты, диктофон, спросив «не возражаешь?», затем, подпалив сигарету и подняв самолет бровей, также молча уставился в глаза заключенного. Тот отвел взгляд.

— Кури, — предложил Стивен.

— Спасибо, не курю.

— Не куришь? — удивился Стивен. — Как же ты тогда марихуаной баловался?

— Я никогда не курил марихуану.

— Та-а-ак... Ты хочешь сказать... Стоп. Давай так: присягать тебе не требуется, то, что все сказанное тобой может обернуться против тебя, ты знаешь, если что не так — тут твой адвокат... — выпалил Стивен. — И ты хочешь сказать, что в фан-клубе, где тебя посетила гениальная мысль убить Леклесса, травку не жгли.

— Нет, почему же, просто я никогда ее не употреблял, потому что вообще никогда не курил.

— А что ты, извини меня, «употреблял»? «Герой» колосся, «снежок» нюхал?...

— ЛСД, — тихо сказал Кэрриган.

— Вот уж торчок! Схавал марочку ЛСД и со счастливой рожей пошел Леклесса шмолять...

— Марку ЛСД я, действительно, схавал и пошел шмолять.

— Вот что, браток, от ЛСД таких приходов не бывает... — медленно произнес Стивен и вспомнил, что медэксперты нашли в крови Кэрригана именно ЛСД. И больше ничего... — Расскажи-ка мне о своем клубе, как он там назывался?

— «Спайдерс»...

— Да, понятно, «Спайдерс»...

Кевин рос без отца. Где тот потерялся, между Вудстоком и Ньюпортом, он не знал. Все, что от отца осталось, это огромная коллекция черных дисков, стерео-система и гора книг о джазе, о роке, о поп-музыке.

Мать работала медсестрой, часто дежурила по ночам, оставляя Кевина дома. Не о чем было волноваться: тихий и послушный мальчик знал, что нельзя зажигать плиту, прикасаться к электрическим розеткам, сильно шуметь, иначе придут злобные соушелворкеры и заберут его у мамы. Кто они — мальчик не знал, но страшно их боялся.

Еще он боялся оставаться дома один. Он говорил об этом маме. Мама плакала и говорила, что ничего тут не поделаешь, иначе она не заработает деньги, чтобы платить за рент и биллы, чтобы купить еду, чтобы они могли в воскресенье пойти кататься на «русских горках». Все, что отвлекало Кевина от страха, это диски, которые он всегда слушал, лежа под одеялом. Мама знала об этом, и в те вечера, когда уходила на работу, а то и на свидание, она ставила Кевину один из дисков: «Вот послушай и засыпай...» Она не знала, что мальчик еще не раз выберется из-под одеяла и, ежась от холода, перевернет диск или поставит другой.

Кевин любил слушать песенки Нэта Кола или Стиви Уандера, а когда они ему надоедали, переключался на композиции Каунта Бесси, Дюка Эллингтона, Джона Колтрейна, иногда ему в радость было послушать что-то ритмичное из Билла Хейли или Эдварда Прайса, порой ужасно волновали горячие голоса Луи Армстронга и Эллы Фицджеральд.

Но особое пристрастие у мальчика было к гитарам и к песням, которые под гитары исполняли. Объяснить почему, Кевин не может и сейчас, но еще совсем маленьким, еще 7-10-летним он буквально млел, слушая «Роллинг Стоунс», «Пинк Флойд», или гения гитары Джима Харриса, а больше всего их — «Спайдерс»...

Вот тут у него было раздолье: отец словно знал о будущем увлечении сына и оставил ему полную коллекцию дисков этой группы, тех, что успели появиться, прежде чем он ушел в никуда. Кевин знал все их песни наизусть, он изучал TV-Guide, чтобы не пропустить ни одного их выступления, и он, наконец, добрался до отцовской библиотеки и выучил каждую строчку из того, что было написано о «Спайдерс». У него от ночного чтения испортилось зрение, но Кевин этому только радовался — он мог иметь очки, такие же круглые, как у Дэна Леклесса...

Но потом, когда Кевину исполнилось 12, он испытал страшный шок: было объявлено, что обожаемый им Леклесс ушел из «Спайдерс», группа распалась и теперь уже навсегда.

Никто не мог объяснить, почему это так на Кевине сказалось. Несколько суток он рыдал, словно похоронил самого близкого человека. А потом не ел и не спал, только слушал диски «Спайдерс». Он даже ходил в церковь и молил Бога, чтобы Леклесс вернулся.

Было очевидно, что у Кевина начинается какое-то психическое заболевание, и мама стала искать врача. Они побывали у троих-четверых, но никто из них не знал, как помочь. «Ясно, — говорили они, — мальчик нервный. Безотцовщина, постоянное одиночество даром не проходят». Но отчего такая реакция на уход Леклесса из «Спайдерс», они не знают, нужно исследовать, нужно длительно с мальчиком работать.

«Длительно» — это мама принять не хотела, и она продолжала искать того, кто мог сразу сказать, что с мальчиком, сразу помочь. И таким оказался Мо Плоткин, его

порекомендовал главврач ее госпиталя. «Вам, — сказал он, — нужен специалист, кто работал в среде артистов, музыкантов. Ему такое, наверное, не впервой».

Мо Плоткину было за 60. Он не только работал с артистами, но успел в Вене побыть учеником самого Зигмунда Фрейда, бога, которого он исповедовал. «Да, и это ясно: ребенку, он того и не подозревал, не хватало отца, не хватало наставника, — сразу заявил доктор Плоткин. — А «Спайдерс» стали ему и отцом, и наставником. Когда же из-за ухода Леклесса ансамбль распался, мальчик вторично пережил потерю отца».

Все, что психиатр сделал, — он объяснил это мальчику, и тот, не без успокоительных лекарств, пришел в себя.

Кевин даже перестал слушать «Спайдерс» — переключился на «диско», на Гейнор, Росс, Билли Джоэла, стал ходить в школу спортивного танца. Впрочем, в доме не перестали звучать и рок-группы, те же Rolling Stones, Let Zeppelin, Kiss... Только не «Спайдерс».

«Это тоже ненормально, — говорил маме доктор Плоткин, — значит, мальчик еще не преодолел тот стресс. Подарите ему последние диски «Спайдерс», а также те, что Леклесс и этот, как его, Макнамара выпустили самостоятельно. Не беспокойтесь, он послушает и окончательно освободится».

На Рождество 1977 года на письменном столе Кевина лежали свежие диски с портретами так любимых им еще несколько лет назад «Спайдерс», всех вместе и по отдельности. Кевин боялся их распечатать, пока мама не сказала: «Ну чего ж ты? Не бомбу же я тебе принесла...» Знала бы она, что, действительно, принесла бомбу.

Кевин осторожно, один за другим, стал распечатывать и слушать диски. Сначала звучали знакомые этому дому песни, потом те, которые он волей-неволей слышал на стороне, а когда закрутился диск Макнамары, он будто с головой нырнул в его музыку. Длилось это весь рождественский день.

Мать с тревогой смотрела, как сын задумчиво открывает самый последний диск — Леклесса. «Что-то должно произойти...» — подсказывало ей сердце. И действительно: когда зазвучала песня «Все не напрасно», ее семнадцатилетний сын вновь, как четыре года назад, заплакал. В панике она позвонила доктору Плоткину. «Все правильно, теперь он будет свободен». Кевин плакал и говорил сквозь слезы: «Как бы они теперь работали вместе!.. Никто, никто не мог бы с ними сравниться...»

С тех пор в доме уже не было табу на «Спайдерс». Снова Кевин читал о них все, что только мог найти. Он увлек этим своих товарищей по школе, и они часто собирались у него в комнате поболтать, послушать, поискать у других ансамблей позаимствованное у «Спайдерс». Кевин стал бывать всюду, где играют музыку «Спайдерс», и однажды в ресторане «Барокамера» познакомился с Рупертом Вейном, ритм-гитаристом группы «Лунные мальчики». Руперт сам подошел к нему. «Я часто тебя здесь вижу, — сказал он, присаживаясь за столик. — Мне сказали, ты — большой знаток «Спайдерс». На чем играешь?»

— Я не играю, я просто их люблю.

— А почему ты не бываешь в «Спайдерс»-клубе на Вест 63-й?

— Я о нем ничего не знаю.

— Да ты что?! Сегодня это самое прикольное место! Всего три месяца как существует, а уже сотня постоянных членов. Хочешь, завтра вместе пойдем?...

Клуб размещался на 63-й и 10 авеню, на втором этаже, над каким-то складом

мануфактуры. Он оказался небольшим — футов квадратных так под две тысячи. Но больше и не требовалось: в будние дни редко когда собиралось больше трех дюжин. Сидели за столиками и, попивая пиво или коктейли, вели нескончаемый разговор о том, где и как «Спайдерс» выступали, чем одно выступление отличалось от другого, почему перезаписали какую-нибудь «Историю плохой любви»...

Если Бог уберет вас от того, чтобы быть фанатом, вы никогда не поймете, отчего умные и образованные люди занимаются такой ерундой, зачем залепляют стены бесчисленным количеством фотографий своих кумиров, обложек с дисков, почему утверждение, что диск «Дорога в храм» лучше всего слушать перед обедом, не только не вызывает гомерического хохота, но и улыбки. А уж рассуждения — под какой напиток или наркотик его слушать — так вообще тянут на диссертацию...

Бог вас уберет, а потому вы никогда их не поймете. Хотя, если подумать: чем их бдения отличны от сборищ математиков, спорящих о том, как поведет себя абстрактная функция, если ее переменные получают иррациональные значения? Что вам, банковскому клерку или водителю автобуса, до этой кривой и до ее новых искривлений? Но сознайтесь: слыша такой разговор, вы испытываете невольное уважение к его участникам. Да и такое же — к фанатам от музыки, среди которых вам куда комфортнее, где порой с умным видом можно добавить и свои пять центов.

Все фан-клубы тем и живут. Существует ядро ярых знатоков-поклонников, затем круг пошире — из поклонников поклонников, и самый большой круг — те, кто в свое удовольствие пользуется результатами клубной работы, ходит на дискотеки, концерты, просто отдыхает в неслучайной компании за бокалом «космополитена».

Кевина сразу приняли в первый круг. Он хоть и не был музыкантом, но знал о «Спайдерс» все. У него был безупречный вкус, а потому президент клуба Артур Патти всегда просил его поучаствовать в обсуждении программ, оформлении экспозиций. Почему-то ему, самому юному, принадлежало решающее слово в вопросах, какую группу, играющую музыку «Спайдерс», или какого диск-жокея пригласить выступить. Кевину это ужасно льстило. А Артур не раз ему говорил, что он мог бы стать вице-президентом клуба, если бы внес хоть какой-то пай в его развитие.

Денег у Кевина не было. Артур, конечно же, это знал и время от времени после удачно проведенного вечера презентовал ему сотню-другую долларов из выручки. Артур поручил Кевину договариваться о выездных выступлениях групп под маркой клуба. Чаще всего — в небольших городках Пенсильвании, Нью-Джерси, летом — на курортах Лонг-Айленда. Тоже — не бесплатно. По сути Кевин обрел работу. Мама была довольна. И она всегда знала, где он после занятий в колледже.

Кевин очень подружился с Рупертом и бас-гитаристом «Лунных мальчиков» Айком Крейцем. Он протезировал «Лунным мальчикам», устраивая им выгодные концерты, сам часто с ними ездил. Перед концертом «мальчики» обычно заглывали по одной, а то и по две марки ЛСД. «Нужно немножко кайфа, чтобы музыка шла в масть», — объясняли они. Кевину ЛСД тоже понравился, с ним он мог радостно забыться и видеть на сцене вместо Руперта самого Макнамару, вместо Крейца — Леклесса, видеть, как засыпает и пробуждается соло-гитара самого Хопкинса, как взлетают палочки у неестественно улыбающегося Страма. И зал, состоящий из пары сотен оплывающих жирком учителей, продавцов и мастеровых, казался ему стадионом, наполненным экстазом и овациями. Таким, каким он и должен быть, когда звучит музыка «Спайдерс»...

Была у клуба одна особенность, отличавшая его от других собратьев: здесь играли только музыку «Спайдерс» и только то, что группа сделала до распада. Никого в отдельности — после. Об этом предупреждали всех выступавших здесь диск-жокеев и ансамбли, на стенах не было ни одной фотографии, где бы изображались «спайдеры» нынешние. История остановилась в 1972 году — так считали все члены правления и вместе с ними Кевин.

Часто, когда посетители расходились и оставалась тесная компания, под кайфом пробуждался давний мечтательный разговор: что было бы, если бы Леклесс не покинул «Спайдерс», какая бы это группа теперь была, какую музыку играла.

— Никто сегодня и шагу не сделал дальше, чем они, — обычно заявлял один.

— Конечно, — подхватывал другой, — все эти «Киссы», «Дорзы», «Монте-крю», если чего и добиваются, то только за счет внешних эффектов, даже «Роллинги» теперь...

— А что тут удивляться? — говорил третий. — Им только на внешние эффекты и напирать, не дотянуться им до «Спайдерс» ни в гармонии, ни в текстах.

— О, в текстах! Это же надо такое петь: «Мама, я только что убил человека...»

— Ну, если говорить о «Куин», то они еще ничего. Хотя бы мелодии у них...

— Да ворованное все, из классики! А там, где свое, — сплошное фуфло...

Обычно такие разговоры заканчивались тем, что все соглашались: Леклесс похоронил «Спайдерс», хорошую музыку и открыл дорогу бездарностям. «Его бы самого за это похоронить!», — бросал кто-то невзначай.

Однажды Артур, Руперт и Кевин сидели в клубе втроем. Пили виски, взяли пс «марочке», а настроение было дрянь. В последнее время клуб стремительно пустел, даже на дискотеки стали приходить по сотне-полторы человек. Половина постоянных членов перестала платить взносы.

— Я скоро не смогу наскрести даже на рент, — пожаловался Артур.

— А что происходит, почему? — вопрошал Кевин, которому уже давно в клубе не перепадало никаких денег.

— Ты не видишь, что происходит?! — возмутился Артур. — Я скажу тебе, что происходит. Загляни в «Балл-рум», когда там выступает какая-нибудь, даже смурная группа, — яблоку негде упасть. Кто там? Пацанва, моложе тебя. Они теперь растут с этими, понимаешь, с этими дурняками, а не со «Спайдерс», которые уже не существуют. И для них не существуют. Посмотри, кто члены нашего клуба, кто к нам приходит — хорошо, если тридцатилетние... Старше... Да, именно те, которые под них попали, когда им было 16–17, не шесть-семь, как тебе. Они знают «Спайдерс», они любят «Спайдерс», у них эта любовь с первых прыщей, «косяков» и поцелуйчиков. Но им за тридцать, у них семьи и работа, они уже не могут быть фанатами. Настоящих фанатов вообще мало, больше косят под это дело. Но нет уже «Спайдерс», давно нет — и игра закончена. И вся пацанва слушает белиберду, к ней их приучили. Музыка, настоящая музыка умерла вместе со «Спайдерс».

— И что, больше не возродится? — спросил Руперт.

— А как она возродится? Нужно, чтобы появились новые «Спайдерс», а такие появляются раз в тысячу лет.

— Я имею в виду, может, люди пресытятся всем этим и снова захотят слушать «Спайдерс»...

— Никаких шансов! Шоу-бизнес никогда и ничего публике не навязывает, он выдает ей то, что она хочет видеть и слышать, то, что она знает. А она уже не знает «Спайдерс». Нет

такой группы, умерла.

— Может, Леклесс вернется, — осторожно предположил Кевин.

— Ты знаешь, что не вернется! — жестко сказал Артур, глядя ему в глаза. И Кевин почувствовал, как охватывает его прежняя тоска и хочется плакать навзрыд.

— А если даже случится чудо: вот они вместе, вся четверка... Ну и что! Что теперь они вместе могут сделать лучше, чем было? Да ничего! Они оторвали юность от зрелости, они себя разорвали, свой организм. И уже не срастется.

— И что теперь будет? — спросил Кевин.

— А ничего не будет, — буднично сказал Артур. — Разве что мы закроем клуб. Никто и не заметит.

— Но ведь можно что-то сделать, чтобы вернуть «Спайдерс» популярность.

— Мы только этим и занимались два года. Результат известен. Поймите вы, нужны огромные деньги, усилия тысяч людей, чтобы хотя бы вернуть их песни на первые строчки «Биллборда». Или... — Артур задумался, — должно произойти что-то экстраординарное... Марсиане прилетели и заявили, что, кроме «Спайдерс», ничего слушать не хотят... Закроете клуб, — бросил он напоследок и ушел.

— А может, пойти и прикончить Леклесса? — предложил, когда они остались одни, Руперт. — Представляешь шумиху в медиа?! Будут заново катать все их ролики, транслировать все их песни!..

Потрясенные этой внезапной мыслью, Кевин и Руперт так и просидели остаток ночи за столиком, на полном серьезе обсуждая возможность прикончить Леклесса.

И буквально через день Руперт вытащил Кевина в задымленный марихуаной туалет: «Смотри, что у меня есть! — и достал из-за спины пистолет. — Представляешь, купил у одного черного всего за полсотни баксов».

А дальше все как-то само покатило в одну сторону. Кевин был уверен, что Руперт прав, что громкое убийство Леклесса — единственный вариант, и тот в конце концов это заслужил. Но он не хотел, он боялся убивать. Однако каждый день рядом с ним был Руперт со все новыми планами нападения.

«Важно обмануть его охрану, — убеждал он. — Лучше всего, если ты пристанешь к нему с просьбой подписать старый «спайдеровский» диск. Он разозлится, охрана накинется на тебя, а я в это время его пристрелю».

Еще через день Артур собрал правление и заявил, что жить клубу осталось неделю, платить за рент нечем. И все, к потрясению Кевина, восприняли это спокойно, никто не предложил свои деньги, никто даже не сказал, что можно как-то попытаться их найти. Артур попросил Руперта и Кевина помочь снять фотографии, упаковать оборудование, разобрать столы.

— И куда все это денется? — спросил Кевин. И Артур показал «Дейли ньюс» с объявлением о распродаже. «В связи с выходом из бизнеса...» — эта строчка почему-то тяжело придавила Кевина. И уж совсем неважноту ему было, когда вместе с Артуром и Рупертом продавал вещи клуба, и никто не хотел платить больше 5 долларов за великий альбом «Большое яблоко»...

Все эти дни и ночи Кевин провел в клубе. Он не мог спать, он включал на полную громкость записи «Спайдерс» и слушал их, плача и смеясь. Никто не мешал ему это делать. Ребята, понимая его состояние, давали ему «марочки», но те не приносили ни радости, ни успокоения. Он знал, что все рухнуло и уже никто на свете ему не поможет.

После распродажи Артур уехал, а Кевин и Руперт остались одни в пустом клубе. Он был смертельно пуст. Руперт скрутил себе «косяк», дал Кевину ЛСД. Они молча сидели на полу, прислонившись к стене.

— Все, — сказал Руперт. — Похоронили...

— Нет, не все! — взорвался Кевин. — Теперь мы пристрелим этого сукиного сына! Идем, он скоро должен вернуться с концерта!

— Нет, — сокрушенно ответил Руперт, — у меня не получится. Я узнал, что моя подружка беременна, и я не хочу, чтобы мой сын рос без отца...

И словно вспышка ослепила Кевина, тело потрясла дрожь безумной злобы, а голове все четыре голоса «Спайдерс» прокричали свое «Help!»

— Тогда дай мне пистолет. Я кончу его без тебя! — потребовал он.

Руперт молча отдал пистолет, и Кевин выбежал на улицу.

Странно, но он хорошо контролировал себя. Не спеша, добрался до Вест-сайда и устроился на скамеечке напротив дома Леклесса. Ему повезло: ждать долго не пришлось. Примерно через полчаса Леклесс приехал в лимузине и, сопровождаемый охранником, пошел домой, а Кевин вышел им навстречу. Как только они разминулись, Кевин выхватил пистолет и окликнул Леклесса... Последнее, что увидел Леклесс, — свои же очки, смотрящие на него взглядом раненого зверя. Охранник бросился к упавшему Леклессу, а Кевин, тупо стоял рядом, опустив пистолет, пока полицейские не скрутили ему руки.

Его привезли в 14-й участок. И когда следователь спросил, знает ли он, кого убил, ответил: «Знаю. Дэна Леклесса».

— Во время следствия и на суде ты говорил, у кого взял пистолет? — спросил Стивен.

— Я сказал, что купил случайно у одного черного.

— Почему не заложил Вейна?

— У него должен был родиться ребенок. И тогда для меня не имело значения, откуда взялся этот пистолет.

— А теперь, значит, имеет...

— Да, я думаю, что Руперт и Артур меня подставили. Они сделали из меня убийцу.

— Зачем?

— Не знаю. Этого я не знаю...

— А ты все это время пробовал связаться с Вейном? Он тебя навещал? — испытывающе посмотрел Стивен на Кэрригана.

— Я пробовал. Просил маму его найти, но он уехал, исчез куда-то. Наверное, испугался.

— ОК, — мягко посадив брови, сказал Стивен и закрыл блокнот. — Думаю, мы еще встретимся.

9.

Анна принесла чашечку «кастрированного», без кофеина, кофе и маленький эклер. Брезгливо посмотрев на это убожество, Гарри подумал: «А не спуститься ли сегодня вниз, поиграть чуток в покер?» Уже решив было порадовать казино, он обвел взглядом сверкающую панораму Вегаса и увидел на огромном экране перед «Беладжио» — Ее, эту дуру, эту глупую его страсть. Платиновые волосы, словно уложенные ветром, сладко полуприкрытые глаза, губы, словно всегда готовые целовать, рвущаяся из платья, будто раскрывающийся бутон, белая грудь. Самая белая женщина Америки...

Боже, как он Ее любил! Господи, как он Ее ненавидел, как презирал! И наверное, никто не знал Ее, Мелинду Монтрей, лучше, чем он, Гарри Пельц. Ни оба ее мужа, ни ее любовники, ни сотни придурков, которым она отдавалась, как веселая кукла, через час забывая, что ее трахали, ни даже Мо Плоткин, к которому она ездила исповедоваться, вместо священника.

Вся семья им гордилась. И старшие братья, побывавшие в бутлегерах, и средний — менеджер в индейском казино, и сестра, кривоногая и рябая домохозяйка, и еще трое, определившиеся кто в таксисты, кто на стройку. Еще бы: Гершл стал студентом Беркли! Он — первый в семье, кто будет уважаемым господином. Гордилась мама. Вот только отец не дожил... Он умер от рака печени. Тяжело умирал, балансируя между болью и наркотиками. Гершл с мамой навестили его буквально за несколько часов до смерти. Отец словно выплянул из пропасти своим единственным глазом, молча смотрел на Этель и сына, а потом произнес на идиш: «Я истеря, как подошва». Так и сказал: «Их обзех ойсгерибн ви азойил...»

Вскоре закрылась мастерская, туда семья решила переселить своего студента. Но университет Гершл не окончил — началась война. Гершл прошел ее всю, и пули его даже не

задели. Может, оттого, что мама молилась за него так много и так горячо, что не хватило у нее молитв для двух средних сыновей и одного старшего...

Вернулся он лейтенантом и уже навсегда Гарри. И он уже ни за что не хотел учиться. Две недели он лежал на кровати, уставившись в потолок, мало ел, а когда встревоженная Этель спрашивала «Что? Вус эрцех?», отвечал: «Все в порядке, мама. Дай мне только прокрутить заново все это кино». То, что он называл «кино», была его война — от призывного пункта до самолета из Дюссельдорфа — страх, мечта выспаться, гибель друзей, кровь, оторванные конечности, разбрызганные мозги... Гарри понимал, что таковы условия этой игры человеческой. А то, что ставку этой игры он до сих пор не знает, означало только, что его использовали, как фишку, как разменную монету.

Досмотрев «кино», Гарри позвонил к одному из первых заказчиков отца Джозефу Марчику: «Мистер Марчик, вам не нужен в работу только что вернувшийся молоденький лейтенант, недоучка из Беркли?». Мистер Марчик мог бы его послать куда подальше, но только не в эти дни, когда еще были «герои спасшие мир от фашизма», а главное — когда в Голливуде каждый день крутили трофейную хронику из гетто и концлагерей, где людей скашивали во рвы, где дымились печи крематориев, вокруг которых лежали горы детской обуви. Еврею, прошедшему всю войну и победившему, мистер Джозеф Марчик отказать не мог и он принял лейтенанта, как родного сына.

Тем более, что своих сыновей у 62-летнего Джо не было, была дочь от давнего брака и внучка — семнадцатилетняя воспитанница ешивы. Он редко с ними встречался: в его мире им делать было нечего, да и для него возвращение в прошлое было пыткой.

Вначале, конечно, Джо тщательно разглядел красно-рыжего, носатого, в общем, не шибко красивого лейтенанта, хмыкнул и сказал: «Ну, в актеры тебя явно не определишь. Придется тебе, парень, поработать у меня в компании. Тяжким трудом будешь добывать себе хлеб насущный».

Джозеф Марчик был владельцем самого крупного в Голливуде артистического агентства. Для лицедеев «фабрики грез» он был бог и царь, который только и мог привести тебя за ручки к продюсеру и сказать: «Вот, Джонни, я нашел как раз то, что тебе в этом фильме надо. Почему? Ну рассуди здраво: фактурный юноша, публика его уже запомнила по «Долине печали»... Помнишь эпизод с белой лошадью? Ну так это тот самый парень — вполне сгодится теперь на вторую роль. Я же понимаю, Гэмбл сожрал у тебя весь бюджет. А тут парень неизбалованный...» Только он и мог подойти с тобой к кастинг-режиссеру, показать ему твое портфолио, присовокупив: «Мы тут, в нашей студии сняли парня в чем-то подобном, глянь...»

Конечно же, не только новичкам-старлеткам устраивал Джозеф Марчик судьбу. Его агентство «Стар Девелопмент» зажигало на голливудском небе добрую четверть светил — от косо мелькающих метеоритов до звезд первой величины. В Голливуде и Нью-Йорке у агентства были актерские школы, при них — две небольшие киностудии, 8 — 10 фотостудий и еще полсотни фотостудий по всей стране на договоре. Работали в агентстве классные педагоги актерского мастерства, сценической речи, да и опытные актеры и режиссеры не гнушались подработать. Но самой многочисленной группой были агенты — те, кто непосредственно опекал клиентуру. Те, кто сначала отбирал из толпы, определял к педагогам, находил работу в массовках, потом уговаривал приятелей-помрежей попробовать в эпизодах. Затем составлял для своих протеже договоры со студиями, затем вместе со сверхновой звездой поднимался на Олимп, платя по дороге дань прессе и имиджмейкерам.

А уже потом становился частью новой солнечной системы, непрерывно кружась вокруг Светила, охраняя его пространство от нежелательных вторжений, обеспечивая ему контакты со всеми другими объектами Голливудской Вселенной, достойно принимая тепло и уклоняясь от протуберанцев...

Порой светила первой величины окружены чуть ли не десятком агентов. Один-два — заняты контактами со студиями, режиссерами, сценаристами, еще парочка — той же прессой, еще — подбором репетиторов, портных, парикмахеров, и так далее — до обеспечения самых элементарных бытовых нужд.

Имена агентов публике неизвестны. Их нет в титрах фильмов, в афишах шоу. Правда, разбогачен и не растеряв при этом тщеславия, они могут стать продюсерами лент. Но это уже другая ипостась, та, которая ни Джозефа Марчика, ни — потом — Гарри Пельца не привлекала. «Мне власть и собственность нужна, а слава — чушь она одна», — цитировал по этому поводу Шекспира старина Джозеф. То, что ему было нужно, он имел. Поместье в Беверли-хиллс, несколько дорогих машин, пару арабских скакунов и еще просторную конюшню, где вороные звались брюнетками, гнедые — шатенками, а сивые — блондинками. Джо любил женщин, и в его власти было их покупать, юных — обезджать, со зрелыми — участвовать в парадах, норовистых — обуздывать. На них он тратил много сил, мечтая кончить жизнь на самой красивой женщине Америки.

И такую он нашел, когда никто еще таковой ее не видел. Большим талантом Бог ее не наделил, но во всем остальном она, конечно же, была лучшим его творением.

Когда Джо это понял, Мелинда Монтрей успела сняться в двух-трех второсортных фильмах, а для этого переспать с половиной Голливуда. Но Джо знал: попади она на первую роль — и публика будет млеть от восторга, и сценарии будут писаться под нее, и постель себе она будет выбирать сама. А как раз этого Джо позволить ей не мог. Его тактика была простой: внушить Мелинде, что она гениальна, что теперь ей нужна только звездная роль, а любая другая уже навсегда ее остановит. В принципе, он был прав, однако делал все возможное, чтобы звездной роли Мелинда не получила, а все остальные с ходу отметал.

В эту трудную игру с простаивающей актрисой и был вовлечен Гарри. Именно его, неискушенного в голливудских реалиях, Джо сделал личным агентом Мелинды, ему поручил он прорубать для своей любовницы ступеньки на вершину горы Парамаунт.

Выбор этот многих удивил: «Рыжик», как сразу окрестили парня, явно ничего не понимал в кино и шоу-бизнесе. Но он был настойчив, он бывал на всех съемочных площадках, перезнакомился с менеджментом всех кинокомпаний, продюсерами, режиссерами, сценаристами. Статус доверенного лица самого Марчика открыл ему все двери. И всюду, где бы он ни появлялся, с кем бы ни встречался, заводил речь о Мелинде Монтрей, ее потрясающих возможностях и ее звездной роли.

Было это наивно, даже глупо, выглядело как дурной анекдот. Но именно анекдоты и сплетни больше всего ценил люд «фабрики грез», а потому никто не отказывался встретиться с Рыжиком и узнать что-то новенькое о любовнице Марчика и ее аппетитах. Все быстро разочаровывались, когда выяснялось, что ни на какие деньги, ни на роскошь и драгоценности, ни даже на брак со стареющим Джо она не претендует. И проникаясь уважением к «этой честолобивой бабешке», удивлялись: «Если ей это так надо, Джо достаточно пальчиком шевельнуть...»

Гарри вскоре и сам понял: Джо совсем не хочет, по крайней мере сейчас, чтобы Мелинда поднялась. Гарри находил сценарии, продюсеров и режиссеров, согласных

пригласить ее на пробы, но Джо только гневался и заявлял: «Я плачу тебе деньги совсем не для того, чтобы ты запикивал ее во всякое дерьмо. У нее все должно быть номер 1 — сценарий, роль, продюсер, режиссер». Такое было по силам только самому Марчику. А может, уже и нет...

Как бы там ни было с Мелиндой, Гарри, сам по себе, довольно прочно освоился в Голливуде. Все другие его клиенты успешно заключали контракты, получали роли. Гарри стал хорошо зарабатывать, у него теперь всегда была возможность подкормить шайку репортеров, назначать деловые встречи в хороших ресторанах. Только Мелинда... Далеко не все, разумеется, что он приносил ей в клюве, проверялось на вкус стариком. Но, увы, у Мелинды была еще и подружка-репетитор Саша, мечтавшая рядом с ней сколотить себе деньги и славу, и не прошедшая никакой актерской школы Мелинда целиком от нее зависела. Без нее она не могла и фразы сказать перед камерой. И Саша, десятки раз сыгравшая перед Мелиндой ее роли, прежде чем те появились на экранах, была союзником Марчика. «Если уж отдавать так много своей крови, то за хорошее вознаграждение...», — рассуждала она, отвергая все попытки Гарри вовлечь Мелинду в «жалкую ленту».

Однажды Марчик вызвал Гарри.

— У меня к тебе просьба. Ко мне на каникулы приезжает внучка. Сам ее пригласил, а теперь вижу, здесь для нее не лучшее место. В общем, без твоей помощи и мне и ей будет трудновато. Понимаешь, она воспитана в религиозной семье. Можешь себе представить, как она все это воспримет...

К приезду внучки тщательно готовились. Первым делом переселили в отель Мелинду, чем та была страшно раздосадована, отменили все вечеринки. Гарри нашел в даун-тауне Лос-Анджелеса симпатичную ортодоксальную синагогу, нашел кошерный ресторан, из которого на виллу Джозефа должны были три раза в день завозить пищу...

И поначалу все шло, как и ожидалось. Из самолета вышла милая, темноволосая, сероглазая девушка, несмотря на лето — в длинном платье с рукавами, в коричневых чулках. В глазах Джозефа стояли слезы умиления, которые быстро высохли, когда его внучка Рэйчел уже в лимузине попросила Гарри пересесть на кресло к деду, а сама села напротив.

— Я не знаю, что с этим делать! — панически шепнул он Гарри. — Ты же понимаешь, мы сейчас приедем домой, а она на двери мезузу не найдет...

Гарри быстро представил эту картину, дополнил ее зрелищем развешенных по стенам полотен «ню», гуляющих у бассейна натуральных блядей и расхохотался.

— Перестань смеяться! — злобно процедил Джозеф.

И Гарри уже совсем не мог остановиться.

— Поделитесь, что смешно? — улыбнулась Рэйчел.

— Ваш дедушка боится, что вы оскорбитесь, не найдя у него на двери мезузу, — честно сообщил Гарри, вытирая глаза платком.

— Не беспокойся, дедушка, — просто сказала Рэйчел, — я знала, куда еду.

Но она и не знала. Глаза у девушки округлились, уже когда въехали в поместье деда, и она увидела его пальмы и гигантские клумбы в экзотических цветах, когда вошла в холл трехэтажного особняка, где по мраморной стене из-под крыши стекал водопад, когда увидела картины и скульптуры, и старинную мебель в гостинных. Ясно, что в ее семье даже не представляли, сколь богат дед.

На следующее утро Гарри предложил отдохнувшей с дороги и весело улыбающейся

Рэйчел показать Голливуд, студии, где снимаются фильмы. Джозеф смотрел на него, как на идиота. Но Гарри стал живописно и иронично рассказывать о том, как это делается, как вперемешку с солдатами прошедшей войны шастают куртизанки Древнего Рима, как снимаются любовные сцены и актеры повторяют поцелуй, пока сами не почувствуют, что именно целуются. «В общем, — говорил он, — это так не расскажешь. Это нужно видеть. Если, конечно, вам это можно видеть», — напирал он на слово «можно».

— Видеть, — сердито отвечала Рэйчел, — можно все.

И они поехали сначала на MGM, потом на Fox.

Сначала девушка не знала, куда девать глаза, краска заливала ей лицо, когда она слышала отборную брань операторов, возгласы типа: «Как ты ее держишь?! Ниже руку! За жопу! Ведь ты ее трахать собрался...» Но потом она, кажется, перестала обращать на это внимание. Ей стало любопытно, как и что делается. Ей, внучке самого Марчика, охотно все объясняли, ее знакомили с артистами, о которых она, безусловно, слышала, даже если не видела их фильмов. И все были поражены, какой чистенькой оказалась внучка «этого старого блюда».

«Хорошо еще, что в пестроте съемочных площадок никто не заметил ее чулки», — думал Гарри.

Пообедали они в том самом ресторане, откуда должны были возить еду на виллу. А когда вернулись, Джо встречал их уже у ворот. Он схватил Гарри за руку и, отведя в сторону, в ужасом сказал: «Не знаю, что делать: приехал Свен Ламми со всем своим блюдом. Он, кажется, специально это сделал!»

— Нечего особо беспокоиться, — отвечал Гарри. — Она — девочка умная. То, что ей не надо, она не видит, а то, что видит, понимает так, как ей надо.

Свен заведовал производством на MCP-студии, был фигурой покрупнее Марчика, и любил изображать из себя плейбоя и покровителя дарований. Его дом славился бесчисленными вечеринками с кинодивами всех калибров. Многие из них неделями там проживали, развлекая хозяина и его гостей, эскортируя Свена в увеселительных прогулках.

Было похоже, что и теперь Свен решил повеселиться, помогая старому приятелю Джо достойно встретить нью-йоркскую внучку. У бассейна уже разжигали барбекю, гремела музыка, предстояло «пул-пари», разумеется, топless, со всеми вытекающими последствиями.

«Умная-то она умная...», — подумал Гарри и, подойдя к Рэйчел, решительно сказал: «Так получилось, что сегодня здесь собралось общество, в котором вам может быть крайне неудобно. Избавиться от них невозможно. А потому было бы правильным, если бы вы согласились провести этот вечер в доме моей мамы». Потерянный Джозеф тут же дал согласие, и они уехали.

Конечно же, для старенькой богобоязненной Этель приезд любимого сына с «такой чудной, такой скромной девушкой» был великим подарком. Она буквально светилась, носилась из кухни в гостинную, стремясь упредить каждое желание гостя. Можно только представить, о чем говорили эти две женщины, когда Гарри уехал, как рассказывала мама про их тяжелую жизнь и про то, какой замечательный, какой непохожий на других детей ее младшенький — «умница и герой войны»...

Поутру, приехав за Рэйчел, Гарри почувствовал, что он для нее уже не чужой.

Больше двух недель каникул Гарри провел с Рэйчел. Две субботы девушка зажигала свечи в его доме под мамину слезу. С дедом Рэйчел встречалась только за завтраком и

вечерами, чем выбитый из колеи Джозеф, похоже, был доволен. Тем более, что обиженная Мелинда стала отбиваться от рук — ходить по вечеринкам и напиваться.

В итоге, к концу каникул молодые люди пришли к деду за благословением и вместе отбыли в Нью-Йорк.

Туда, на свадьбу через месяц прилетел целый самолет голливудских гостей — высокие менеджеры, агенты, мама и братья-разбойники из семьи Пельц.

А еще месяц спустя Джозеф Марчик умер от инфаркта. Как ему и мечталось — в постели с Мелиндой.

Стивен снова перелистал папку L413/80, довольно тощенькую. «А, собственно, почему ей быть толстой? — спросил он себя и повернул кепку «Nike» козырьком вперед. — Не исследование же творчества великого музыканта современности. Вышел Леклесс из лимузина, к нему подошел отморозок и воткнул ему в голову пулю 16-го калибра. Смерть наступила мгновенно. Отморозка сразу взяли, он сразу сказал, кого убил и почему. Версия, правда, немного диковатая, но, если учесть псих-экспертизу, как в России говорят, «находясь в здравом уме и твердой памяти»... Впрочем, это о завещаниях... Но на суде ничего не отрицалось, мама говорила, что сыночек с детства болел любовью-ненавистью к этому Леклессу, пришлось даже лечить... Вот показания этого доктора Плоткина... Господи, какой старикашка! Ага, к нему обращались: параноидальная идентификация рок-группы с неведомым папашей... Нам этого не понять. А понять можно то, что были два кризиса в 72-м и 77-м годах, которые преодолены путем объяснения пациенту сути происходящего. Клуб «Спайдерс» в деле фигурирует как место, где мальчик проводил свободное от учебы время. Мама была этим очень довольна: сынуле нравилась работа в клубе. А где эти Артур и Руперт? Ага, упомянуты как президент и член клуба, друзья Кевина. Показаний их нет, в суде не участвовали. Суд состоялся через два месяца после убийства, длился два дня, как говорится, был скор, но справедлив: убийца получил заслуженную тридцатку... Дело вел инспектор Брайан Гиббс, а подписано начальником отдела убийств Фрэнком Марлоу...

«Очень мило, — продолжал рассуждать Стивен. — И ведь похоже, ни Кэрриган, ни его адвокат и понятия не имеют, что дружок Руперт Вейн быстренько откинулся вслед за Леклессом на благословенной родине певца. То есть, никакого «вали на покойника» тут нет, да и смысла в том не было бы. Они думают, что Вейн жив и может что-то подтвердить, например, насчет пистолета... — Стивен снова развернул кепку. — А знал ли Фрэнк об убийстве Вейна? И почему даже не допросили ни Вейна, ни этого Артура? Спросить у Фрэнка? А что, собственно, он ответит? «Дело вел Гиббс, я подписывал, подробности не помню...» А Гиббс тоже на том свете; пять лет назад рак его утащил... Нет, попробую-ка я для начала найти этого Артура Патти». И, включив компьютер, Стивен набрал пароль Федеральной криминальной картотеки. Увы, никакого Патти там не оказалось. Чистенький, значит. И стало даже досадно. «Ладно, — решил Стивен, — давай, мы тебя просто найдем», — и пошел в отдел программного обеспечения. А там его любимая Марша сказала, что адресок можно и сейчас накопать, но если он хочет иметь весь творческий путь этого Артура, то пусть потерпит до утра. Конечно же, имело смысл потерпеть, тем более, что у Стивена было назначено свидание с мамой Кэрригана.

Когда он к ней пришел, сухонькая седая женщина как раз раскупоривала бутылку брэнди.

— Выпьешь?

— Ну, налейте чуток.

Стивен, скосив брови, обвел взглядом комнату. Было чисто, но так, как будто уже много лет здесь ничего не менялось. Неудобная старая мебель, телевизор с закругленными углами, настенные часы с неподвижным маятником.

— Ты не подумай, что я алкоголичка. Просто мне одиноко. У меня нет родных, у меня

нет друзей, у меня нет сына. Ты хочешь мне его вернуть?

— Не знаю, — честно сказал Стивен. — Я пришел, чтобы это узнать.

Никаких вопросов специально Стивен не задавал. Миссис Кэрриган сама рассказывала все о своем сыне, о его увлечениях, его болезни, его друзьях.

— А что это за доктор Плоткин? — улучшил момент Стивен.

— О, это замечательный доктор! — с жаром заговорила миссис Кэрриган. — Он раньше жил в Калифорнии — все великие актеры у него лечились. Он психолог и психиатр. К нему так трудно было попасть и это поначалу так дорого стоило...

— Поначалу?...

— Да, он брал 300 долларов за визит. Это тогда, в 72-м, когда у Кевина был этот ужасный срыв. А потом консультировал бесплатно; по телефону, конечно. Меня всегда с ним соединяли, а порой он сам звонил, узнавал, как Кевин себя ведет, нет ли чего настораживающего. Иногда, когда я говорила, что Кевин как-то напряжен, он просил позвать его к телефону, говорил с ним, и напряжение как рукой снимало.

— А Кевин когда-нибудь сам звонил доктору?

— Нет, не помню. Хотя у него был его телефон, на всякий случай.

Уходя, Стивен спросил об Артуре и Вейне.

— Сын много о них рассказывал, но я их никогда не видела.

Через час к Стивену в участок привезли желтого и морщинистого человечка, лет на вид 55 в грязной бежевой водолазке, рваных джинсах и с серебряной серьгой в правом ухе. Он поминутно вздрагивал, по лбу у него растекались капельки пота. Это был Айк Крейц, бывший бас-гитарист бывших «Лунных мальчиков», и у него была ломка.

— Значит так, — с ходу начал он, — я не знаю, кто мне подсунул эту «геру», и Гарси тут ни при чем. Если его замели на том же углу, еще не значит, что он мне ее продавал...

Стивену пришлось трижды его «сшарапать», прежде чем Айк заткнулся и тускло посмотрел ему в лицо.

— Тебя не с этим сюда привели. Это — отдел убийств, — заявил он обалдевшему Айку. — А привезли потому, что сам не пришел по повестке.

— Никакой повестки я не видел и ни о каких убийствах не знаю...

— Знаешь. Дэна Леклесса, — сказал Стивен, и у Айка округлились глаза.

— Я его не убивал, его Кэрриган шлепнул. Это точно, его прямо на месте повязали. Сейчас срок волокет.

— Помолчи. Я хотел бы встретиться с Рупертом Вейном. Ты не знаешь, как его найти?

Глаза у Айка чуть не вышли из орбит.

— Ты что, не знаешь, что его кокнули через месяц после Леклесса?

— Ты откуда знаешь?! — в свою очередь взвился Стивен.

— Ребята говорили...

— Какие ребята?

— Ну, хрен я тебе сейчас вспомню... Говорили... Мол, Вейн сошел с катушек и стал везде трепать, что это он придумал кокнуть Леклесса и пистолет Кэрригану дал. И что Артур знал об этом. А потом Руперт уехал в Ливерпуль грехи замаливать. Там его и кончили.

— И ты в это веришь?

— А я всегда знал, что дело тут темное. А Кэрриган — парень хороший.

Утром инспектора Стивена Киршона ждал сюрприз: по всей стране насчитывалось только двадцать Артуров Патти и они так же были похожи на его героя, как Брайтон-бич на Гарлем.

— Может, мисспелинг, — усомнился Стивен. — Попробуй через «U».

— Пробовала, — отвечала Марша, — таких вообще нет.

«Так не бывает! — возмутился про себя Стивен по дороге к лендлорду. — Клуб существовал три года, платил рент, проходил санитарную и пожарную инспекцию, имел лиценс на спиртное, страховку, отчитывался перед IRS, наконец... Почему не бывает? Это же — Нью-Йорк, гребаное царство «кеша»...».

В крошечной конторке риал-эстейта пожимали плечами.

— Двадцать лет назад... За двадцать лет чего там только не сменилось на втором этаже 63-й и 10-й...

— Ищите! — умоляюще приказал Стивен.

— Да искать особенно не надо. Все здание арендовала «K amp;M Clothes», а уж кому сдавала второй этаж?...

— Она все еще арендует?

— Что вы! Давно вышли из бизнеса. В 1986-м.

И Стивен почувствовал, что попал в тупик. «Так и есть, — размышлял он, сидя на скамеечке в Централ-парке, — единственная реальная ниточка оборвана. Правда, есть, все-таки есть Фрэнк Марлоу, но на своем уровне он его не раскрутит... Еще этот доктор-фрейдист. Похоже, он мог бы кое-что сказать, но он, конечно, уже умер... Тупик...».

Стивен вернулся в участок и с тяжелым сердцем стал набирать телефон Кальвареса.

— Мне нужна федеральная помощь, — сообщил он помощнику Верховного судьи.

— Уверены, что нужна?

— Да, — ответил Стивен и стал рассказывать все, что ему удалось выяснить.

Разговаривали они около часа. Наконец, после долгой паузы Кальварес спросил: «И вы думаете, что Кэрриган прав?»

— Я думаю, что дело не окончено, а человек уже 20 лет сидит.

— Да... Вот что, Киршон, составьте подробный доклад обо всем, что мы сейчас обсуждали, и пришлите побыстрее. Суток вам хватит?

— А что так срочно? 20 лет не торопились...

— Верховный суд не может задержать решение по петиции.

Рано утром мистера Пельца поджидал заказанный «лимо». Это был ежемесячный ритуал, когда Гарри одевался как турист и отправлялся на Великий Каньон. Раньше он чаще всего брал вертолет, но сейчас боялся — то ли высоты, то ли перепада давления. В общем, летать ему уже было не по возрасту. И все же не побывать на Великом Каньоне он не мог.

Восемь часов пути туда и назад не останавливали старика. Обычно он добирался до Боулдер-сити, устраивал себе и шоферу бранч в мексиканском ресторане, затем еще часок пути — и он мог сидеть на скамеечке у южной смотровой площадки, всматриваясь в бездну, пытаясь найти хоть какие-то перемены в разорванных породах гигантских стен, мрачных в любую погоду, хоть и многоцветных.

Раньше Гарри брал сюда бинокль и даже подзорную трубу, теперь перестал. Зачем, если за 25 лет ничего не изменилось. И, наверное, за 250, и за 2500... Разве может уследить человек за переменами вечного? Когда понимаешь эту, в общем-то, банальную истину, на душе становится спокойнее. Иное дело, что понимать ее нужно каждый раз заново — каждый раз беря себе душу, расковыривая раны, убеждать, что вечность к тебе безразлична.

Раньше Гарри любил ездить сюда вместе с Рэйчел. Часто, особенно, когда облетали Великий Каньон на вертолете, они спорили о его происхождении. То ли это царапина от метеора, утонувшего затем в Тихом океане, то ли морщина от сдвижки материков. Но больше нравились космогонические объяснения, в которых супруги всегда занимали полярные позиции. Гарри, упирая на похожесть вытянутого каньона на вагину, утверждал, что это как раз то место, откуда у Земли рождались титаны. Для Рэйчел, наоборот, каньон был местом, где Господь Бог сбрасывал в преисподню демонов зла. Впрочем, как это часто бывает при полярных позициях, они, на самом деле, не противоречили друг другу...

Известие о смерти Джозефа Марчика застало молодоженов в Ницце. В длительное свадебное путешествие по Европе повез жену Гарри, испуганный традиционной хупой, рабями, лапсердаками, париками и раздельными столами. Его благословил Джозеф, раздосадованный, что ему снова довелось столкнуться, как он сказал, со штеттлом 17 века и тягостной атмосферой неприязни к привезенным из Голливуда гоям.

Все выглядело на грани скандала, когда некий рабай решительно потребовал удалить из-за «мужского» стола кино-красоток, а на «женском» вокруг их голых спин образовалась широкая зона безопасности. Киношников все это, тем не менее, развлекало, да и принесло немалую рекламу: вокруг сновала орда фотокорреспондентов, которые только и делали, что выхватывали пейсатые головы на фоне этих высоких голых спин.

Джозеф тогда буквально потребовал: «Езжай! Покажи ей, какой огромный бывает мир, какой интересной может быть жизнь». И надо сказать, путешествие на 20-летнюю женщину повлияло. Ортодоксальных еврейских женщин, вообще, наверное, легче сбить с пути истинного. Благодаря мужскому шовинизму, заложенному уже в Талмуде, мозги им полощут не столь тщательно.

Потому-то известие о смерти Джозефа застало молодоженов на пляже...

И таким образом Рэйчел стала наследницей большого состояния, а Гарри было суждено возглавить «Стар Девелопмент». И это его совсем не радовало. Он понимал, что не готов к

большому бизнесу, и не знал, что с агентством теперь делать. Оно стоило огромных денег. Однако — не офисы, мебель и телефоны, не пишущие машинки и даже не оборудование экспериментальной студии. Денег стоили договора с актерами и студиями, а еще больших — взаимоотношения с ними, связи.

Но не стало царя и бога Джо, и тут же его состояние начали растаскивать. Актеров стали переманивать другие агентства. Договора расторгались пачками, потому как никто не верил, что у молодого президента «Стардева» есть хоть какой-то шанс стать дружкой того же Ламми или его коллег в MGM, Fox, других студиях, что у него хватит духу отстаивать их интересы перед продюсерами. Уже то, что наследник Джо женат на женщине из противоположного мира лишало его возможности жить с ними одной жизнью, делить хлеб, соль и рюмку виски, а, проще говоря, участвовать в бесчисленных развлекательных акциях, на которых в Голливуде решается, как минимум, половина дел.

Фотостудии-сателлиты ушли на самостоятельные орбиты, из фотостудий компании сбежали лучшие художники. То же произошло и в экспериментальной киностудии, и это было болезненным ударом, за которым отделение нью-йоркской актерской школы уже как бы не чувствовалось. Гарри не мог сразу разобраться со сложной, запуганной бухгалтерией компании, возникли проблемы с адвокатами. Казалось, еще месяц — и влиятельная, пестовавшаяся десятилетиями «Стар Девелопмент» перестанет существовать.

Но в один из критических дней, когда у Гарри уже опускались руки, к нему пришел старший брат Наум.

— Я слышал, что дела твои — дрянь, — начал он без предисловий.

— Да, не очень, — согласился Гарри. — Трудно все рассказать, да и вряд ли ты поймешь, если даже я не понимаю, что делать.

— Может, есть люди, которые понимают?

— Был, — поправил Гарри. — Мой тесть.

— Не мне судить, но с тобой хотел бы встретиться Дино Гаруччи. Надеюсь, ты знаешь, кто это?

— Ну, как же — как же, личность в твоем мире очень большая... А мне-то что до этого гангстера? — взорвался Гарри. — Старлеток ему поставлять? Или уже и Голливуд ходит ему ручку целовать? Мне тоже губки приготовить?

— Не горячись, Гершеле, и рассуждай здраво. С тобой хочет встретиться солидный бизнесмен, хозяин крупнейшей строительной компании, которая, между прочим, все киностудии в Голливуде строит. Ну, скажи, стали бы мистер Голдвин или мистер Дисней иметь дело с каким-то гангстером, или сенатор США отдавать за него замуж свою племянницу? В общем, мое дело — передать, твое — решать. А решишь — приезжай завтра к нему на виллу в Санта-Барбару.

Приглашение озадачило Гарри. Особой наивностью он не страдал. Но он никогда не слышал, чтобы у старины Джо были какие-то отношения с Гаруччи. Хотя на вилле у него он бывал... Ну, а кто из Голливуда туда не ездил на роскошные вечеринки и пул-пари? Только ли из Голливуда? А из Нью-Йорка, Вашингтона, конечно, и из Чикаго... И, конечно же, был у Марчика с ним контакт. Иначе почему профсоюзы закрывали глаза на то, что студийцы «Стардева» подрабатывали в массовках, иначе как могли их фотостудии снимать урожай с улиц и пляжей Калифорнии?

Назавтра Гарри поехал в Санта-Барбару. Гаруччи, большой, спортивный и, неожиданно для итальянца, светловолосый, принял его радушно, подчеркнуто по-дружески.

— Мне говорили, что Джо где-то нашел себе внучатого зятя, — шутил он, глядя Гарри в глаза, — жаль, что он не успел рассказать, какой у него зять рыжий.

— С этим есть проблемы?

— Никаких. Разве что у парикмахеров. Рыжих стричь трудно, у них волосы жесткие.

— Я всегда считал, что в каждой семье должен быть хоть один рыжий — сказал Гарри, намекая Дино на его жену-ирландку. — Вот и у вас есть опыт...

— Парикмахера? — прервал, усмехнувшись, Дино Гаруччи, и Гарри почувствовал, что сам завел разговор в нежелательное русло.

— Дорогой мистер Пельцмахер, — по-стародавнему назвал его Дино и продолжил двусмысленность, — я не думаю, что семьи друг от друга так уж далеки... Ну, например, я точно знаю, что самые лучшие башмаки в моей жизни мне сшил ваш отец Янкель... Может, поэтому мне и пришло в голову проявить заинтересованность в делах его сына.

— Это очень любезно с вашей стороны, но мне трудно понять, в чем она заключается, ваша заинтересованность? — почти с вызовом спросил Гарри.

— Поясню. Я знаю, что дела ваши идут не лучшим образом. И в этом нет никакой вашей вины. Знаю, что вы делаете все возможное, чтобы исправить ситуацию, но безрезультатно. Потому что слишком много замыкалось на личности Джо. Давайте откровенно: этот бизнес очень уж скоропостижно упал на вас, вы еще не успели набрать здесь вес, и у вас нет шансов продвинуться, если кто-то сильный не будет прикрывать вас с тыла.

— Например, вы...

— Именно я.

— И чем же я буду обязан за вашу поддержку? Извините за прямой вопрос: сколько это стоит?

— Нисколько. Ни сейчас, ни в будущем.

— ?!..

— Я — не альтруист. Но, помогая вам, я хочу решить свою проблему. Семейную. Именно семейную, — подчеркнул Дино. — Мой старший сын Марти только что закончил Стэнфорд. Толковый парень. Я очень хотел бы, чтобы он работал в моем бизнесе. Но он — дитя Голливуда, вырос среди ваших знаменитостей, и никакое дело, кроме шоу-бизнеса, его не привлекает. Я знаю о вас все, и я вам верю, и я хочу, чтобы Марти работал с вами.

— В качестве?...

— Вице-президента «Стар Девелопмент», — сообщил мистер Гаруччи и, видя, что лицо Гарри заливает краска, поспешил добавить: — Нет никакой речи о том, чтобы ему передавать какие-то акции компании. Он просто будет работать, вместе с вами зарабатывать деньги, которые вы будете по справедливости делить. Без моего участия. Это мое слово... — И тут же Дино расхохотался. — Гарри, вам нельзя играть в покер. Рыжие по молодости лет вообще не должны играть в покер, пока у них кожа не задубеет...

Отсмеявшись, он нажал на кнопку селектора: «Марти, зайди ко мне. У меня здесь человек, с которым я хочу тебя познакомить». Через пару минут в комнату вошел красивый молодой человек, высокий и тренированный, как отец, с крупными, но не резкими чертами лица, большими синими глазами и такой же рыжий, как Гарри...

«Союз рыжих...», — мелькнуло у Гарри, и он тоже рассмеялся.

Поздно вечером в кабинете Верховного судьи Уинфри Хуберта горел свет. Судья и Джон Кальварес молча сидели у журнального столика, стараясь не смотреть друг на друга. Судья задумчиво водил указательным пальцем вдоль крючковатого носа, Кальварес покусывал дужку очков. Наконец, Хуберт приподнял со столика распечатку докладной Стивена Киршона и спросил: «Вы понимаете, Кальварес, что такое вы мне принесли?...»

— Думаю, что да, ваша честь.

— Боюсь, что нет. Если только ваш Киршон не пил при этом крюшон, — поиграл словами судья. — Давайте начистоту: если все это так, мы должны сейчас открывать новое дело, начать розыск, открыть финансирование. Дело, которое было закрыто 20 лет назад, и осужденный просидел 20 лет, и нужно принимать решение о его досрочном освобождении... И представьте, как все газеты начнут гадать, что мы тут решим... Да задержись мы с этим хотя бы на день — уже начнутся догадки. А просочится информация об открытии дела — скандал.

— И тогда докопаться до истины будет совсем трудно. У нас и так только пара тонких ниточек. Их немедленно оборвут, если станет известно о новом расследовании, — сказал Джон. — Если, действительно, был заговор...

— Заговор фанатиков?

— Другой версии пока нет. И она вполне правдоподобна. Вы помните эти стадионы экстаза, когда выступали «Спайдерс»? За своих кумиров они растерзали бы кого угодно. Миллионы и миллионы... Так почему из них не могло найтись несколько человек, действительно готовых на все, в фанатическом запале родивших и осуществивших такой заговор, людей, может, и со средствами, и с влиянием... Я вам говорил о Фрэнке Марлоу, начальнике тюрьмы?

— Да-да, — кивнул головой Хуберт. — Кстати, у этого Крюшона хватило ума больше не влезать к нему в душу?

— Да. Киршон, кажется, крепкий парень.

— Но его силенок явно недостаточно. И уже понятно, что дело уходит из разряда локальных полицейских расследований. Придется все-таки обратиться к вашему ФБРовскому дружку. Маккензи мог бы взяться?... Тогда вот что. С утра я пойду к прокурору Барнесу. Вы отфаксуйте мою благодарность полицейским в Нью-Йорк за проведенное расследование. Сообщите отдельно Крюшону, чтобы взял отпуск на две недели и прибыл сюда, в распоряжение Маккензи. И подготовьте формальный протокол инспекции для суда. Можете сообщить об этом писакам. Все?

— Предвижу, что отпуск у инспектора Киршона графиком не предусмотрен.

— Ну, так пошлите ему телеграмму о смерти любимой тетушки, — ухмыльнулся Хуберт.

На следующий день пополудни в небольшом китайском ресторанчике на 84-й стрит в Вашингтоне встретились инспектор ФБР Джим Маккензи и инспектор полиции Стивен Киршон. Грузный Маккензи заказал себе целую утку по-пекински и предложил Киршону: «Рассказывай, Станислав. Что знаешь, что чувствуешь. А то бумажки — бумажками, а пока музыку не услышишь — танцевать не хочется». И дальше молчал, до последней косточки

расправляясь с уткой, время от времени вытирая только правую руку салфеткой, чтобы взяться за бокал с «Бадвайзером».

То, что Маккензи «просветил» его перед тем, как встретиться, Стивена не смутило. Тем более, что, употребив его русское имя, тот сам дал это понять. Вот только трудно делиться впечатлениями, когда в слушателях — нечто упорно жующее и измазанное жиром. Живописного рассказа не получалось. Но, может, оно и к лучшему.

— Понимаешь, — проговорил, наконец, Джим, — я и сам когда-то был на этом чокнутым. Но в смертоубийственный фанатизм не верю. Когда-то я думал, что Кэрриган убил Леклесса ради славы. Такое вот, извини меня, естественное объяснение, если он не шиз. А если даже шиз, все равно кто-то за ним стоит. Убийц-одиночек не бывает, убийцу всегда что-то подталкивает — ревность, нужда, страх, а за всем этим реальные люди... В общем так: что мог — ты узнал, жаль, что удалось откопать только Артура, Марлоу и... доктора, которого, наверное, давно уже закопали... А Марлоу без Артура? Это — стена, не пробьешься... Ладно, пойдем искать Артура.

— Это у тебя правильная идея — искать через городские службы, IRS, банки, — заговорил Маккензи, едва они вошли в его кабинет. — Бизнес, просуществовавший три года, не мог просто так улетучиться, что-то в осадке есть. Что-то должно быть. Вот что: садись и пиши запросы. — Он подвел Стивена к компьютеру и открыл на дисплее бланк запроса. — Садись и пиши, а я пока пойду просвечу Марлоу.

Вернулся он часа через два, крайне огорченный.

— Представляешь: Марлоу чист, как стеклышко. Невероятно!

— Что же тут невероятного? — удивился Стивен. — Ну, чист и чист.

— Так не бывает. За ним числятся несколько таких дел, что Нэт Пинкертон позавидует. Ювелирная работа! А тут — полная дилетанщина. И ведь не драг-дилера пристрелили где-то в Бронксе... — Леклесса! И такой примитив! Ну, дай бог, раскопаем... Письма написал?

— Да.

— Давай, я отправлю.

Просмотрев и сделав несколько поправок, он скомандовал: «Отвернись».

Покосившись, Стивен отошел в другой угол комнаты.

— Не обижайся. Ты у нас пока не работаешь, и знать кодировку и адреса нашей экстренной связи тебе, скажем, не рекомендуется.

Отправив E-mail, Джим удовлетворенно потянулся и сказал: «Кажется, из сегодняшнего лимона больше не выжмешь. Придется ждать до утра. Я могу тебе вызвать машину до отеля... А знаешь что? Пойдем куда-нибудь выпьем хорошенько, чует мое сердце — сегодня последний шанс, и еще не скоро опять доведется».

Он привез Стивена в некий джаз-клуб в районе, где, видимо, давно не ступала нога белого человека. «Понимаешь, — пояснил он, — только здесь еще можно послушать настоящий джаз, без всякой авангардистской муры. Да и нервишки пощекотать охота». Джаз, и в самом деле, оказался хорошим. Квинтет их ровесников самозабвенно свинговал, а трубач и альт-саксофонист легко выдавали по четыре-пять квадратов. Со «щекоткой», правда, не получилось: никто их не доставал, обитатели клуба сразу распознали «копов», что, однако, не мешало им смолить «косяки». Под лидерством Джима Стивен, говоря по-русски, нажрался до поросычьего визга. Он совершенно не помнил, как и когда добрался в отель, но не сомневался, что «на бровях».

С этими бровями, прилипшими к щекам, пришел утром Стивен в офис, а Джим встретил его стаканом «Алка-селтцер» и чашкой кофе. И пока Стивен приходил в себя, принесли распечатки ответов.

— Все нормально, — ответил Джим на вопрошающий взгляд Стивен. — У нас на централизованном сервере все входящие файлы регистрируются.

Первой, естественно, взялись за бумагу из IRS. А из нее следовало, что в период с 1977 по 1980 годы клуб «Спайдерс» налоговых деклараций не представлял и вообще в базе данных службы такой бизнес не числится. Не ведали о клубе ни Нью-йоркское Бизнес-бюро, ни Комиссия по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию... Что там! Даже в полиции не было никаких сведений о таком клубе.

— Бред! — возмутился Стивен. — За три года там на танцуйках не произошло ни одного инцидента? Туда, где жгли траву, глотали ЛСД, а может и кололись, никогда не заходили законспирированные агенты из отдела по борьбе с наркотиками?!..

— Ну, уж извините, — захохотал Джим, — это ваши, полицейские проблемы...

Затем пришло сообщение о том, что в квартире Айка произведен обыск по подозрению в продаже наркотиков, и фотографии клубных деятелей не обнаружены.

— Это нам и не к спеху, — прокомментировал Джим. — Искать других членов клуба пока не будем, чтобы не спугнуть стаю.

В момент, когда Стивен понял, что нужен еще стакан «Алка-селтцер», вынырнула бумага из Почты, где говорилось, что, действительно, по адресу 527 West 63 Street располагался клуб «Спайдерс», куда приходили письма, посылки и бандероли.

А еще через несколько минут в комнату внесли факс из Санитарной службы Манхэттена, в котором сообщалось, что 6 сентября 1978 года в клуб зашла санитарный инспектор Ширли Браун и, обнаружив там грубые нарушения санитарии, выписала штраф на сумму 70 долларов. И к письму прилагалась копия написанного от руки акта...

Браво, рядовой, неутомимый борец за санитарию и гигиену Ширли Браун, заметившая, что на ее участке есть клуб, а в клубе том на кухне (о какая проза!) неудаленные отходы пищи, и в туалете нет таблички, что работники должны непременно мыть руки после справления малой и, особенно, большой нужды! Кто сказал, что городские службы содержат дармоедов? Вот 70 долларов, которые принесла в клюве эта птичка, Ширли Браун, «тикет», который, конечно же, оплатили. Даже если в акте нет имени клубного босса, а ее кривой лапкой написано: «От подписи отказался».

Немедленно на почту ушла просьба найти и выслать расписки в получении посылок и бандеролей, а от санитарной службы попросили копию чека, оплатившего штраф, или хотя бы сообщить день, когда его положили в банк.

Что-то забрезжило, хотя Стивен и Джим понимали, сколь это «что-то» призрачно. Поиск чека и квитанций мог затянуться очень надолго, если вообще их найдут.

— Хотим мы того или нет, а стаю потревожить придется, — заявил Стивен. — Нам нужен Артур, но мы не знаем даже, как он выглядит. Почтари и санитары максимум, чем нас обеспечат, — образцами почерка. Готов поспорить: штраф оплачивался мани-ордером. Чей почерк? Того же Артура? Но как мы можем это знать, пока не заставим его расписаться? Хотим того или нет, но без «K amp;M Clothes» мы не обойдемся.

— Это правда, — невесело согласился Джим. — Посылаем запрос в Бизнес-бюро, ищем, кто живой...

Через два часа они уже знали, что «K amp;M Clothes» была создана в 1976 году как

корпорация оптовой продажи спортивной одежды. Партнерство. Акции поделены 50\50 между Джорджем ДиКарло и Бисмарком Мартинесом. Последний был президентом компании вплоть до ее закрытия.

— Та-ак, — почесал затылок Джим, — ну, и за кого первого предлагаешь зацепиться?

— Выясним сначала, кто такие...

Через час стало известно, что ДиКарло с 1973 года заведовал отделом продажи фирмы «Алитер», Чикаго, Иллинойс, где в настоящее время вице-президентом. Бисмарк Мартинес перед тем, как стать президентом «K amp;M Clothes», владел магазином спортивной одежды на 14-й улице, умер в 1994 году в Коламбия Пресвитериан госпитале от инсульта.

— До ДиКарло далеко, а до Мартинеса еще дальше, — усмехнулся Джим. — А схема простая: «Алитер», как ты знаешь, крупнейший производитель дешевых футболок и другого дерьма, а «K amp;M Clothes» все это продавала. Через магазины, включая тот, что Мартинеса, через тысячи лотков в Манхэттене. Вся компания, по сути, этот склад. И дай нам бог найти хоть одного работника этого поганого склада. «Алитер», с оборотом в сотни миллионов, естественно, не было никакого дела до этой «K amp;M Clothes», разве что для ДиКарло это был маленький бизнес.

— Интересно, какой маленький?

— Тебя это волнует?... Ладно, все равно нужно выходить на IRS, другого пути найти кого-то из кладовщиков я не вижу — в налоговой декларации есть имя и адрес автора... Знаешь, что нужно съесть после большой пьянки, вроде вчерашней?... «Сникерс»...

— Что?... — округлил глаза Стивен и почувствовал, что его сейчас вывернет наизнанку.

— Ну да... чтобы понять, насколько «сникерс» хуже пива.

И отправив запрос в IRS, они пошли на ланч.

Ланч этот в суши-баре стал еще одним проявлением раблезианства Джима: суши и сушими слетали с его палочек, как стаи воробьев. А в интервалах он успел поинтересоваться, все ли русские работали в КГБ и догонит ли русская мафия итальянцев. На что, естественно получил ответ, что все, и даже Стивен в возрасте четырех лет был записан в комитет рядовым, а теперь, за выслугой лет, стал полковником. Что же касается мафии — то догонит и перегонит, потому как бесконечно жестоки, потому как завистливы и научились все отнимать и делить.

— Тут ты, пожалуй, прав, — согласился Джим. — Жду-не дождусь, когда дадут лицензию на отстрел.

Вернувшись в офис, они вновь порадовались оперативности налоговиков — на столе Джима лежали титульные листы и последние страницы отчетов за весь период деятельности «K amp;M Clothes» за подписями президента Мартинеса и составителя Ричарда МакЛана публичного аккаунтанта из компании McLan amp; Associates, Inc. по адресу: 1250 6 Avenue.

Взглянув на значившиеся в отчете цифры, Джим и Стивен присвистнули.

— Черт побери! Поганый склад, маленький бизнес?!.. Глянь! 45 миллионов годовой оборот, 9 миллионов чистой прибыли. Это только официально! И кто знает, сколько «кеша» скрыто... — буквально заорал Джим. — В два, в три раза больше?...

— Какой год у тебя?

— 78-й...

— А как тебе понравится этот, 80-й — пять с половиной миллионов оборота...

— В 81-м опять 27...

— И в 85-м — два четыреста... Странные скачки... Ну что ж, по меньшей мере, мы знаем имя МакЛан и можем с ним повидаться.

— Можем ли?

— погоди, позвоню, — сказал Джек и набрал манхэттенский номер. Сразу после гудка из спикера прозвучало: «McLan amp; Associates, чем можем быть полезны?»

— Я — Джерри Батиста из Первого Нью-йоркского банка, — сообщил Джим, могу ли я говорить с мистером Ричардом МакЛаном?

— Странно, что вы не знаете, сэр, мистер Ричард МакЛан шесть лет как на пенсии.

— О, извините. А кто сейчас возглавляет компанию?

— Мистер Уолтер МакЛан.

— Ага. Тогда позвольте мне побеспокоить вас через час-другой.

— К вашим услугам, сэр...

Джим потер руки и нажал кнопку селектора: «Ребята, найдите мне адрес Ричарда МакЛана, паблик аккаунтера, бывшего владельца McLan amp; Associates».

Через 20 минут адрес лежал у него на столе.

— Как видишь, живой и, будем надеяться, без альцхаймера, — сказал Джим.

— А ты ему позвони, — предложил Стивен.

— Тоже верно, — набрал номер телефона и представился по полной форме: «Мистер МакЛан? Вас беспокоит старший инспектор ФБР Джим Маккензи. У меня к вам дело государственной важности, и я звоню, чтобы попросить разрешение навестить вас завтра с утра». — «Слава богу, дожил до дел государственной важности, — съехидничал старик. — А то думал, что так до смерти мне герою уже не быть...»

— Ну, ты видишь, какой дед! — восторгнулся Джим, положив трубку. — Жаль только — Лонг-Айленд. Тебе, Стивен, как я понимаю, Нью-Йорк пока противопоказан. Придется смотреть самому. Завтра, первым рейсом.

Мистер Пельц сидел на излюбленной скамейке на краю каньона, упершись рукой в парапет, поджав скрещенные ноги и не обращая внимания на циклически возникающие толпы туристов и восторги, звучащие на всех языках. День, в самом деле, выдался особенный. Видимо, упало давление, но ветерок только начал надувать облака, и плыли они низко, буквально — на уровне бортов каньона. Так, что было видно целиком все по-горному синее небо и солнце, от которого облака расцветчивались веселой радугой, как бы осознавая, что на сей раз им в эту бездну упасть не придется. А та, кажется, их сегодня и не ждала. Возможно, ей доставляло удовольствие поиграть косыми лучами, отражая их от стены к стене, когда угол падения равен углу отражения...

Достаточно было только слуха о «Союзе Рыжих», и распад «Стардева» прекратился. Безо всяких увещеваний перестали уходить агенты и актеры, менеджеры фотостудий сами заявили к Гарри обсудить свои дела и предложить помощь в сложный период, а экспериментальная студия и актерская школа неожиданно получили мощное подкрепление — Нэт Ботин, только что награжденный «Оскаром», решил там поработать в ожидании нового фильма. Налаживались и связи Гарри с высшей знатью Голливуда. Все они, как и Гарри, были частыми гостями на вилле в Санта-Барбаре.

Поначалу Гарри удивлялся, сколь разительно отличается обстановка, быт и поведение «крестного отца» мафии от того, что он слышал в разговорах, читал в газетах и книгах, от того, что, в конце концов, сам мог представить, наблюдая за старшими братьями. Ничего подобного! Никаким бандитизмом, никакой разнузданностью, даже моветоном здесь не пахло. Жизнь на вилле протекала чинно и... благородно. Именно так — с претензией на аристократизм, возможно, и обоснованной, если учесть, что хозяйка виллы приходила из одной из древнейших фамилий Америки.

Общество, собиравшееся здесь, было одновременно и элитным, и демократичным, и интернациональным. Политики и актеры, писатели и бизнесмены, музыканты и адвокаты... В те годы можно было назвать мало мест, где бы за одним столом завтракали, подчеркнем это, розовощекий нефтяной магнат и черный, как его нефть, певец би-бопа.

Гарри любил ездить к Гаруччи, и Рэйчел тоже любила. Она получала удовольствие от общения с мягкой и рассудительной женой Гаруччи Мэри, со своей ровесницей дочкой Гаруччи Стеллой и часто бывавшим в доме доктором Мо Плоткиным, которого Мэри отрекомендовала как очень полезного в ее положении. Действительно — пришло время, и хоть пухлый, похожий на булочку доктор Плоткин не был гинекологом, его отеческие консультации всегда приносили Рэйчел уверенность и спокойствие. К тому же, доктор, окончивший в детстве пражскую ешиву, был большим знатоком иудаики, и Рэйчел увлеклась его рассуждениями о том, как увязать Талмуд с жизнью, которая их окружала.

Гарри и Марти в это время пребывали в обществе хозяев и управляющих студий, продюсеров. За коктейлем или стаканом виски на пляже или в парной почтенные голливудские гранды часто обсуждали успех или неудачу тех или иных лент, охотно делились друг с другом и с молодыми людьми своими планами и проблемами в подборе сценариев, актеров, режиссеров, операторов. Марти к этому давно привык, а Гарри не переставал удивляться: «Как же так, ведь они все — не просто соперники, при их

конкуренции ставки достигают десятков миллионов долларов?... Может, блефуют, а на самом деле у них другие оценки, другие проблемы?» — «Ничего подобного, — возражал Марти. — Здесь таиться нечего. Не только потому, что в Голливуде невозможно ничего скрыть и любая новость становится всем известной даже до появления. Штука в том, что кино, хоть и называют производством, ничего общего с выпуском автомобилей или стиральных машин не имеет. Здесь, как во всяком творчестве, конкурируют концепции, мировоззрения, актерские ансамбли, режиссерские методы, личности. Что-либо красть — глупо. Оно не впишется в иную систему, как улыбка Авы Гарднер в лицо Марлен Дитрих. Иное дело, что такие разговоры как бы возбуждают аппетит, подталкивают к каким-то идеям... Ну так — обоюдно».

Марти был явно поднатасканней Гарри, но последнего это только радовало. Информация, которую они почерпывали из встреч с киномагнатами, немедленно шла в дело: нацеленно подбирались актеры, им срочно готовились фото-портфолио, с ними снимали этюды, напоминавшие роли, которые вот-вот должны были появиться на рынке. Дальше шли встречи с кастинг-режиссерами, режиссерами и продюсерами. Неофициальные, официальные; шли пробы, пока их подопечные не подписывали контракты. Процент попадания был очень высоким. Им завидовали, подпускался слушок, что без нажима Гаруччи-старшего ничего не обходилось, но Гарри готов был поклясться, что это ложь.

Ни прославленные родители, ни великие мира сего, ни, тем более, мафия не могут сделать звезду из бездарности. Они только могут помочь таланту подняться и пробиться — попросить лидеров шоу-бизнеса посмотреть-послушать, спонсировать издание книги, постановку спектакля, заплатить за паблисити. Но тем же заняты агентства, импрессарио. И слишком много им пришлось бы просить и платить. Да и совсем одноразовыми были бы их усилия, если бы не опирались на Дар Божий.

Но он, как известно, у кого — большой, у кого — меньший. Широченный спектр, измеряемый, как и почти все в этом мире, деньгами. Пропорционально, по мере добавления цветов. Но там, где спектр этот переходит в ультрафиолетовый, деньги растут в десятки, сотни раз быстрее. В десятки, сотни раз больше зарабатывают исполнители первых ролей, нежели вторых. Так же, как и те, кто представляет их интересы, кто их заметил во мраке инфракрасного и довел до грани обжигающего ультрафиолета, кто может удержать их на этой грани, не позволяя ни упасть назад, ни сгореть.

Вот это трудное ремесло и предстояло освоить молодым партнерам. Гарри и Марти понимали, что сколь успешно ни маневрируй своей «пехотой», без «тяжелой артиллерии», без разрывающих чувства зрителей «снарядов», «бомб» крупного финансового успеха не добиться. «Оружие», которым пользовался покойный Джо, устарело. Кроме... Мелинды Монтрей. Однако эту «секс-бомбу» еще не начинали настоящей взрывчаткой. Джо Марчик разве что рисовал проекты, но вовсе не собирался ставить ее на вооружение ни одной из голливудских армий, она была нужна ему самому — напоказ и в постели, а значит, хватало и оболочки... Но Мелинда знала, что она «бомба», и ядовито ржавела в ожидании «начинки» — роли и «средств доставки» — продюсера, режиссера.

В момент, когда Гарри и Марти о ней вспомнили, она практически утратила связь с агентством, которое обеспечило ее разве что несколькими второсортными ролями. Была у Мелинды надежда, но она умерла вместе с Джо. Через несколько месяцев заканчивался ее контракт с МСР-студией, а, значит, и со «Стардевом». Сегодня ей не на что жить, и она зависит от подарков любовников, завтра — пойдет по рукам?... Охотясь за ролью, она

сблизилась с Нэтом Ботиным, но это тоже была ошибка: Ботин — интеллеktуал, ни на длительную связь, ни на роль в его фильме «бомба без начинки» рассчитывать не могла.

Гарри нашел Мелинду в маленькой, неприбранной, пахнувшей невыпитым «Бурбоном» и пролитыми шампанским и «Шанелью» квартирке. Неделю назад улетел в Нью-Йорк, так и не дождавшись нового фильма, Ботин. Разочарованная Мелинда трое суток кружилась в блядохе Свэна Ламми, а теперь отсыпалась, пытаясь обдумать житье. А так как делать это она разучилась и тупик был столь очевидным, Мелинда пила виски вперемешку со снотворным. Потому-то Гарри пришел без предупреждения — не мог дозвониться, потому нашел ее спящей — вошел в незапертую дверь.

И была она... прекрасна. Первый раз увидел ее Гарри не глазами мальчика на побегушках у великого Марчика — эти платиновые волосы, разметавшиеся по подушке, длинную белую шею, плавно перетекающую в округлые плечи, совсем ослепительную, поднятую вверх грудь, упругие лекала бедер...

Мелинда спала, по-детски причмокивая, и мельчайшие капельки пота тихо звенели на пуху ее верхней губы... И Гарри, не удержавшись, прикоснулся к ней своими губами.

Испуганно распахнулись синие глаза, а признав, засветились интересом.

— Это ты, Гарри?... Что-нибудь случилось?...

Что случилось? А случилось то, что у Гарри чуть не оборвалось сердце и он понял, что еще никогда ни одну женщину не желал так страстно.

— Господи! — произнесла, наконец, Мелинда. — И ты тоже...

И заплакала. Она не пыталась прикрыться. Больше того, сбившаяся вверх рубашка обнажила... Он мог бы...

— Мелинда, — выдавил он из себя глухим голосом, — пожалуйста, приведи себя в порядок. Через три часа я пришлю за тобой машину. — И круто повернувшись, ушел.

Когда Мелинда приехала в офис, она была (или ему так казалось?) еще прекрасней. Свежая, с ярко красной помадой на губах, в открытом голубом платье, делавшем ее несравненное тело еще и загадочным.

— Ну, так что случилось, Гарри? — повторила она вопрос, чуть насмешливо, чарующе улыбаясь, сладко полуприкрыв глаза.

— Хотим обсудить с тобой бизнес. С мистером Гаруччи ты здороваешься? — спросил Гарри, указывая на сидящего в углу в кресле Марти.

— С мистером Гаруччи... А Марти... Здравствуй! Каким сладким мальчиком ты стал!

И Мелинда подошла и поцеловала Марти.

— Ну, вот и хорошо, — произнес Гарри, а в сердце у него поселилась печаль.

— Да, я слышала, что теперь вы работаете вместе. Говорят, неплохо. Вот и обо мне теперь вспомнили, — продолжила Мелинда беспечно, с веселой улыбкой.

«Нет, она все-таки отменная актриса! — подумал Гарри. — Год без съемок, на счету ни цента, репутация шлюхи...»

— Вспомнили, — сказал он. — И кое-что придумали. Попытайся принять это серьезно, потому что многое зависит от тебя.

— Гарри, дорогой, я давно поняла: от меня ничего не зависит... Ну так как вы решили мою судьбу?... — вновь рассмеялась Мелинда.

— Решили так, — оборвал ее Марти. — Через три месяца начинаются съемки «Влюбленного миллионера», и ты можешь получить там главную роль.

Мелинда прекратила смеяться.

— Могу? Вы так решили... — едко процедила она, но глаза ее увлажнились. — Я еще не сыграла ни одной главной роли. За шесть лет здесь я была готова отсосать у каждого, кто бы только мог ее предложить. Так ведь не предлагали! А теперь появились вы, когда у меня даже контракта со студией нет. Может твой папаша за меня похлопочет? А, Марти? Что ж сам-то не предлагает? Или стеснительным стал?...

Марти влепил Мелинде пощечину и прошипел: «Прекрати истерику, сука!». Мелинда затихла. Но она уже, действительно, плакала.

— Мелинда, — мягко сказал Гарри, — пойми правильно: мы не хотим тебя обидеть. И мы не Армия Спасения. Повторяю: это — бизнес, и ты ради себя самой должна помочь его сделать.

— Хорошо. Что я должна делать?

— До субботы ни с кем не встречайся, не пей, приди в норму. А потом приезжай на прием к мистеру Моррису. Одна. Оденься секси, но без вызова... Ты понимаешь...

— Я туда не приглашена, — грустно усмехнулась Мелинда.

— Мы внесли тебя в список гостей...

Сделать это было нелегко. Бен Моррис, глава МСР, отличался консервативностью и умением собирать слухи. О подвигах Мелинды он, разумеется, был наслышан, но его это никак не зацепляло. Он не считал ее сколько-нибудь ценной актрисой. Для него она была смазливой куклой, какие приходят и уходят без следа. И чтобы добиться от Свена Ламми приглашения Мелинды, партнерам пришлось долго его обрабатывать. Пришлось выложить все карты.

— Мы сделаем из нее Синдереллу, сиротинушку, над которой потешался весь Голливуд, пока она не вышла замуж за принца Америки, — рассказывал Марти. — Организуем большую шумиху в прессе, пока будет готовиться свадьба и сниматься фильм. Премьеру назначим сразу после свадьбы. Успех гарантирован. Похожие сюжеты: в жизни — принц Америки, в фильме — миллионер. И такая милашка, такая непорочная, хоть и жизнь ее совсем затрахала...

— Все хорошо, — возражал Ламми, который Мелинде покровительствовал, — но есть три коренные проблемы, если не четыре. Первая: вопрос о роли во «Влюбленном миллионере» практически решен...

— В ваших силах...

— Ты хочешь сказать — под мое поручительство... То есть я должен подставиться из-за вашей разболтанной алкоголички Синдереллы? Уж я-то знаю, как она может все сорвать, а вот вытянет ли роль — не уверен.

— Она ничего не сорвет. О ней позаботится доктор Плоткин. Саша будет дрессировать ее. Это за наш счет.

— Ой, ребята! — протянул Ламми. — Ладно, выкладываете последний козырь: кто принц?

— Джон Мантиньи, — назвал Марти имя великого футболиста.

Ламми присвистнул и рассмеявшись спросил:

— Он об этом знает?

— Пока нет, — твердо сказал Марти. — Но, надеюсь, вы не сомневаетесь, что эта проблема как раз самая разрешимая. Мы ее решим по-семейному, в Санта-Барбаре...

Весь этот разговор Свен Ламми передал Бенжамену Моррису. Тот заинтересовался, но сказал, что никогда не замечал в Мелинде особого блеска и непонятно, отчего эти молодые люди так ее продвигают. «Впрочем, — сказал мистер Моррис, — может мне, действительно, следует посмотреть на нее свежим, скажем так, послевоенным взглядом».

И он посмотрел. Когда Мелинда вошла в зал — легкая и одновременно зрелая, похожая на рекламную чайную розу с капельками росы на лепестках, расстилая по залу синий бархат все обещающего взгляда — мистер Моррис не удержался и пригласил ее за свой столик.

И все завертелось. Статьи и интервью, где журналисты проливали горькие слезы о судьбе очаровательной сиротки, стенды и плакаты, репортажи из готовящегося к съемкам павильона. Фото малоизвестной Мелинды Монтрей появлялись в газетах чаще, чем Вивьен Ли или Одри Хэпберн, ее всюду узнавали, хотя мало кто знал, в каких лентах она снималась. Вопреки ожиданиям, у Мелинды не стало никаких проблем со спиртным, сексуальные приключения она тоже легко отложила до лучших времен. Но когда пошли ежедневные, по многу часов репетиции с Сашей, а затем к ним добавились еще и съемки, у Мелинды начались нервные срывы, головные боли, депрессия, бессоница.

Тут и потребовалась помощь доктора Плоткина. Для него, фрейдиста-психоаналитика, она стала идеальным объектом исследований. Никогда еще не встречал он столь полный букет: безотцовщина, алкоголичка и шизофреничка мать, а вместе с тем — это чудное дитя природы, с мечтой, взлелеянной в чужой семье и почти осуществившейся, несмотря на унижения и сексуальные надругательства, несмотря на то, что носительница этой мечты была слабой и не уверенной в себе женщиной. Никакие классические примеры тут не подходили. Даже ему, самому Плоткину было трудно пробиться в ее подсознание. В последние годы ни с кем ему не приходилось столь часто проводить сеансы, как с Мелиндой. Хотя для нее это обставлялось, как просто полезные беседы, что-то вроде инструктажа, как управлять собой в той или иной ситуации. Он действовал на нее умиротворяюще — мягкий, уютный, белый «с подрумянившейся корочкой», а в изюминках-глазках совсем не было похоти. Но полностью справиться с последствиями былых стрессов Мелинды доктор Плоткин не мог, а потому Гарри приходилось закупать для нее в больших количествах барбитураты.

Проблему замужества Мелинды взял на себя Марти. «Суженые» никогда раньше не встречались. Но для Марти это было дополнительным стимулом. «Что ж такого? — резвясь, говорил он Гарри. — У мусульман, к примеру, жених с невестой вообще могут не встретиться до свадьбы, и ничего — живут, детей рожают. А тут ей достаточно посмотреть на него — настоящий бык! А уж наша телка — само очарование». Тем не менее, с Мелиндой пришлось провести воспитательную работу, прежде чем она согласилась на свидание. Что касается Джона Мантиньи, с ним, запутавшимся в долгах и врагах, разговаривал Гаруччи-старший...

И все произошло, как предсказал Марти: через три месяца сыграли свадьбу.

А еще через месяц на экраны выпустили «Влюбленного миллионера» с Мелиндой-Синдереллой в главной роли. И «бомба» взорвалась: все бабешки — библиотекарши, швей, официантки, школьницы — стали еженедельно мыть волосы пергидролью, мечтая повторить подвиг Синдереллы; мужики, начиная с клерков и кончая рэднеками, пожирали белое тело Мелинды вместе с ведрами поп-корна; а ее незамысловатые песенки,

исполненные голоском тихой птицы, заштамповали на сотнях тысяч пластинок.
Подтвердились все расчеты, кроме...

С детства Стивен усвоил русскую поговорку, что самое худшее — это ждать и догонять. Теперь жизнь наполовину ее опровергала. Догонять он любил — работа такая. Вот на счет ждать — это уж точно неприятно. Но сегодня так получалось, что догонять некого — никто от них не убегал, а если и убегал, то неизвестно кто и в какую сторону. И чтобы это выяснить, приходилось ждать: что привезет из Нью-Йорка Джим, что ответят на запросы почтари и санитары... Стивен ждал, маясь от безделья в кабинете Джима.

Но и нет ничего лучше ожидания — есть время подумать. И кепка «Nike» совершила несколько полных оборотов вокруг его головы...

«Мы зря не полезли в еще один шкаф! — внезапно понял Стивен. — Может, за 20 лет на скелете Руперта Вейна не все истлело? Англичане дотошные — наверняка что-то у них есть. И куда делся скелет? В Англии, или его кто-то в США перевез на захоронение?»

Стивен нашел Джима по сотовому телефону.

— Так в чем проблема? — спросил, выслушав его, Джим. — Посылай запрос.

— Не могу, — пожаловался Стивен. — Я ведь лицо у вас не доверенное.

— Действительно, — рассмеялся Джим. — Ладно, пиши запрос. Через часик зайдет мой человек и отправит. А я буду к вечеру. Дождись.

Через час ушел запрос в Ливерпуль, и Стивен, опять же от скуки, взялся за газеты. В «Вашингтон пост» и в «Нью-Йорк таймс» он сразу обнаружил портретик Кэрригана, заметка под которым гласила, что, по сообщению из канцелярии Верховного судьи Уинфри Хуберта, рассмотрение дела по досрочному освобождению состоится в предусмотренный законом срок, т. е. через две недели, и нет никаких оснований для задержки.

«Две недели? Они там что, идиоты?». Стивен позвонил Кальваресу, который сказал, что информация исходит от него и что деваться некуда: две недели — срок крайний.

Настроение еще больше ухудшилось, когда из Почты пришел ответ, что там готовы всячески содействовать ФБР, но поиски расписок в архиве займут по меньшей мере 10 дней.

Новый звонок к Маккензи. «Ладно, бросим им в помощь наших людей...».

А санитары опять отличились: штраф, как и ожидалось, был оплачен мани-ордером, который депозировали в Сити-банк 15 сентября 1978 года. Понятно, что на мани-ордере нет имени, но там наверняка есть почерк написавшего от кого и по какой штрафной квитанции платят.

Опять звонок к Маккензи. «Нагружаешь, приятель... ОК, попросим банк найти эту бумажку. И пора бы тебе статус, что ли, изменить, а то покоя от тебя нет...».

Джим прибыл только поутру. «Древний старик, — сказал он про аккаунтанта МакЛана, — но виски еще пьет, и клиентов помнит, как пастор Евангелие. С хозяевами «K amp; M Clothes» он никогда не встречался, но их бухгалтера я от него заполучил сразу, вместе с адресом. И кое-что новенькое мы имеем».

Это кое-что заключалось в том, что, действительно, второй этаж снимался под клуб. А снимал его ресторан «Барокамера». Ничего о договоре о ренте бухгалтер не вспомнил: «Они платили «кешаком», рассчитывались лично с хозяином, сколько платили — не знаю, да и нигде это не фиксировалось...».

— Теперь ты понимаешь, почему клуб никогда не регистрировался как бизнес и по чьей

лицензии торговали спиртным?

— Интересно то, что Руперт Вейн как раз из этого ресторана, — заметил Стивен.

— Да, но еще интереснее, когда эта «Барокамера» была открыта и когда давление в ней кончилось... Ладно, парень, не буду томить: открыли ее в начале 1977-го, а закрыли в начале 1981-го, то есть действовала она примерно те же сроки, что и клуб. И теперь самое важное: хозяином ресторана был... Стэнли Марлоу, родной брат Фрэнка!..

— Ага!

— Еще не ага. Я еще повидался с одной бабушкой — мамой Вейна. Так вот: Руперт никогда женат не был, и никакой ребенок у него не ожидался. Это была отмазка. Но там главное другое: мамаша до сих пор не знает, где ее сын.

— Не может быть! — вертикально взлетели брови.

— Все может быть. Это — Америка, приятель. Похоже, она даже не интересовалась...

— А где Стэнли Марлоу?

— Там же, где и Вейн.

— Убит?

— Нет, умер своей смертью. Несколько лет назад, от инфаркта.

Информацию, привезенную Джимом, следовало основательно переварить. Версия могла выглядеть так. «Барокамера» открыла клуб, чтобы иметь еще один источник дохода и обеспечивать себе подпитку клиентурой. Возможно, это еще и связано с увлечением братьев Марлоу «Спайдерс»... Во всяком случае, живехонький Фрэнк Марлоу в этом признался. Неожиданно в клуб наполнился экстримом, который в конце концов вылился в убийство одним из членов клуба отколовшегося «спайдера». Фрэнк Марлоу во главе расследования убийства, естественно, сделал все возможное, чтобы громкое дело не завязывалось с именем его брата. Два человека, напрямую связанные с убийством, с клубом и рестораном, в суд не попали, они даже не были допрошены как свидетели. А Марлоу-старший, закрыл сначала клуб, как не оправдавший его расчетов, а затем, испугавшись, закрыл еще и ресторан. Таким образом, совершив должностное злоупотребление, небольшое, поскольку сути дела об убийстве оно никак не меняло, Фрэнк вывел братца из под расследования, которое могло бы тому дорого обойтись: клуб нигде не был зарегистрирован, доходы его не фиксировались, налоговые декларации не составлялись и так далее... Убийство Вейна?... Ну, а какое это имеет ко всему отношение? Пьяная драка где-то в Ливерпуле... Знал ли об этом Фрэнк? Если знал — совершил еще одну должностную оплошность — не сообщил семье. Но замотался, работы много...

— И мы опять неизвестно в какой заднице, — заключил Джим и столь шумно плюхнулся в кресло, так, что у Стивена не осталось сомнения, в какой именно.

— В очень большой, — широкозубо улыбнулся Стивен. — Отъевшейся... Только вся эта логика трещит, как твое кресло. С чего бы это Стэнли Марлоу не зарегистрировал клуб? Ему бы это помешало? Нет. Наоборот: есть куда доходы списывать. Почему это не сделано? Чтобы связь клуба с рестораном практически не прослеживалась? Даже штраф оплатили не чеком, а мани-ордером. А представь оборудование клуба... Десятки тысяч долларов за него явно уплачены кому-то наличными. Даже рент... Кстати, насчет рента: ты не знаешь, зачем это компании, у которой, как мы выяснили, какой оборот?... До 45 миллионов!.. Зачем такой компании сдавать второй этаж за две-три тысячи в месяц. Ладно, шло бы это через какого-то менеджера, но ведь бухгалтер утверждает, что платили лично хозяину... Значит,

компания была заинтересована, чтобы клуб существовал... Или кто-то ее об этом сильно попросил... Кто попросил? Ресторанишка «Барокамера», отдел по расследованию убийств полиции?... — И Стивен покачал головой. — И, извините, откуда взялся и куда исчез дорогой нашему сердцу президент клуба Артур Патти? В схему, нарисованную нами, он никак пока не вписался. А ведь именно его мы ищем, как ты помнишь.

— Ну, его-то вписать совсем не сложно. Пришел он к Стэнли с идеей клуба. Может, сам и финансировал: ему главным было ресторанную лицензию на спиртное использовать. Нормально?

— Да. Только две детали: как это он второй этаж «K amp;M Clothes» заполучил, почему под псевдонимом работал и следов не оставил?

Их рассуждения прервала депеша из Ливерпуля. Тамошняя полиция сообщала, что в ночь с 29 на 30 января 1981 года гражданин США Руперт Вейн в состоянии сильного алкогольного и наркотического опьянения подвергся нападению неизвестных лиц у пирса N8, где и найден мертвым. Смерть наступила в результате колющих ранений в область пятого межреберья и сонной артерии...

— Вот тебе и пьяная драка... — прокомментировал Стивен.

«Следственная группа под руководством сержанта Пола Майлса, — продолжала депеша, — установила, что нападение совершено без цели ограбления, поскольку при убийстве были обнаружены деньги и документы. Никаких улик, могущих дать направление следствию, на месте преступления не обнаружено, свидетелей преступления найти не удалось. Мистер Руперт Вейн приехал в Ливерпуль 26 января 1981 года как турист, проживал в отеле «Темза», три дня провел в музее и фан-клубе группы «Спайдерс», никаких сомнительных знакомств за это время не зафиксировано. Тело убитого, по просьбе родных, 6 февраля было выдано его другу Майклу Пельцу для захоронения в США. Дело об убийстве гражданина США Руперта Вейна прекращено производством 29 января 1982 года как бесперспективное».

— Ну и документик! — восхитился Джим. — Прямо какашка какая-то, продукт английского пищеварения. Редкостный случай запора.

— Скорее — нежелания копать всерьез, — предположил Стивен. — Ну, кокнули американа, что им до этого... На них никто не давил; в консульстве, наверное, и не знали; семья всего навсего затребовала тело сразу после убийства, да еще было кому его забрать...

— Господи, какая вонючая, примитивная уголовка! — простонал Джим. — Ну что, спрашивается, ФБР тут делать? Разве что начальник тюрьмы пошалил... Вот что: я займусь Марлоу, а ты для очистки совести слетай в Ливерпуль, разберись, откуда взялся этот Пельц, был ли он там во время убийства, откуда, черт побери, взял требование семьи.

— Все это я мог бы и здесь выяснить.

— Боюсь, что нет. Уж больно много в США Пельцев развелось. И Киршонов, кажется тоже, — рассмеялся Джим. — Но дело не в этом. Ты, наверное, заметил, что в каждом следствии, как в атомной бомбе, должна возникнуть критическая масса, когда может пойти цепная реакция. Однако нужно находиться рядом, чтобы подтолкнуть. Короче говоря, Пельц — единственный, кто может нас вывести на Артура Патти. Добери массу и подтолкни.

Пора было возвращаться. Гарри махнул шоферу, чтобы тот помог ему добраться до машины и последний раз глянул вниз, туда, где на самом дне притулилось маленькое ранчо. Сколько раз Гарри разглядывал его через подзорную трубу. Вокруг ни дорог, ни троп, а стоит дом, из которого время от времени выходят люди, в загоне шлеются лошади... Как это все появилось, кто эти люди? Сколько раз, облетая каньон на вертолете, Гарри мог приказать летчику приземлиться у этого ранчо, мог узнать, зачем выбрали для жилья самое дно самой бездны. Но он этого не сделал, он не верил, что на этот вопрос можно ответить, да и не желал ответа на этот вопрос.

Шофер довел его до стоянки, открыл и закрыл дверь, и мистер Пельц, оставшись один в пустом салоне, поехал в Лас-Вегас как бы отдельно от шофера.

Гарри и Марти агрессивно развивали успех Мелинды. В газетах и по радио велась нескончаемая сплетня о ее подвигах, для каждого ее выхода в свет подбирались одежда, обувь, украшения, макияж, придумывались спичи, разыгрывались диалоги. Лепился образ желанной и почти доступной красавицы, которая невинно радуется своей сексуальности. Такой вот симбиоз, изобретенный специально нанятым по рекомендации доктора Плоткина психологом Полом Келли. «Что может больше вызвать сочувствия и возбуждения, чем будто бы невинная шлюха, вроде Кающейся Магдалины, — цинично объяснял он боссам свою идею. — Беспроегранный цикл: грехопадение — раскаяние — индульгенция — грехопадение. Все все прощают и всем тоже хочется поучаствовать в грехе».

Не перегревая ажиотаж, Мелинду вскоре запускают в следующую картину — опять же комедийную мелодрамку «Куколка», стопроцентно в ее диапазоне и имидже. Успех был гарантирован. Так оно и случилось: мужской мир буквально застонал от белого безумия страсти, женский — от выброса потаенного и подавленного.

Никогда еще под управлением Гарри Пельца агентство «Star Development» не зарабатывало так много на всего лишь одном контракте. Причем этот контракт приносил ему столько же, сколько все остальные, вместе взятые. К доходу от проката фильмов добавлялись еще большие отчисления за права по изготовлению памятных фотографий, открыток, постеров, значков. Мелинда стала золотой рыбкой, которую они запустили в воду, и она волей-неволей исполняла их желания. Теперь вся задача состояла в том, чтобы рыбка от них не уплыла.

Об этой опасности партнеров предупредил еще доктор Плоткин. Он сказал, что психологическое воздействие, которое Мелинда оказывает на людей, возвращается, бессчетно приумноженное, на нее же. И Мелинда вряд ли выдержит, это может сказаться и на ее психическом здоровье, на ее понимании сути вещей.

Тогда, и это было последний раз, Гарри и Марти недооценили сказанное доктором — попросту не поняли. Но прогноз быстро сбылся: у Мелинды резко возросла самооценка. Ей сумели внушить, что только из-за отсутствия школы она не может достичь вершин актерского мастерства и играть не только сексуальных куколок. Мелинда уезжает в Нью-Йорк учиться. Ей становится в тягость мужлан Джон Мантинья — и она с ним разводится. Ему на смену приходит знаменитый писатель...

Впрочем, не стоит повторять эту известную историю, рассказанную в тысячах газет и книг. Историю Мелинды Монтрей. Здесь же о том, какое место в ней занимали «Стардев» и... Гарри.

Всякий раз, когда Гарри должен был встретиться с Мелиндой, все его существо пронизывало беспокойство. Он знал, как трудно ему будет подавить страсть и унижительное мальчишечье воображение, но еще больше Гарри боялся обнаружить нежность к этой женщине, которую он однажды застал жертвенно пьяной, потерянной и готовой к любому надругательству. Гарри понимал, что все быстро поменялось и Мелинда с его жреческой помощью из жертвы превратилась в божка. Но все равно эта жалостливая нежность и... эта страсть.

Мелинда, кажется, все чувствовала, и, может быть, память о его робко прикоснувшихся к ней губах побуждала ее всегда чуть насмешливо и поощрительно улыбаться Гарри — своей лучшей то ли по кино, то ли по жизни улыбкой. А вот Марти Мелинда отчетливо ненавидела. При встрече с ним у нее портилось настроение, в глазах появлялся страх. Но на языке — оскорбления. Да, она боялась Марти и заставляла себя говорить ему гадости, напряжинившись, словно кошка перед бульдогом. Ходил слух, что у нее что-то было с Гаруччи-старшим. Не могло не быть...

Теперь, вырвавшись в Нью-Йорк и оказавшись, благодаря новому мужу, в далеком, как ей казалось, от Голливуда круге интеллектуалов, она почувствовала свободу. Она еще не понимала, что все эти нью-йоркские мэтры режиссуры, фотографии, драматургии, включая мужа, сознательно или неосознанно стремились попасть именно в Голливуд под ее высоко взлетевшей звездой. Так стремились, что закрывали глаза на несовместимость ее затребованного временем и публикой Божьего дара со своими эстетическими и философскими концепциями. Им тоже хотелось всенародной славы и больших денег, и они переделывали Мелинду под себя.

А Мелинда думала, что обретает свободу и верила сладкой сказке о своем нераскрытом драматическом призвании. Она расторгла контракт со «Стардевом», а от студии, по внушению новых нью-йоркских друзей, потребовала право на утверждение сценариев, режиссеров, и даже партнеров по фильмам. Слишком много она потребовала, и поэтому не получила ничего, кроме обещаний. Боссы, конечно же, были заинтересованы ее снимать, но не ценой развала системы. «Ты еще приползешь!» — прошипел ей при встрече Марти. — «Забудь, сукин сын!» — был ответ.

Мелинда не снималась больше двух лет. Недоумевала публика, заскучал прокат. Но хуже всего было самой Мелинде. Она видела, как на глазах бледнеет и сужается ореол обожания, как все дальше обходят ее газеты, как начинает терять к ней интерес даже сделавший на нее ставку нью-йоркский круг. Мелинда уже поняла, что это была именно ставка, что ею хотели воспользоваться, а взамен она ничего не получила.

У нее кончились деньги... Муж ничем не мог ей помочь. Он был из мира, где трагедии Шекспира читают в детстве, а не на краткосрочных актерских курсах. У них не было ничего общего, кроме постели. Но в постели она знала любовников и получше.

Мелинда так хотела подняться, так хотела свободы!.. А реальность говорила, что она должна вернуться туда, откуда пришла. Это было невыносимо. Мысли о том, что все летит под откос, и бессилие что-либо изменить вымотали ее. Вернулись прежние неврозы, вернулась бессоница, Мелинда снова начала много пить.

Однако ей повезло: появился чудный сценарий, на роль в котором не мог претендовать никто, кроме нее. Роль неустроенной, пьющей и поющей девушки из джаза, которую находит большая любовь. Но никто не хотел Мелинду приглашать, хотя по контракту со студией она задолжала несколько фильмов. Бен Моррис, только услышав о ней, заявил: «Я не хочу больше слышать об этой суке! Мы ее будем судить — вот и все». Ламми, как обычно, уходил в сторону. Настаивал Гарри и... настаивал Марти, хотя без контракта с Мелиндой, «Стардеву» это не обещало ни цента. Понять, что происходит, Гарри не мог, хотя поддержка партнера его радовала: сомневаться в том, что Мелинда получит роль, уже не приходилось.

С тем он и появился в нью-йоркской квартире Мелинды. И она вновь была пьяна, хотя знала о его приезде.

— А вот и ты, Рыжик! — встретила она его. — Давно не встречались. Ты всегда появляешься, когда я никого не хочу видеть.

— Я могу и уйти.

— Нет уж. Ты мне как раз приятен. Ведь ты меня любишь? Не отпирайся... Помнишь как когда-то ты попытался меня поцеловать?... Помнишь-помнишь!.. А хочешь еще?... Ну, давай, я тебя поцелую... — И Мелинда прислонилась к его губам.

Руки Гарри рванулись и обхватили Мелинду, он прижал ее к себе и чувствовал, что нет на ней ничего под китайским халатом — только грудь, в которой он мог бы спрятать свое пылающее лицо, только...

— Не-е, мне нельзя, — отстранилась Мелинда. — Я теперь замужняя женщина, очень даже порядочная... А ты хочешь выбить меня из круга. Вот ты приехал зачем? Уже вижу — вернуть меня в Голливуд... А я не хочу туда возвращаться. Сейчас не хочу. Потому что знаю: ничего нового вы для меня не придумали... Да и мне нечего предложить, кроме вот этого... — и Мелинда распахнула халат. — И никто не знает, может, все-таки что-то есть у меня под этим всем. Что-то кроме тела... И я не знаю...

— Мелинда, это — замечательная роль... — заговорил пришедший в себя Гарри.

— Все замечательно, — грустно сказала Мелинда. — Завтра я вернусь, а послезавтрашнего дня у меня уже не будет. Нельзя одну и ту же роль играть бесконечно.

Через три недели Мелинда приехала на съемки. Гарри приготовил для нее домик, приставил к ней экономку, парикмахера, шофера с машиной и все того же Пола Келли. С Мелиндой были серьезные психологические проблемы. Те же — она пила и ее мучала бессонница, и не те — нью-йоркские интеллектуалы убили в ней уверенность в себе, научили бояться камеры. Келли требовался постоянно — для снятия стресса, контроля за алкоголем, барбитуратами. Если в какой-то вечер его не было рядом, можно было забыть про съемки на следующий день — Мелинда или не приезжала, или оказывалась сонной, пьяной.

Легче с этим было, когда съемки проходили не в студийном павильоне, а в Санта-Барбаре — на вилле, на пирсе, на яхте... Гаруччи. Сначала Мелинда категорически отказывалась ехать на эту виллу. Но убедило ее то, что хозяин в это время был во Франции, а на вилле постоянно гостил Мо Плоткин. По вечерам он составлял ей компанию, слушал ее исповеди, наставлял. С ним она не пила, с ним проходила ее бессонница, возвращалась уверенность.

Однажды долго не могли снять одну из финальных сцен — когда героиня и герой счастливо соединяются на яхте. Сцена получалась или совсем не сексуальной, или совсем вульгарной. Три дня срывались дубль за дублем, все нервничали и больше всех Мелинда.

Каждый раз она убегала к себе в уборную и снова и снова проигрывала сцену со своей привезенной из Нью-Йорка репетиторшей, и каждый раз все заканчивалось перебранкой с режиссером, слезами и скандалом во все той же уборной. А дубли получались все хуже и хуже, и уже не было никакой надежды, что Мелинде удастся выйти из пике.

Тогда-то Марти и позвонил Мо Плоткину, а как только тот приехал, попросил всех подготовиться к съемке. Доктор вошел в уборную, и немедленно оттуда вылетела разъяренная репетиторша. А минут через 15 вместе с доктором вышла Мелинда, улыбающаяся и счастливая. Сцену сняли за полчаса, как говорится, на одном моторе, и пораженный режиссер еще долго не мог покинуть свое кресло — так и сидел, обалдело глядя на место, где только что состоялась любовная сцена.

— Что это было? — спросил у Марти не менее удивленный Гарри.

— Гипноз.

— Какой, к черту, гипноз, если она вполне соображала, нормально со всеми говорила, адекватно реагировала на происходящее, если она наверняка помнит все, что делала во время съемки?...

— Да. Но кто тебе сказал, что гипноз бывает только полным, что нельзя отключить лишь некоторые реакции? Мо это умеет.

Фильм «Девушка из джаза» явно удался. Соскучившаяся за Монترей публика валила валом, и разочарованных не было. Произошло нечто экстраординарное — затраты на ленту окупились уже через неделю проката. Пресса неистовствовала, критика рассыпала сахар комплиментов Мелинде Монтрей. Пока еще никто не замечал, что как раз ее роль была в этом фильме самой слабой, что «Девушка из джаза» — редкий случай, когда фабулу, сценарий и постановку не испортишь никакими актерскими неудачами. Хотя нельзя было назвать неудачными мужские роли в этой ленте. И никто не знал, каких титанических усилий стоило держать белокурого идола в кадре...

Финансовый успех «Девушки из джаза» особого дохода «Стардеву» не принес. Прямого договора с Мелиндой у компании не было, разве что под обеспечение ее участия в фильме им удалось запустить туда еще нескольких своих клиентов, чьи ставки были значительно ниже. А вот затраты на Мелинду были чрезвычайно высоки.

«Тут некуда деваться, — объяснял свою позицию Марти, — нам важно заботиться о репутации фирмы. С нами Мелинда начинала, и уж дело чести вести ее до самого конца».

«Что ты имеешь в виду?» — спрашивал Гарри.

«Ты не хуже меня видишь, что она становится все более беспомощной как актриса. Все, что у нее пока есть, — это фактура, но она разрушится и очень скоро. Девочка сходит с маршрута, и ничто ее уже не остановит».

Гарри осознавал, что партнер прав, но пытался возразить, говоря, что как раз сейчас особых причин для беспокойства нет.

«Погоди, — говорил Марти, — погаснет фейерверк и нужно будет сделать новый фильм...»

Нынешний триумф она не заслужила — Мелинда это понимала. Но был он таким грандиозным, что на некоторое время заглушил ее боль, и она с удовольствием купалась в волнах обожания, цветах и аплодисментах, ей доставляло радость видеть на каждом углу свои портреты, раздавать автографы, быть в центре внимания на приемах и вечеринках.

«Мужа это раздражает? — Ну так черт с ним, он тоже теперь меня раздражает. И он, и вся его шайка импотентов-интеллектуалов. Нет у меня больших, глубоких ролей — значит и не должно быть, значит мне и оставаться Куколкой, куклой, секс-бомбой... Кто сказал, что это хуже?...».

И аргументы, которыми Мелинда себя уговаривала продолжать путь под «триумфальной аркой», в конце концов выводили ее из равновесия. И опять — депрессия, потом — алкоголь и таблетки.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

И все же предсказание доктора Плоткина, а вслед за ним — Марти, сбылось не сразу. Сначала, как сказано, была эйфория. Но время шло, и публика начала проявлять беспокойство: где ее любимица, где ее невинно-развратная прелестница, когда выйдет новый фильм, в котором она снимается? А Мелинда не снималась — она боялась съемок. Ей предлагали, она отказывалась. Но давление на нее нарастало, а счет в банке уходил в ноль.

Тогда, как всем известно, снялась она еще в двух фильмах. Делались они еще более мучительно, с простоями на похмелье и таблеточный сон кинодивы, а еще и на ее капризы, которые, конечно же, объяснялись развившимся у нее комплексом. Один фильм — все та же, набившая оскомину, сказка про Синдереллу, другой, по замыслу, должен был предьявить ее миру как серьезную актрису, а предьявил пшик.

Публика, впрочем, ей не пеняла. Но профессионалы поняли: актрисы Мелинды Монтрей больше не существует.

Однако все еще существовала женщина Мелинда, пленительная и желанная, зрелая и опять свободная. С тем она и продолжала искать свое счастье. Местные и заезжие плейбои — богатые, знаменитые и влиятельные — также искали Мелинду, но отнюдь не для того, чтобы сделать счастливой, а дабы не опоздать внести ее в список своих побед. И были среди них птицы очень высокого полета. Из тех, что порой залетали погостить на виллу Дино Гаруччи, а Мелинда, вопреки былой неприязни, стала ее завсегдатаем. Привел Мелинду сюда ставший ее любовником сладкоголосый певец и сердеед Сатторио. Да, когда-то давно она здесь бывала, и это оставило у нее самые неприятные воспоминания. Но теперь на вилле все изменилось. Здесь теперь собирался самый избранный, самый элитный круг, в который она всегда мечтала быть принятой.

И здесь обитал доктор Плоткин, ее мудрый наставник и ангел-хранитель. С ним она вновь обрела опору и уверенность, что все еще впереди. Но этого «впереди» оставалось всего несколько месяцев...

В один из дней позвонил Сатторио.

— Ты не хотела бы прокатиться в Рено?

— А что я там забыла? — недовольно спросила Мелинда, которая терпеть не могла эту пародию на Лас-Вегас, где к тому же ей довелось сниматься в последнем провальном фильме.

— Видишь ли, там проводится одно довольно серьезное мероприятие, и ее организатор хотел бы, чтобы мы с тобой там были и выступали.

— Что за мероприятие такое, милый, может быть в Рено? И кто организатор?

— Дино Гаруччи.

— Ни за что!

— Это его день рождения, и он устраивает праздник для самых близких. Ну что тебе

стоит спеть ему Happy Birthday? Он считает, что сделал для тебя побольше, чем тот, кому ты недавно пела...

— Я уже сказала, что не поеду.

— Мне это трудно понять. По-моему, ты сейчас спокойно переносишь его общество, бываешь у него в Санта-Барбаре...

— Да, но там, я думаю, совсем другое общество, чем собирается в Рено.

— Возможно. Но ведь нельзя забывать тех, кто нам помог, когда мы были вообще никем. Такого уговора не было...

Мелинда поехала, уже на взводе, уже выпив порядочно водки. Как она и ожидала, в Рено, в ресторане «Хилтона» собрался отнюдь не истеблишмент, а соратники Дино Гаруччи — крикливое, наглое и безжалостное мужичье, которое она ненавидела и боялась. Быдло в тысячедолларовых токсидо, с презираемыми ею подружками из кордебалета. Все эти годы она пыталась от них убежать, и всякий раз они ее настигали.

Мелинду и Сатторио посадили за стол с другими голливудскими звездами. Четыре самые красивые женщины «фабрики грез», о которых мечтала вся Америка, не смогли отказать бандиту. И четверо мужчин, на чьем экранном героизме воспитывалось целое поколение...

Мелинда стала напиваться, едва села, а когда пришло время петь Happy Birthday, еле доковыляла до микрофона. Со второй попытки ей удалось вступить вместе с ансамблем, и, как только гости начали подпевать, к ней подошел улыбающийся юбиляр и, не меняя лица, сказал: «Пошла вон, пьяная сука!». В ответ Мелинда отчетливо произнесла: «Выродок!». Моментально, по знаку Гаруччи, двое также улыбающихся молодых людей стали выводить ее из зала.

Гарри Пельц был среди гостей, сидел рядом с Марти. Когда Гарри увидел, что Мелинду выводят, он вскочил из-за стола, сказав Марти: «Я отвезу ее!». Марти стиснул его руку и, твердо глядя в глаза, сказал: «Не вмешивайся!»

На следующий день, под вечер, ему позвонила Мелинда. Она явно была пьяна, а голос ее плакал: «Гарри, приезжай, мне очень плохо!».

Когда Гарри приехал, он застал Мелинду, действительно, пьяной, и она, действительно, не переставала рыдать. Выглядела она ужасно — с синяками на лице и на руках...

Испуганный Гарри сел на кровать с ней рядом, обнял ее за плечи: «Боже мой, что случилось, Мелинда?!»

— Они меня изнасиловали, эти подонки, эти вонючие свиньи!.. Они меня втроем изнасиловали!.. Как какую-то подзаборную блядь... Господи, Боже мой!.. Помогите мне, Гарри!

И Мелинда забилась в истерике.

Гарри растерялся, он не знал, как поступить. Он пытался ее успокоить, гладил ее волосы, говорил какие-то ласковые слова, а она продолжала рыдать, судорожно, истошно. Гарри позвонил Марти: «Мелинду изнасиловали. Она в жутком состоянии и рыдает, не переставая. Я не знаю, что делать... Может, в полицию позвонить?...»

— Вот только полиции не хватает, — спокойно отвечал Марти. — Ты уверен, что ее изнасиловали?... Или нам нужен этот скандал? Вот что, вызови Пола Келли. Пусть сделает ей успокаивающий укол; в конце концов, это его пациентка».

Келли прибыл буквально через десять минут. А еще через пять Мелинда уснула. «Оставьте с ней, — приказал Гарри. — На всякий случай... А завтра разберемся...»

Но назавтра Марти сообщил Гарри: «Я узнал, ее, на самом деле, изнасиловали. Но не дай тебе бог в это влезть!».

— А что же делать? — спросил Гарри.

— Да ничего. Как будто ей впервой... Успокойся... Доктор Келли ей поможет.

Как потом выяснилось, помощь этого доктора заключалась в том, что в доме Мелинды не переводилось спиртное и снотворное. Так продолжалось две недели, к исходу которых истощенная, на грани помешательства Мелинда позвонила доктору Мо Плоткину, чтобы тот приехал и спас ее. Доктор Плоткин был очень занят. Он посоветовал ей выпить снотворного. Мелинда выпила целую банку снотворного и уснула навсегда с телефонной трубкой в руках.

А ровно через две недели после ее похорон курьер из МСР-студии принес в «Стар Девелопмент» чек на сумму \$3,000,000. Никогда в своей жизни Гарри не видел такого чека. «Здесь какая-то ошибка!» — сначала подумалось ему. Но на чеке было написано четко: «Выплатить Стар Девелопмент»; и сумма прописью — «Три Миллиона 00/100 долларов». Потрясенный, Гарри побежал в кабинет Марти.

— А что, собственно, тебя удивляет? — спокойно спросил Марти.

— Три миллиона! Такие деньги! За что? Они нам не должны ни цента...

— Должны. Я им продал все наши права на часть прибыли от проката фильмов Мелинды Монтрей.

— За три миллиона?!. Колоссально! Мы за все годы с ней больше миллиона не заработали...

— Не веришь? Вот контракт...

Гарри просто впился в эту бумагу. Все правильно: «...за сумму \$3,000,000 агентство «Стар Девелопмент» отказывается от своих прав на прибыль с проката фильмов с участием Мелинды Монтрей, использования кадров из этих фильмов в рекламных целях, от продажи фотографий, открыток, плакатов, значков и другой продукции с изображением Мелинды Монтрей...».

— Ты — гений!.. — заорал Гарри и тут же заметил дату подписания контракта: «Ты подписал его еще полтора года назад?!. Ведь она тогда и гроша ломанного не стоила...»

— Ну, так теперь стоит? — то ли спросил, то ли подтвердил Марти. — И вот что... Ты, надеюсь, понимаешь, что этот контракт и деньги, полученные по нему, — целиком и полностью моя заслуга? И, я думаю, ты не возражаешь, — с нажимом произнес он, — если эти деньги мы разделим поровну...

Их синие глаза встретились, Щеки Гарри предательски, по-рыжему, запылали, и пробормотав «Да, да, конечно!», он вышел из комнаты.

Если кто-то считает, что лучшим местом для обдумывания конкретной проблемы является тихий кабинет или теплая постель, то он ошибается. Как раз там требуется особый настрой. В постели нужно в состоянии полудремы пустить все мысли по одному руслу, а в кабинете всегда обитает множество проблем, и, хотите вы того или нет, они напоминают о себе, общаются с вами. Лучшим местом для размышлений является то, где находится много людей, но вы никого не знаете и никому не нужны, и, если у вас нет желания общаться, вы немедленно уходите в себя. А люди вокруг подзаряжают вас энергией, особенно если они немножечко взволнованы, экзальтированы. Лучше всего думается в самолете.

Так бы и Стивену, если бы не серый двубортный костюм, при красном галстуке от Валентино, отсутствие кепки и 70 процентов оставленной у вашингтонского парикмахера былой прически. Стивен летел над Атлантикой, совершенно не понимая, зачем. В конце концов, Пельца можно было найти в США и спросить: «Что ты делал в Ливерпуле во время убийства Вейна, кем тебе доводился убитый, откуда у тебя просьба семьи о выдаче тела убитого, когда семья и сейчас не знает, что с ним, и, наконец, куда ты это тело девал?». Никакой такой уж сложности — просканировать несколько десятков Пельцев, найти именно этого и прижать. Но Джим настоял на поездке. Или это у него чутье, или... хочет таким образом поставить жирную точку в этом деле. Вполне, кстати, естественную. Ничего цельного не раскапывается — только подозрительные детальки. Слишком их много? Ну так что? Кого тут удивить, что ничего чистого в этой жизни нет. А детальки, глядишь, паруются, друг друга поясняют, и уже надо забыть о крутых версиях — получается естественная бытовуха, как у Фрэнка Марлоу, прикрывшего ресторанного братца. Джим прав: наше дело — говно разгрести, а нам с подачи паршивца Кэрригана захотелось романтики. Надо же, какая машина раскручивается — Верховный суд, ФБР, полиция... А обороты холостые. Немедленно нужен Артур Патти — и дело с концом.

В аэропорту Стивена встретил тот самый Пол Майлс, что вел дело об убийстве Вейна. Уже лейтенант, лет пятидесяти, грузный с красным лицом и, видимо, окаменевшими за годы неприкосновенности черными угрями на висках. Он еле влез в зеленую спичечную коробку своего автомобиля, и Стивену пришлось совершить тот же акробатический этюд.

— Странные вы ребята, — сразу пошел Майлс в атаку. — Ну, убили здесь 20 лет назад какого-то панка. Так их каждый день пачками убивают. Чего вспомнили? Чтобы лейтенанта Майлса на жопу посадить? А вот не было на месте убийства никаких следов, и свидетелей не было... Вчера специально снова все дело просмотрел... И не ссорился он здесь ни с кем, ни с кем не общался, кроме дружка своего, который его хоронить повез.

— К вам нет никаких претензий, — заговорил Стивен. — Мы просто проводим рутинную проверку дела Кевина Кэрригана, убившего Леклесса, а теперь подавшего на помилование. Руперт Вейн был его другом.

— Господи Иисусе! — воскликнул Майлс. — Мы и понятия не имели!..

— Мы тоже. Это только сейчас всплыло.

— Если бы мы знали, весь Ливерпуль работал бы с этим делом.

— Может и не надо было. Кто знает?... Скорее всего, убийство Вейна — совпадение. Но проверить мы должны.

— Мы, кстати, сейчас будем проезжать мимо места убийства. Хотите взглянуть?

— Отчего нет.

Пирс N8 был грузовым и представлял собой довольно грязную площадку, вокруг которой стояли только два крана. Они не работали, несмотря на будний день, да и у причала находился только один выдавший виды сухогруз. У ветхозаветных складов тоже никакой работы не замечалось: копошились несколько человек чисто для проформы. Стайка бездомных грелась у огня из разрезанной бочки.

— Глуховатое место, — констатировал Стивен. — Здесь и днем кого угодно прикончить можно, а уж ночью... И давно здесь такое запустение?

— Сколько себя помню. Здесь ничего не изменилось. Во время войны, я знаю, на этом пирсе принимали продовольствие из Канады, в пятидесятых-шестидесятых он был довольно загружен, а потом сник. Вон, видите склад? Там зимой вот эти ребята обитают, — Майлс указал на бездомных. — Все уже к этому привыкли... Нет, они тут ни при чем, — поймал Майлс взгляд Стивена. — Я, правда, тогда прошерстил их всех, хотя никакой логики в этом не было. Его даже не ограбили, не избили... И вообще, судя по ранам, с ним разобрался кто-то опытный, ударил точно в сердце и для контроля артерию перерезал... Он наркобизнесом не занимался?

— Кажется, нет.

— А нам показалось, что да. Здесь случаются разборки драг-дилеров. Именно здесь, на Восьмом пирсе.

— Если вам так показалось, так что ж вы не копали глубже? Друга его могли пошерстить...

— У того было абсолютное алиби. И не помню уже почему, но было ясно, что к наркоторговле он никакого отношения не имеет... Не помню... Ладно, приедем в архив — посмотрим.

Архив полицейского управления Ливерпуля размещался в большом старинном доме, еще из тесаного камня, со створчатыми окнами и коваными решетками на них. «Видимо, здесь хранятся дела еще со времен Кромвеля», — подумал Стивен. Но изнутри все выглядело вполне по-современному: в большом читальном зале ослепительный неоновый свет, компьютеры, копировальные машины. И хотя на входе полицейский, помахав старому знакомому Майлсу, проверил документы Стивена, все здесь смотрелось, как в Нью-Йоркской библиотеке. Да и народец подобрался интеллигентный, с виду — адвокатура, студенты, журналисты.

— Просмотрите сначала фотокопии, — предложил Пол Майлс. — Понадобятся оригиналы — вытащим.

И они прошли к свободному терминалу.

Пол набрал на клавиатуре свое имя, пароль и номер дела, и на экране возникло лицо Руперта Вейна с шевелюрой длинных прямых волос. Лицо, надо сказать, приметное: невысокий лоб, чуть вздернутый нос, запавшие небольшие глаза, немного прижатые уши, широкий рот, уголки которого, однако, опущены, выпирающий вперед худой подбородок.

Когда-то, в колледже Стивен отказался от углубленного курса физиономистики — он был факультативным, да и Стивен не очень-то верил во всяких Ломброзо и Гомбергов, согласно которым его ушасто-бровастый габитус — лучший пример врожденной криминальности. К тому же Стивена раздражало, что часть курса составляют исследования

нацистских антропологов. Но из тех знаний, которые он все-таки получил, да и из собственного опыта Стивен видел, что Вейн был человеком общительным, однако склонным к депрессиям, слабовольным и одновременно упрямым, и... не особенно умным.

«Руперт Вейн, — прочел он дальше описание убитого, — Рост: 5'6»; Вес: 140 фунтов; Цвет волос: светлый шатен; Цвет глаз: зеленый...» «Заморыш, — подумал Стивен. — Не мог такой ни придумать убийство Леклесса, ни спланировать. Но таких можно убедить и такие умеют убеждать. Если идти по версии Кэрригана, он был передаточным звеном... Но хватит, черт побери, версий, разберемся-ка в конкретных вещах...»

Ровно полтора часа потребовалось Стивену, чтобы пролистать акты экспертизы, протоколы допросов метрдотеля и горничной отеля «Темза» («жалкого гадюшника»- как назвал его по ходу дела Майлс), завсегдатаев клуба «Спайдерс», беспризорных с 8-го пирса. В перечне вещей убитого не было ни фотографий, ни каких бы то ни было письменных свидетельств. Привлекло внимание только то, что денег у Вейна было 16 с мелочью долларов и ровно 20 фунтов... «Может кредитные карты?...» — вслух подумал Стивен, и Майлс посмотрел на него, как на идиота.

— Ладно, — поняв Майлса, сказал Стивен, — но ведь ему нужно было еще жить здесь или убираться назад в Штаты. С такими-то деньгами...

— Да-да, я тоже на этом споткнулся, но очень скоро выяснилось, что эту поездку оплачивал его друг. Чуть дальше протокол его допроса.

Стивен уже заметил это в «меню», но не торопился открывать «файл» — как-то не хотелось сразу разочаровываться, и он искал хоть какие-то зацепки в прочтенном до сих пор. Ничего, однако, не зацепило — сплошная рутина, столь ненавистная каждому следователю, когда знаешь, что никакой пользы для расследования это не принесет. Но только так отсекаются сомнения в недобросовестной работе, попытки пустить дело по фальшивому руслу, да и вообще вся эта мишура обязательна.

Поколебавшись еще несколько секунд, Стивен кликнул «мышкой» на «Стенограмма допроса Майкла Пельца» и начал читать после слов «...И да поможет мне Бог».

...С-нт Пол Майлс: «Мистер Пельц, вы — гражданин США, не так ли?»

М-р Майкл Пельц: «Совершенно верно».

П.М.: «И где вы проживаете в США?»

М.П.: «В Нью-Йорке».

П.М.: «Подробнее, пожалуйста».

М.П.: «116 Гранд-стрит, апартамент 5'с».

П.М.: «С какой целью вы приехали в Ливерпуль?»

М.П.: «В качестве туриста. Я всегда мечтал побывать на родине «Спайдерс», в их музее, надеялся встретиться с кем-нибудь их них».

П.М.: «Вы приехали в одиночку?»

М.П.: «Нет, со своей невестой и другом».

П.М.: «Можно поинтересоваться их именами».

М.П.: «Пожалуйста. Мою невесту зовут Грета Клунц, друга — Руперт Вейн».

П.М.: «Тоже немец?»

М.П.: «Это имеет какое-то значение?»

П.М.: «Нет. Это к слову. А где вы остановились?»

М.П.: «В доме друга моего отца».

П.М.: «Его имя, пожалуйста».

М.П.: «Сэр Эдвард Милштейн».

П.М.: «Ваш друг тоже там остановился?»

М.П.: «Нет, он живет в отеле «Гемза».

П.М.: «Почему не с вами?»

М.П.: «Не представляю, зачем вам это. И зачем весь этот допрос? Я отвечу, если вам так хочется. Руперт Вейн живет в отеле, потому что сэр Эдвард пригласил только меня с невестой. Руперта же пригласил я, поэтому и позаботился о поселении его в отеле».

П.М.: «С какой целью пригласили?»

М.П.: «С той же, что и я приехал. Руперт тоже фанат «Спайдерс». Послушайте, сержант что вы все крутите? Давайте начистоту. Руперта поймали за покупкой ЛСД?»

П.М.: «Почему вы так решили?»

М.П.: «А иначе какого черта вы меня сюда притащили?»

П.М.: «То есть вы знали, что мистер Вейн собирался покупать ЛСД?»

М.П.: «Ну, предполагал... Скорее всего на это он у меня двадцать фунтов взял».

П.М.: «Когда взял?»

М.П.: «Позавчера... Так вы его арестовали?»

П.М.: «А где вы были позавчера вечером?»

М.П.: «В Лондоне, на приеме в Виндзорском дворце».

П.М.: «Вы были туда приглашены?...»

М.П.: «Да. Вместе с сэром Эдвардом».

П.М.: «А вернулись вы когда?»

М.П.: «Сегодня, как видите».

П.М.: «То есть в Лондоне вы ночевали двое суток. Где, если не секрет?»

М.П.: «В Тауэр-отеле. Так, может быть, хватит? Вы арестовали Вейна? Вы убедились что я наркотой не торгую? Теперь скажите: ему что-то грозит по вашим законам?»

П.М.: «Ему уже ничего не грозит. Руперт Вейн убит позавчера ночью».

М.П.: «Господи. Что вы такое говорите? То есть как убит? Кем убит? За что?»

П.М.: «Убит, очевидно, ножом. Два колющих ранения в грудь и шею. Вот снимки. А кем и за что — мы пытаемся выяснить».

М.П.: «Господи Боже мой. Кто-то убивает совершенно неповинного человека. Он ведь не нападал ни на кого? Нет? Тогда за что его убили? Может грабители? Не знали, что у него за душой ни цента?».

П.М.: «Непохоже, что грабители. Деньги, о которых вы упомянули, так и остались в его кармане. В общем, так. Спасибо, что ответили на наши вопросы, и извините нас за беспокойство. И еще просьба: опознать труп, пока распечатают стенограмму. Вам ее нужно будет подписать».

Беспристрастная стенографистка, явно не задавалась целью передать интонации этой беседы, но Стивен и так представлял. Прочтя стенограмму, он почувствовал полную опустошенность. Стало ясно, что ничегошеньки он, так же, как и англичане, из этого дело не выудит, и его вояж провалился. Впрочем, оставалась одна зацепка...

— Кто этот сэр Эдвард Милштейн? — спросил он у Пола. — Нельзя ли его допросить?

Пол удивленно посмотрел на Стивена и расхохотался.

— Что такого смешного я сказал? — рассердился Стивен. — Он что умер?

— Нет, — ответил, отсмеявшись, Пол, — но считай, что живет в другом измерении.

— ?

— Эдвард Милштейн был менеджером и продюсером группы «Спайдерс», за что и получил рыцарское звание. А допросить ты можешь разве что седьмого его адвоката, — сказал Пол, и Стивен понял, что так оно и есть.

— Ну, тогда моя миссия окончена, — признал Стивен. — Мне осталось только взять у вас копию этой стенограммы и подлинники письма родственников о выдаче тела Вейна Пельцу и расписки самого Пельца, — и видя, как насторожился Майлс, добавил: — Спокойно. Мы этот храм не разграбим. Подлинники нужны для экспертизы, потом вернем. Вот просьба ФБР.

Составили протокол передачи документов, получили по факсу разрешение начальника ливерпульской полиции. И Пол в своем спичечном коробке повез Стивена в отель «Европа», где тот должен был переночевать, прежде чем улететь восвояси. «Шикарный отель, — подумал Стивен, когда их таратайка протиснулась среди «роллс-ройсов». — Ну так мы из ФБР...».

Уже прощаясь, Стивен спросил у Пола: «Слушай, а ты случайно не помнишь, как выглядел этот Пельц? У нас ни одного его изображения нет».

— Почему не помню? Помню. Среднего роста, рыжий, голубоглазый, типично еврейская внешность. Вроде твоей...

Для длинного, черноволосого, черноглазого Стивена это стало откровением.

Войдя в сверкающее фойе, Стивен направился к стойке регистрации. Там стояла красивая миниатюрная брюнетка в просторной норковой шубке, делавшей ее еще миниатюрнее, а с нею юноша... Глядя на него из-под пикирующих бровей, Стивен повторил про себя только что сказанное Полом: «среднего роста, рыжий, голубоглазый, типичная еврейская внешность...»

— Мистер Пельц, — обратился к юноше метрдотель, — вам просили это передать от сэра Эдварда. — И протянул ему конверт с вензелем.

«Я уже брежу?» — спросил себя Стивен. Затем пропел зачем-то вспомнившуюся из российского детства песенку: «Рыжий-пыжий-конопатый убил дедушку лопатой...». Потом в голову пришли слова Джима, что должна возникнуть критическая масса, когда может пойти цепная реакция, и нужно находиться рядом, чтобы подтолкнуть. Тут он заметил, что юноша с девушкой выходят из отеля к ожидающей их машине.

— Мистер Пельц! — бросился Стивен к ним. — Майкл Пельц?

Юноша обернулся, приятно улыбнувшись.

— Я — Пельц, но не Майкл, — сказал он. — Я — Джозеф. А вы знаете моего отца? Все говорят, что мы очень похожи...

— Я с ним знаком и незнаком, — медленно проговорил Стивен и, понимая, что юная пара сейчас вежливо распрощается и уйдет, выпалил: — Видите ли, я — следователь от ФБР Стивен Киршон. Мы сейчас по поручению Верховного суда США проводим дознание в связи с прошением убийцы Дэна Леклесса о досрочном освобождении. Этот убийца, Кевин Кэрриган, был знаком с неким Вейном, они оба состояли в нью-йоркском фан-клубе «Спайдерс». Так вот: Вейна почему-то убили здесь, в Ливерпуле...

— А при чем здесь мой отец? — недоуменно спросил Джозеф.

— Ах, да! К убийству, конечно же, не при чем! Но он был в это время в Ливерпуле и лично перевез тело Вейна в США для захоронения. И за свой счет...

— Ай да папа! — воскликнул юноша. — Ну правильно: он ведь тоже фанат «Спайдерс», он во имя этого и сейчас что угодно готов сделать. Интересная история, мистер...

— Киршон...

— Замечательная история... А знаете что? Мы завтра вечером приглашены к сэру Эдварду Милштейну... Знаете, кто это?... — Стивен кивнул. — Пойдемте с нами? Ему это будет очень интересно. А к тому же дознание в связи с возможным помилованием... Он сейчас все, что связано со «Спайдерс», собирает по крупицам. Пойдемте обязательно!..

— Не знаю, удобно ли? — картинно замялся Стивен. — Это же — не Америка, а традиционная Англия. К тому же сэр Эдвард Милштейн...

— Да что вы! Даже очень удобно! Ну, хотите, я ему позвоню, чтобы он вас официально пригласил? Вы ведь остановились в нашем отеле, не так ли?...

Молодые уехали, а Стивен скоренько побежал к себе в номер, чтобы успеть застать на работе Майлса.

— Хорошо, что ты позвонил! — обрадовался Пол. — Я, наверное, из ревности проявил себя негостеприимным хозяином, даже рюмку виски не предложил. Давай я за тобой заеду, посидим где-нибудь в баре?

— Буду рад. Но у меня к тебе просьба: не одолжишь ли смокинг на завтра? А то понимаешь, приглашают к сэру Эдварду...

Пол рассмеялся: «Мой смокинг?! Представляю тебя в нем... Ладно, по дороге заеду к зятю — он вроде бы одной с тобой комплекции».

Еще один звонок Стивен сделал Джиму Маккензи. Тот только пришел на работу и был в хорошем настроении.

— Да можешь не торопиться, — сказал он Стивену. — Погуляй по Ливерпулю, зайти в музей, если тебе это интересно. Чем ты хуже Вейна?

— Я пока даже лучше, — пошутил Стивен.

— ОК. Жду тебя послезавтра.

Стивен и не сомневался, что приглашение от сэра Эдварда он получит — тому просто некуда было деваться. Так оно и случилось поутру.

А весь этот день Стивен, действительно, гулял по городу. И это ему нравилось, несмотря на слякоть и промозглый ветерок. Что-то здесь напоминало ему город его детства Ленинград — Петербург, как теперь называли. Стивен не мог понять — что. Совсем другие, хотя такие же старые, даже постарше, дома, отнюдь не прямые улицы. Вроде бы погода схожая, а краски другие. Ленинград, совсем без реклам в его советские еще годы, был (или это детское восприятие?) по-столичному наряднее английского провинциального Ливерпуля. Но Стивен видел нечто неуловимо общее.

Наверное, то, думалось ему, что оба города одинаково смотрят в холодное, бесстрастное море и оба одинаково загружены работой. Причем — не офисной, чаще — тяжелой, фабрично-заводской. Люди в таких городах, обычно, не суетливы, не толкаются, не столь стремятся обойти друг друга на поворотах, перехватить чужое. Отношения здесь ровнее, прямее, честнее.

Но в какие-то периоды горожане вдруг видят, что их незаслуженно обделили, что впереди оказываются люди, социумы, города, отнюдь не превосходящие их ни мастерством, ни талантом, ни добросовестностью. И тогда у них есть море — чтобы уйти из повседневности и заработать побольше на свои удовольствия. У них есть море — чтобы обдумать, как уйти из повседневности и поднять паруса своего таланта и мастерства. У них

есть море — чтобы уйти из повседневности и научиться у него бунтовать и смывать с суши залежалый, черствый песок. В таких городах, думал Стивен, чаще всего и появляются великие путешественники и пираты, поэты и музыканты, бизнесмены, в таких чаще всего и зарождаются революции — культурные, социальные, технологические.

Он намеревался зайти в музей «Спайдерс», но передумал в последний момент. Следствию это не помогло бы, а «Паукам» он предпочитал нигде, кроме России, не нужную питерскую группу, чье название — ДДТ — могло разве что напомнить миру о давно запрещенном ООН химическом соединении — инсектициде, между прочим.

Но в музей он все-таки попал, когда вместе с Джозефом Пельцем и его подружкой Дорис приехал в дом сэра Эдварда. Сразу в холле его встретили огромные портреты великой четверки, еще совсем молодых. Под портретами — их первые гитары. Один портрет — в траурной раме. Очень тихо звучала их музыка, и вдоль лестницы, по которой они поднимались, также висело бесчисленное множество фотографий былых подопечных хозяина дома.

Сам он встретил гостей исключительно радушно. Не успел дворецкий объявить их имена, как с удивительной для 75-80-летнего старика проворностью сэр Эдвард подбежал к ним, обнял Джозефа, объявив его копией деда, с которым он познакомился здесь, в Ливерпуле, перед высадкой в Нормандии. Дорис он сообщил, что, по-видимому, у всех Пельцев отменный вкус, а Стивену напыщенно сказал нечто вроде того, что рад засвидетельствовать свое почтение американской Фемиде, продолжающей столь скрупулезно исследовать дело об убийстве столь дорогого ему Дэна. Был он лыс и коренаст, и необычно для белых обитателей британских островов смугл, на лице ярко горели черные глаза, умевшие, как понял Стивен, включать и диафрагму, и глубину резкости. «Ну, мы еще поговорим», — бросил сэр Эдвард и устремился встречать новых гостей.

В зале уже было человек тридцать. Они кучковались у экспонатов из жизни хозяина в шоу-бизнесе, их обносили напитками и легкими закусками.

— Кажется, нас пригласили вместе пообедать... — сказал Стивен Джозефу.

— О да, я уже знаю, — улыбнулся Джозеф, — у сэра Эдварда всегда по пятницам большой обед. В основном — с людьми из шоу-бизнеса. Вот видите брюнетку в розовом платье? Это — Мина Сорди, она победила в этом году на фестивале в Венеции. А рядом с ней Берт Блэкпул — крутой джазист, трубач. Мы их в Америке и не слышим, но они есть, и они — мировой уровень.

— А как, извините, вы о них знаете? Вы тоже работаете в шоу-бизнесе?

— Пока нет. Но буду. Мой дедушка — известный продюсер, и прапрадедушка... Вы, наверное, знаете — «Стар Девелопмент», это их компания.

— Я слышал это имя. Но, честно говоря, я очень далек от этого мира. Вы, как говорится, все это впитывали с молоком матери, а я в эти годы познавал совсем другие истины в совсем другой стране.

— Да, есть легкий акцент. Откуда вы?

— Из России. Вот тамошних интертейнеров вы, наверняка, не знаете.

— Ну, почему же... Ростропович, Спиваков, Эйфман...

— Э, это классика. С ней все понятно. А вот джаз, поп, рок?...

— Надо подумать... — сказал Джозеф и неожиданно произнес: «Пугачева, ДДТ...».

«Ай да мальчик!» — поразился в душе Стивен и даже умилился.

— ...Они — великие мастера, — продолжил Джозеф.

— Но вряд ли многие еще в Америке кроме вас, об этом знают, — оправился от удивления Стивен.

— Потому-то я сюда и приехал! — с жаром заговорил Джозеф. — Британия — понятно, тоже англоязычная страна, но на ее сцене находят место и французы, и итальянцы, и голландцы, и русские. У них огромный опыт их продюсирования. И еще у них колоссальный опыт завоевания Америки. Сколько групп, театров, актеров смогли они представить в США! И как представить! А сейчас, вы знаете, глобализируется не только экономика. Искусство — тоже. И мне бы хотелось в этом участвовать...

Всех пригласили в соседний зал к столу. И стол этот у рыцаря Эдварда Милштейна, к немалому увеселению Стивена, оказался... круглым. Когда все расселись, хозяин церемонно представил всех обществу, сказав, что многие здесь знают друг друга, а многие — и нет. Уж этого Стивен никак не ожидал, а когда было названо его имя и сказано, что он представляет американское ФБР, даже покраснел. Это внесло некоторое оживление. Все моментально заинтересовались, почему в их компании оказался агент ФБР. Пришлось солгать, что приехал в Ливерпуль в отпуск, потому как давний поклонник «Спайдерс». Интерес к нему, естественно, быстро погас.

Но когда обед закончился и все опять разобрались по группкам, к Стивену подошел сэр Эдвард.

— Джозеф сказал, что вы здесь расследуете обстоятельства убийства некоего парня, фана «Спайдерс», и у вас есть какие-то вопросы ко мне...

— Только в плане того, что парень этот был приятелем отца Джозефа, а тот проживал в это время в вашем доме.

— Да, я помню эту историю. Мы с Майклом вернулись из Лондона, где находились два дня, и в тот же вечер Майкл, придя домой, сообщил, что был на допросе в полиции по поводу убийства своего приятеля. Я тогда еще посетовал, что он не воспользовался моим адвокатом... Но, кажется, тогда все просто разрешилось, не так ли? Какие же у вас теперь вопросы?

— Если помните, Майкл увез в США тело убитого...

— Да-да, мой работник еще помогал ему с отправкой...

— А вы не помните: доверенность родственников о передаче ему тела он получил по почте или кто-то специально с ней приехал?

— Какое это могло для меня иметь значение. Понятия не имею. Спросите у Майкла, он-то помнит... У вас есть еще вопросы?

— Разве что один. Почему Майкл, приехав с другом, поселился у вас, а друг — в гостинице?

— Потому что я приглашал только Майкла с невестой, но отнюдь не неизвестного мне его приятеля, — с вызовом ответил сэр Эдвард, давая понять, что Стивен тоже — случайный гость. — И у меня к вам вопрос. Отчего это расследование через 20 лет?

— Это чистая формальность, — ответил Стивен. — Дело в том, что Кэрриган, убийца Леклесса, использовал свое право попросить помилование и указал в качестве смягчающего вину обстоятельства, что его к убийству подтолкнул тот самый парень, побывавший здесь с Майклом Пельцем. Вероятно — придумал. Но нужно расследовать, прежде чем это попало в прессу. Дело-то громкое.

— Ну, дай Бог. Надеюсь, этот ублюдок сдохнет все-таки в тюрьме.

У Стивена были проблемы с самолетом. Но в субботу вечером, через Шеннон, он все-таки прилетел в Вашингтон. Позвонил Маккензи на сотовый.

— А, привет! — обрадовался Джим. — С приездом! Что-нибудь новенькое?

— Да есть кое-что. Давай встретимся, я все расскажу.

— Стоп! Что значит встретимся? Сегодня суббота. У меня, что, семьи нет, детей? Или ты думаешь, на этом тухлом деле жизнь закончилась? Встретимся в понедельник, в 9 а. м... Пстой, что я говорю? Во вторник...

— Почему во вторник?

— А ты не знаешь? Ну тебе-то я сообщу на всякий случай: в понедельник — Рождество... Отдыхай.

«Рождество — так Рождество», — решил Стивен и отправился «Амтраком» в Нью-Йорк. Дома его встретили жена Инна, дочь Сандра и пес Бахус. Сразу все повисли на нем, а пес еще умудрялся отталкивать мокрым носом соперников.

Так получилось, что жену и собаку Стивен обрел одновременно. Вызвал его однажды Фрэнк Марлоу и, боднув ежиком воздух, сообщил, что мэрия состоит из идиотов, а потому, вместо того, чтобы ловить преступников, Стивену придется на три дня стать учителем в школе.

«Очень даже нам повезло, что ты — русский, — сказал Фрэнк. — Пойдешь в школу, которая на четверть состоит из твоих соотечественников, и будешь им внушать по-свойски, как нехорошо встречаться с драг-дилерами и курить травку».

Школа называлась Стайверсон, учились там собранные со всего Нью-Йорка записные отличники. А то, что среди них так много было детей иммигрантов из России, объяснялось, скорее всего, тем, что, во-первых, детям этим довелось поучиться там, где программа обгоняет американскую, минимум, на два года, а, во-вторых, в семьях русских евреев всегда был культ учебы — как условие самосохранения и самоутверждения среди тамошнего антисемитизма. Глупо было этим детишкам, проводящим по 10 часов за учебниками, чего-то такое внушать о вреде наркотиков, но воля ушедшего в небытие мэра Динкинса распространялась на всех, и Киршона бросили на ее исполнение.

Там, в 11 классе и встретил Стивен свою сероглазую девочку в золоченных очках, мягко и застенчиво улыбающуюся полными влажными губами, с густой копной черных вьющихся волос. Совсем уже взрослую — с высокой грудью, с круглой, туго обтянутой джинсами попкой. Подняв девушку на уроке, Стивен спросил, как она будет реагировать, если к ней подойдет драг-дилер. На что она ответила: драг-дилер не может к ней подойти, мала вероятность. «Действительно, — подумал Стивен, — тому достаточно посмотреть на нее, чтобы не возникать». А после уроков он сам к ней подошел с вопросом, как она будет реагировать, если к ней подойдет переодетый полицейский. «Вы хотите спросить: узнала бы я в вас полицейского? Ни за что не узнала бы. Я бы подумала, что вы — драг-дилер, и ушла бы от вас подальше», — рассмеялась девушка, повторив его идиотские рекомендации.

— Что же теперь не уходите?

— Теперь-то я знаю, что вы — полицейский.

— И вас это не смущает?

— Нет, конечно, — продолжала смеяться девушка. — Парень вы — симпатичный и от драг-дилера можете защитить.

Так они и познакомились. И стали встречаться. Родители Инны Стивена ненавидели. Для них, еще не состоявшихся американцев и вэлферщиков, она была единственной надеждой на светлое будущее. Они спали и видели ее в Гарварде или Принстоне, а потом удачливым врачом или адвокатом. А вот для нее Стивен был единственной надеждой выбраться, наконец, из окружавшей ее беспросветной нищеты, из нескончаемой семейной депрессии. Может быть, она еще не любила его, но хотела выйти за него замуж как можно быстрее, и была рада, что первым университетом, согласившимся ее принять с полной стипендией, был Колумбийский. Это означало, что не уедет она от Стивена.

А для Стивена сразу не стало никого дороже Инны. Не так много лишнего времени на его работе, но каждый свободный час он стремился провести со своей сероглазой школьницей. Иной раз, улучив полчаса, он подъезжал к ее школе к концу занятий и следил, как она добирается до станции метро, любовался ее походкой, радовался, если она шла,

улыбаясь. На выходные дни он придумывал экзотические экскурсии и, приезжая за Инной поутру, мрачно сдвигал брови и говорил зауспокойным голосом: «А сегодня, девушка, вам предстоит увидеть нечто страшное — имения Лонг-Айленда».

— А что там такого страшного?

— Страшно то, что нам никогда не стать владельцами какого-нибудь из них.

Конечно, Инна любила своего «копа» — такого доброго, такого сильного, чуток нескладного, чуток лопоухого и сильно бровастого.

А все решилось, когда Стивен подарил Инне на день рождения щенка-лабрадора. Сидели они в кафе в Гринич-Вилледже, и Стивен вытащил из сумки некое крошечное существо и поставил на стол. Растерявшийся щенок, зажмурил глаза и, поковыляв по столу, опрокинул бокал с вином. Потом принялся и стал вино лкать.

— Ну, это наш человек — любит выпить! — восхитился Стивен. — Назови его Бахусом.

Страшно обрадовшись поначалу щенку, Инна погрузнела: «А куда его девать-то?... Родители... Ты понимаешь...» И тогда Стивен протянул ей на своей большой ладони коробочку с бриллиантовым кольцом.

Через год у них родилась Сандра, которую уже взрослый пес принял вполне покровительственно и добровольно взял на себя обязанность развлекать ее, пока папа ловил бандитов, а мама грызла гранит юриспруденции.

А нынче Сандра уже хочет в школу, Инна работает в «Морган-Стэнли», а Бахус стал совсем солидным и мудрым, способным на бурную радость, только когда вся семья в сборе. Вот, как в этот день христианского праздника.

...И все было хорошо, пока Стивен в понедельник вечером не включил программу новостей на 1-м канале и не увидел лежащий в овраге искореженный автомобиль, и не услышал следующее:

«Авария со смертельным исходом случилась три часа назад на Соу Милл-парквее. Двигавшаяся на высокой скорости машина марки «ягуар» внезапно затормозила. Как оказалось — на неизвестно как возникшей линзе льда, протяженностью всего пятьдесят ярдов. Однако их оказалось достаточно, чтобы автомобиль сильно занесло, перевернуло, и он, разбив бортник ограждения и пролетев в воздухе еще пятнадцать ярдов, упал на крышу. Водитель, им оказался 45-летний Майкл Пельц, погиб. Майкл Пельц — исполнительный директор всемирно известного артистического агентства «Стар девелопмент», основанного в 1924 году его прадедом Джозефом Марчиком. Происшествие расследуется дорожной полицией графства Вестчестер».

Стивен пулей выскочил из дома, а через минуту он, уже с мигалкой, мчался по Вестсайд-хайвею.

Прибыв в Управление полиции, он, предъявив удостоверение инспектора, потребовал протоколы аварии. «Лейтенант, — сказали ему, — иди разбирайся у себя в городе». Тогда Стивен показал временное удостоверение ФБР...

Протоколов было два. В первом, составленном дорожным патрулем, сообщалось, что, исходя из произведенных замеров и показаний водителя машины, следовавшей сзади, машина «ягуар», номер S8D74, двигалась со скоростью примерно 60 миль в час. Машина резко затормозила на 15-м ярде ледяной линзы, и ее мгновенно занесло в сторону ограждения, разрушив которое, она, дважды перевернувшись в воздухе, упала на крышу. Сработала подушка безопасности. Дорожный патруль прибыл через семь минут после аварии по вызову из машины, шедшей следом. Водитель был мерв. Тело его доставали с помощью дисковой пилы. Водитель машины, следовавшей за «ягуаром», сообщил, что впереди «ягуара» шла машина марки «хонда-аккорд» серого цвета, номер свидетель не запомнил, и она, как показалось свидетелю, затормозила первой. Машина эта не остановилась.

Второй протокол только что пришел из патанатомии Маунт Сайнай госпиталя. Там сообщалась, что смерть наступила от кровоизлияния в мозг в результате сильного удара. Зафиксированы переломы основания черепа, позвоночника в районе четвертого позвонка.

Стивен громко выматерился по-русски. Потом спросил у дежурного: «Вам известно, откуда он ехал?»

— Конечно, у него тут имение, в восьми милях. Я туда ездил часа два назад, чтобы сообщить жене.

— Как ее зовут?

— Грета.

— Телефон знаете?

— Да, пожалуйста.

Стивен позвонил. Трубку подняла женщина.

— Здравствуйте, — произнес Стивен. — Я говорю с миссис Пельц?

— Нет, я здесь работаю. Меня зовут Вера, — ответила женщина с сильным русским

акцентом.

— Я — офицер ФБР Стивен Киршон. Скажите, миссис Пельц уже вернулась из госпиталя?

— Да.

— Спросите у нее: могу ли я подъехать по очень важному вопросу, связанному с гибелью мистера Пельца?

Через минуту Вера сообщила: «Миссис Пельц сказала, что не можете. Что никто не может».

Тогда Стивен перешел на русский: «Вера, это, действительно, очень важно. Если у вас есть свой телефон, позвоните мне по номеру... 1-917-864-1415. Обязательно. Я жду».

Дежурный с восторгом смотрел на ФБРовца, свободно говорящего по-русски, но Стивену было не до этого. Через пять минут пискнула его «моби́ла».

— Спасибо, Вера, — сказал Стивен. — Скажите, пожалуйста... Как я понимаю, это — загородный дом...

— Да, — отвечала Вера, — мы живем в Манхэттене, на Парк-авеню. Здесь — только летом.

— А как же сейчас тут оказались?

— Решили отдохнуть в праздники.

— Не понял... Пельц что, справлял Крисмас?

— Он — вместе с Гретой, она ведь христианка.

— Ага! А чего ж тогда он вдруг уехал? Он думал вообще-то уезжать?

— Нет. Мы только собрались за столом. Да и Рэйчел приехала... Это дочь их. А тут позвонили. Кто-то с работы. Он как ошпаренный вскочил. Говорит: «Мне срочно нужно в Нью-Йорк». Грета спрашивает: «Что случилось?» Он отвечает: «Я тебе потом все расскажу» И уехал.

— Ясно. Ну, спасибо вам, Вера. Как вам там у них? Все хорошо? Ну слава Богу... Да.. Уж не знаю, с праздником вас поздравлять?

— Нет. Я — православная атеистка.

«М-да!» — произнес Стивен, хлопнув сотовый. «Мерри Крисмас!» — бросил он на прощанье дежурному и выбежал, окунувшись во влажный холод зимнего Нью-Йорка.

«Что происходит на улице?» — удивился Гарри.

Лас-Вегас-бульвар, «стрип» — как его называют, шумел по-особенному. Доносились ликующие крики, взрывались петарды, все небо было расцвечено салютом. «Ах, да, Рождество... Значит — и Ханука... А где моя менора?... Да уж, никакого еврея из меня не получилось. Вот Рэйчел... Она всегда зажигала свечи и рассказывала Майку эту вечную историю про победу над греками и про масло, которое медленно горело. А он знал свое дело: тут же бежал ко мне и кричал 'Ханука гелт!'. Я тоже когда-то кричал... Ну, и сделало это нас евреями?... Странно, почему считается, что еврей всегда между деньгами и молитвами? Чушь все это! Сколько нашего брата не хотят знать ни то, ни это, они как бы вне этих полюсов... Куда проще: родился у мамы еврейки — похоронен на еврейском кладбище. Хотя, строго говоря, так и пишется в талмудах. И я, значит, пока полуеврей. Вот-вот дозрею. Зато Рэйчел...»

А с семьей у Гарри складывалось очень хорошо. Рэйчел его любила. Он ее тоже. Хотя долго не понимал, что это так. Но ему было радостно вернуться вечером домой, зная, что эта серьезная, умная девочка его ждет. И если не видать ему от нее каленой страсти, то и ладно, она все-равно желаннее, чем вся эта шобла голливудских красоток, лживых и сиюминутных... Кроме одной... Но и ей спасибо — она была высоко, а, задрав голову, Гарри всех остальных и не замечал.

Они с Рэйчел, кажется, и не успели привыкнуть друг к другу, как родился Майкл. Счастливая мама Гарри немедленно бросила свой дом и переехала к ним, «чтобы помочь девочке». И наладился в усадьбе разудалого Джо Марчика быт по-местечковому: три поколения, муж — добытчик, женщины — хранительницы очага. После рождения сына Рэйчел чуть ли не год не покидала усадьбу, на радость старой Этель, коротавшей с ней и ребенком остаток своего трудного века.

Но когда Майкл немного подрос, снова оказалось, что молодой женщине и бывать-то практически негде. Ведь обычно как происходит — либо муж примыкает к подругам жены с их мужьями, чадами и домочадцами, либо жена — к друзьям мужа. А у Гарри друзей не было. Те, кто из детства, — так и остались на востоке Голливуд-бульвара, те, кто из фронтовых окопов, — жили в разных концах США. У Гарри были деловые партнеры, с некоторыми из которых сложились более или менее сердечные отношения. Но вся артистическая среда была Рэйчел в тягость. И ей, конечно же, было одиноко.

Когда Майкл подрос, Рэйчел зачастила в гости в Нью-Йорк, к родным, к подругам по ешиве. Нет, она понимала, что вернуться в этот мир уже не сможет; ей просто хотелось живого общения, принадлежности к роду-племени. Гарри не возражал, пока однажды, вернувшись, Майкл не рассказал, что ходит теперь у бабушки с дедушкой только с шапочкой на голове... И произошел скандал.

Гарри знал, почему ополчился на эту невинную «шапочку». Сегодня — кипа, завтра — пейсы, послезавтра — цицес и лапсердак... Он видел этих людей, и были они ему бесконечно чужды, намеренно отгородившие себя от общечеловеческого. Им хочется святости? Но почему, пока они, молясь, дрочились в воздух, погибли три его старших брата, отстаивая право на жизнь всем, и им в том числе, почему он должен был барахтаться в крови

друзей и врагов, убивать, но не позволить фашистам истребить остальные шесть миллионов евреев?... Ах, это мирское? Суета сует? А они — стойкие, не поддающиеся соблазнам хранители традиций избранного народа?... Но Гарри считает традициями своего народа создавать голливуды и теории относительности, блюзовые рапсодии, признавать избранными всех, кого Бог наградил талантом, а не только длинным носом...

Тогда Гарри победил. Но это была горькая победа. Рэйчел замкнулась. Дни и недели проводила она за чтением книг, просмотром убогих телепередач, ухаживая за долго и мучительно умиравшей Этель. Разве что изредка она с Гарри посещала кинопремьеры и шоу, вроде вручения Оскара, позволяя одевать себя в открытые платья.

А когда мама умерла, обстановка в семье стала совсем тягостной. И Гарри, вспомнив совет Джо Марчика, вновь поехал с Рэйчел в Европу. Это был большой, длительный тур — Англия, Франция, Монако, Италия, Голландия, Греция, Германия. Они останавливались в лучших отелях, посещали музеи и театры, загорали на пляжах, играли в казино. Они завели множество знакомств, необязательных и приятных. Легко проводили время и легко расставались. Рэйчел, казалось, раскрепостилась, была и хотела быть такой же, как все.

Но Гарри понимал, что в Лос-Анджелесе все может вернуться назад, Рэйчел опять может создать себе индивидуальное гетто. И он ломал голову, как бы этого избежать.

Выход, когда они приехали домой, нашла сама Рэйчел. «Знаешь что, — сказала она супругу. — Пока мы путешествовали, я много думала, больше всего, извини, о себе. Я думала, почему не могу найти себе места, и поняла: место определяется занятиями. А мне нечем заняться. Если бы я была столь ненавистной тебе ортодоксальной еврейкой, я бы нарожала детей... А так мне по меньшей мере нужна специальность. В общем, я решила пойти учиться».

— Отличная идея! — порадовался Гарри. — И кем бы тебе хотелось стать?

— Еще не знаю. Но думаю, раз я начала разбираться в себе, неплохо было бы поучить психологию.

И началась в доме новая жизнь. Поутру Рэйчел хватала в охапку Майкла, и они вместе уезжали учиться — школу подобрали рядом с университетом. Вечером приезжали, очень довольные собой и всем происходящим. За обедом собирались всей семьей. Повар, мексиканец, доставшийся им в наследство от Джо, был счастлив тем, что его уже больше не гоняют за «некошерность», и готовил роскошные пряные блюда. Никогда Гарри так не стремился домой — быть с женой и сыном, слушать их рассказы, дурачиться, любить.

Рэйчел стала терпимее относиться к обществу. Она стала чаще ездить с Гарри на приемы, вечеринки. Будучи женщиной одновременно привлекательной и добродетельной, она пользовалась среди голливудских бонз исключительным уважением, примерно, как раритеты у владельцев больших библиотек. Гарри не помнил, чтобы хоть одно грубое слово было произнесено в ее присутствии. Жена подняла и его котировку.

Вместе они часто бывали и на вилле в Санта-Барбаре. Там Гарри предпочитал купаться, играть в карты, Майкл играл с детьми Стеллы, а Рэйчел развлекало все то же общество — Мэри, Стелла и доктор Плоткин, с которым у нее появилась еще одна общая тема — психология.

Это были самые счастливые пять лет в их жизни.

Но все это рухнуло... вместе со смертью Мелинды Монтрей.

В течении нескольких недель после того, как курьер МСР-студии принес этот сумасшедший чек, Гарри не находил себе места. Он был мрачен, нигде не хотел бывать, ни с

кем не хотел встречаться. Даже дома его настроение не менялось. Отобедав, он, вопреки обыкновению, даже не пытался завязать с женой и сыном какой-нибудь пустячный разговор, построить, к примеру, план на уикэнд, уговорить их пойти посмотреть новый фильм. Он забирался к себе в кабинет, наливал стакан виски и мог часами сидеть в кресле, уставившись в пространство или мельтешащий экран телевизора.

Рэйчел понимала, что что-то произошло. Порой она тоже заходила в кабинет, садилась в кресле напротив и ждала, что Гарри ей хоть что-нибудь скажет. Но он молчал. Молчал и в постели. И это стало невыносимым. Рэйчел взорвалась и накричала на Гарри, чтобы он наконец, перестал читать кадиш по всем родственникам.

— С чего это ты взяла, о похоронах?

— А с какой стати молодой мужчина сиднем сидел бы в кресле, забыв даже о жене и сыне. Ты можешь, в конце концов, сказать, что происходит?!

Он мог. И он должен был ей рассказать.

Рэйчел Мелинду не любила. Шикса эта была для нее непонятной, слишком свободной и... слишком красивой. Рэйчел ревновала Гарри к Мелинде, чувствуя все-таки, что ничего такого между ними нет. Тем не менее, встречаясь на людях, она инстинктивно стремилась избежать ее компании, в то время, как Мелинда, напротив, пыталась с ней подружиться. Рэйчел это замечала и как начинающий психолог понимала: это от отсутствия простых человеческих вещей — семьи, детей, мужа... Но как женщина она не хотела, чтобы ее видели рядом с раскованной, ослепительной и сложенной, как богиня, Мелиндой, это было опасно, грозило потерями...

Когда Гарри рассказал обо всем, что с Мелиндой случилось, Рэйчел была потрясена. Она даже плакала, приговаривая: «Несчастливая женщина!». Когда он окончил рассказывать, она произнесла: «Разве ты не мог ее спасти?...» — и оборвала вопрос. Истина — что они такое, эти люди, и на что они способны — словно вонзилась в нее. Книги, кино, газеты могут тысячи и тысячи раз описывать этих монстров, повествовать о том, как заливают они города алкоголем, заваливают наркотиками, вербуют проституток, вымогают, избивают и убивают. Но пока они не пришли в твою жизнь, ты так и не ощутишь по-настоящему весь ужас их присутствия и собственное бессилие и малодушие.

А еще Рэйчел поняла: это еще и те самые люди, что принимают ее на вилле в Санта-Барбаре, что элегантно кланяются на приемах и презентациях, водят дружбу с писателями и артистами, бизнесменами и конгрессменами, сенаторами и губернаторами... Дружбу?... И что далеко ходить, если партнер ее мужа...

— Избавься от него! — потребовала Рэйчел. — Немедленно!

В ответ Гарри только усмехнулся: «Не могу...»

— Значит ты тоже такой!

И это уже было правдой, хотя Гарри даже не упомянул о чеке на \$3,000,000...

И не стало счастливой семьи. Рэйчел вновь замкнулась. Супруги по-прежнему встречались за обедом, но былой радости это уже не приносило. Изредка они занимались скучным сексом, так, что потом старались не смотреть друг другу в глаза. «Комплекс жертв», — дала тому научное объяснение Рэйчел. Она, кстати, продолжала учиться и, в конце концов, получила степень магистра в психологии и психотерапии.

Пришла пора и Майклу учиться в старших классах. Он не мог похвастать успехами в математике, а потому среди школ, которые им порекомендовали, лучшая оказалась в тихой и благопристойной Санта-Ане. И это Пельцев вполне устраивало: полтора часа требовалось

чтобы доставить сына на уикэнд.

Но, кроме уикэндов, были еще и будни. И пять дней в неделю Рэйчел не знала, куда себя девать. Потому предложение доктора Плоткина поработать в его клинике пришлось как нельзя кстати. Работа ее отвлекла и увлекла, и очень скоро у Рэйчел оказалось множество пациентов, которым она, консультируясь с Мо Плоткиным, возвращала душевное спокойствие. Вот только себе и мужу Рэйчел ничем не могла помочь.

А нуждался ли Гарри в помощи?

Людям нужен психолог, когда их внутренний мир не может приспособиться к внешней среде, когда они не могут найти себя в заданной системе координат. Вот тогда и появляется «математик человеческих душ», специально тому обученный — анализу функций мятущихся индивидумов. Наука, правда, пока эмпирическая: сотни, а порой и тысячи натуральных ситуаций приходится рассмотреть, прежде чем выясняется, что нынче «X» и «Y» господина N сочетаются вот с таким «Z» и никаким иным. И счастлив гармонизированный господин N.

Если Гарри не знал своей «Z», то только до того, как не стало Мелинды. Вернее так: до того ему казалось, что по этой координате он может соскользнуть туда, куда ему заблагорассудится, отчего душа продолжала романтически страдать. Теперь романтика кончилась, и он понял, что нечто, называемое тремя степенями свободы, на самом деле — его место в системе, которую он себе выбрал.

Идея открыть офис в Вегасе принадлежала больше ему, чем Марти. Хотя они не раз обсуждали, что нынче посреднические услуги в шоу-бизнесе могут принести гораздо больший доход, нежели в кино. В шоу-бизнесе исчезают постоянные затраты на режиссеров и их помощников, операторов, проясчиков, монтажеров и прочей армии спецов, и можно забыть о стоимости огромного множества копий... Конечно, у шоу-бизнеса свои минусы, но доходы от него делятся между куда меньшим числом участников, и артистическое агентство становится среди них равноправным. Не то что в кино.

Несколько недель — вот и вся активная жизнь даже выдающегося фильма. Хорошее шоу может идти годами, и при этом его «звезды» одновременно светят и на радио, и на TV. И уж совсем большие дивиденды дает продвижение музыкантов и певцов: звукозапись, производство дисков. С появлением долгоиграющих гигантов это стало делом исключительно прибыльным.

Когда набирал скорость поезд рок-н-ролла, Гарри и Марти успели заскочить разве что в последний вагон. Несколько «пляжных» фильмов, в которые они внедрили парочку не ими открытых «звезд», — вот, пожалуй, и все, что удалось «Стардеву». Но зато пришло понимание технологии раскрутки талантов: участие в шоу — радио и TV — кино — сольные концерты и звукозапись. Этот путь виделся партнерам явно короче и доходнее, чем традиционный старт от звукозаписи никому не известных исполнителей. Оставалось создать площадку, питомник, где найденные их агентами таланты могли бы набираться опыта, оттачивать мастерство, прежде чем станет ясно, что в кого-то из них уже можно вложить большие деньги и запускать на высокую орбиту.

Лучшей площадки, чем Лас-Вегас, с его множеством казино, с сотнями тысяч жаждающих ежедневных развлечений туристов и придумать было трудно.

Очень давно в Древнем Риме родилась формула «Хлеба и зрелищ». Этих двух компонентов было достаточно, чтобы народ безропотно служил императору и патрициям; в Вегасе этой формулой поддерживается безропотное опустошение публикой собственных карманов. Кажется, нет больше в мире места, где было бы сосредоточено столь огромное

количество больших и малых концертных площадок, артистов всех известных человечеству жанров.

Марти сразу поддержал идею открыть офис в Вегасе еще и потому, что здесь, как нигде, структуры его отца гарантировали агентству беспроblemное существование и заинтересованное сотрудничество казино. А для Гарри новое дело было возможностью находиться подальше от Марти, к которому после истории с Мелиндой он стал испытывать неприязнь, схожую с той, какую испытывает проститутка к обесчестившему и развратившему ее сутенеру.

Гарри поселился в «Дезерт-отеле» и немедленно открыл в Вегасе артистическую школу. Однако со школой, оставшейся в Голливуде, общего у нее было очень мало. Актерское мастерство здесь было на втором плане, а на первый выдвинулись вокал, танец, цирковая подготовка. И сюда не принимали новичков. Еженедельно школа собирала запросы из казино на исполнителей разных жанров. Агенты «Стардева» отыскивали их по стране и по миру, они съезжались в школу, где проходили подготовку к конкретному шоу, так, чтобы войти в него, буквально, со второй репетиции. Параллельно в школе ставили оригинальные шоу и концерты различных групп, ансамблей, исполнителей. Они проходили обкатку в разных городах США, их представляли на радио и TV, внедряли в кино, записывали на диски, а затем их либо по солидному контракту возвращали в Вегас, либо они продолжали самостоятельную концертную жизнь под эгидой «Стардева» и с подотчетными «Стардеву» импрессарио.

Несколько лет понадобилось Гарри, чтобы заставить всю систему функционировать. Но пока он этого добивался, затраты покрывались из традиционной работы агентства на Голливуд. Этим управлял Марти. Но нельзя сказать, что он не участвовал и в лас-вегасском проекте. Напротив, день ото дня его вклад в это дело увеличивался.

Особенно это проявилось с появлением у агентства собственных шоу, ансамблей, исполнителей. Именно Марти обеспечивал им рост популярности, подъем рейтинга, спроса на них. Причем поставил это дело на научную основу.

Буквально через два месяца после открытия офиса в Лас-Вегасе Марти создал при штаб-квартире отдел маркетинга. Гарри не возражал, но ожидал, что работать там будут опытные продюсеры и голодная честолюбивая молодежь. Ничего подобного! Отдел был укомплектован, главным образом, людьми, казалось бы, совсем далекими от шоу-бизнеса — психологами и социологами, журналистами. В одиночку, вдвоем, а то и втроем они постоянно торчали в репетиционных залах с включенными магнитофонами, читали тексты, беседовали с режиссерами, артистами. Они ни о чем ни с кем не спорили, но время от времени в офис приходили анонимные циркуляры отдела с рекомендациями, как изменить тот или иной номер, песню, как переставить их в программе для достижения, как там часто говорилось, «лучшего разогрева публики». Их критической оценке подвергалось все, буквально — до цветов и фасонов сценических костюмов...

Все это вызывало недовольство постановщиков и артистов, выводило из себя и Гарри. «Почему я должен доверять твоим случайным людям? Они что, сделали в своей жизни хоть одно шоу? Что они в этом понимают? У меня лучшие постановщики, опытные, уже знающие, чем могут взять публику, артисты...» — выговаривал Гарри партнеру.

«О, кей, — согласился однажды Марти, — давай проведем опыт: выпустим на сцену парочку из твоих групп так, как хотят твои специалисты, а потом так, как рекомендуют мои дилетанты. По нескольку выступлений. Для чистоты эксперимента можно даже сделать,

чтобы одна группа сначала показалась в варианте, так сказать, профессиональном, а другая — наоборот».

Эксперимент проводили в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, и команда Марти с блеском победила. К изумлению профи, которые после этого стали внимательнее относиться к рекомендациям отдела, анализировать их и обсуждать с приезжающими маркетерами. И теперь, если что-то и раздражало Гарри, так только тот факт, что во главе отдела Марти поставил Пола Келли...

Еще Марти попросил Гарри оставить за голливудским офисом все вопросы публицити и рекламы. Возражений тут не могло быть: Лас-Вегас, естественно, не лучшее для этого место — от большой прессы далеко, редкие телетрасляции отсюда страдали убогостью и пропагандировали только игорный бизнес. А если речь шла об интертейнменте, то никому не было дела до создаваемых «Стардевом» разъездных шоу, концертных бригад и солистов, здесь в ходу были только козырные тузы, вроде Эдварда Прайса, Сатторио, Тома Джонса, выступавшие в городе постоянно или наездом.

Но вот странное дело: едва Гарри отдал PR на откуп Марти, как вся медиа буквально ополчилась на его артистов. Возникал скандал за скандалом, которые Гарри, при всех его связях, не удавалось замять. То поймали их юного рок-певца Кагарда с унцией кокаина, то милая блюз-певица Салли оказывалась активисткой «Черных Пантер», то сразу шестеро танцоров устроили показательную гомосексуальную оргию в знак протеста против притеснения меньшинств. Еще кто-то сломал камеру репортеру, кто-то попытался вытащить с собой на сцену пьяную проститутку... Происшествия нарастали, как лавина, освещались до мельчайших подробностей, смаковались, обсуждались в телешоу, в спичах комедиантов.

Конечно, Гарри быстро разобрался, что все это — дело рук отдела маркетинга. Кого-то уговаривали совершить нечто шокирующее, кого-то, как Кагарда, специально подставляли. Гарри причастность к этим скандалам в известной степени была неприятна. Раздражала необходимость деланно оправдываться во множествах интервью, грозить пальчиком, а то и выгонять, а потом принимать назад будто бы раскаявшихся злостных хулиганов. Но игра эта работала: зрительские залы после каждого такого инцидента переполнялись, имена артистов не сходили с уст. Столь быстрой популярности вряд ли можно было достигнуть, даже купив для артиста рекламу во всей периодике.

Однако как-то и Гарри не выдержал. В Сиэтле их рок-группа «Падающие капли» в середине выступления бросила в кучу свои гитары и подожгла, заявив, что на этом дерьме играть невозможно. Слушатели были повергнуты в шок, они стали требовать продолжения концерта. Тогда музыканты схватили горящие гитары и стали петь, отбивая ими ритм по сцене. Кончилось это загоревшимся занавесом, паникой, в которой основательно придавили шестерых; кончилось пожарными и полицией.

Докторские счета, штраф, а также счет за занавес составили больше 50 тысяч долларов. Разорительными стали иски подавленной шестерки — в общей сложности на 100 тысяч. Но иск по возмещению ущерба компании, изготовившей эти гитары, был просто чудовищным. Эта обитавшая в том же в злополучном Сиэтле компания потребовала за подрыв репутации... \$5,000,000.

Гарри вызвал Марти в Вегас и предъявил адвокатские уведомления.

— Ты этого добивался?! Ты со своими умниками решил разорить компанию с 40-летней историей?!

В ответ Марти весело рассмеялся:

— Перестань, Гарри! Все, что мы заплатим, это 50 тысяч медицине, копам и пожарным, ну еще пятьдесят — потерпевшим пацанам... И все. О пяти миллионах забудь. Вот, я тебе газетку привез почитать.

Статья в «Лос-Анджелес трибюн» называлась «Плачь, гитара!». И речь в ней шла о роковом невезении юной, необыкновенно талантливой группы «Падающие капли», у которой во время концерта, а он должен был, наконец-то, стать решающим в ее карьере, начали лопаться струны. Далее рассказывалось, как в страшном, неконтролируемом гневе несчастные музыканты стали сжигать свои гитары. И так до самого конца истории.

«И вот, — писала газета, — компания «Штраух и Мартинсон», которая, оказывается, изготовила эти гитары, предъявляет рок-группе, молодым, по-сути, нищим музыкантам иск на кошмарную сумму \$5,000,000... Спасибо, что сознались. Теперь мы хотя бы знаем, кто делал эти гитары. Ведь никто из музыкантов этого, естественно, не упомянул, да и гнев их, скорее, был направлен не против гитар, а против лопнувших струн, изготовленных компанией, имя которой уже мы, во избежание иска, упоминать не будем»...

Дальше следовали отзывы о концерте.

«Это было что-то сверхъестественное! Такая мощь! Мне казалось, что ребята сгорят на сцене вместе с гитарами!» — заявила одна воспитательница из детского садика.

«Пока они не стали жечь гитары, это был высочайший профессионализм. И в игре, и в вокале. Это — редкость среди таких молодых людей. Хотя многое из того, что представляла группа «Падающие капли», мне, скажем так, не по возрасту, — говорил известный музыкальный критик. — Но мне было противно смотреть, как они жгли инструменты. Рассердились? Но я бы им советовал почитать про Паганини. Однажды у великого маэстро одна за другой стали лопаться струны на скрипке, пока не осталась целой всего одна. На ней он доиграл сложнейшее произведение».

Наконец, один их пострадавших: «Мне сломали ребро. Наверное, я чувствую то же самое, что ребята из «Капель», когда у них звезданулись струны. И знаете, это — здорово! У меня теперь отметина о великом, историческом концерте.»

— Хочешь еще несколько газет?... Телевизор включи, — продолжил Марти. — Что я тебе сказал о пяти миллионах? Забыть? Нет, пять миллионов мы теперь заработаем на этих «Каплях»!

Через три недели в продажу поступил диск «Горящие гитары», который целый месяц расхватывался, словно хлеб в осажденном городе. А две песни из этого диска, среди них та, что пелась под стук горящих гитар, заняли первые строчки «Биллборда», оттеснив даже «Спайдерс».

Поутру во вторник Джим Маккензи сиял от полученных удовольствий. Чувствовалось, что с рождественской индейкой он расправился самостоятельно, утопив ее в целом ящике «Бадвайзера». Впрочем, у Стивена еще теплилась надежда, что хотя бы в праздник Джим предпочитает этому бездарному пойлу «Сэмюэл Адамс» или «Хейникен».

Прищурившись от улыбки, Джим выложил на стол несколько пожелтевших бумажек и торжественно произнес: «Нам подарочки от Санта-Клауса. Скажи после этого, что наши банки, что почта наша плохо работают. Все сохранили, как в музее! Ну-ка, глянь! Не кажется ли тебе, что одна и та же птичка здесь своими коготками нацарапала?»

— Наверное, та же, что и на этом документе, — спокойно сказал Стивен и вытащил расписку в получении тела Вейна.

— Святое говно! — восторгнулся, просмотрев расписку, Джим. — Так, значит, наш Артур есть не кто иной, как мистер Майкл Пельц. Кто это такой — ты, конечно, уже знаешь... Нам остается только наехать, как следует, на Пельца — и дело, считай, закрыто.

— Он сам наехал... Вчера, — сообщил Стивен и положил перед Джимом «Дейли Ньюс». — И дело, похоже, действительно, закрывается.

— Святое говно! — пробормотал теперь Джим, читая заметку про аварию. — Ты, надеюсь, уже все выяснил...

Стивен рассказал, что ему удалось.

— Ну, ты — молодец, — внимательно все выслушав, одобрил Джим. — В Рождественскую ночь... Хотя тебе это, вроде, по барабану... Ну и что ты думаешь?

— Думаю, его убрали.

— Как?!

— Представь себе: ты едешь по хайвею, впереди тебя машина. Она вдруг резко затормозила. Что ты сделаешь?

— Тоже резко заторможу.

— Правильно. Автоматически. Но машина, что была перед тобой, затормозила на сухом асфальте, а ты — на линзе льда и потому улетел к чертовой матери... Правда, доказательств никаких нет, даже если ты когда-нибудь найдешь из сотен тысяч «Хонд-аккорд» ту самую — серого цвета. Ну, затормозил — черная кошка дорогу перебежала...

— Ты с дорожниками связывался?

— Нет. Да и без толку. Что они тебе скажут? То, что все было чисто, да и снега три дня не было. И это, не сомневайся, абсолютная правда.

— Тогда откуда линза?

— Великое дело: за час-два до аварии проехала водовозка и пролила бак воды. На дороге перед рождественским обедом машин нет — улучила минутку и пролила. А потом, в сумерках, линзу уже никто и не замечал, все проскакивали, пока одному не потребовалось на ней затормозить...

— Фантастика! — воскликнул Джим. — Но похоже, что ты прав. И этот внезапный вызов Артуру... Тьфу, черт, Пельцу... Прав... Так что ты сказал на счет закрытия дела? Вот тут ты ошибаешься: теперь его закрыть уже невозможно... Ладно, давай предположения и предложения.

— Неплохо бы для начала поделиться информацией.

И Стивен рассказал о случайной встрече с Пельцем-младшим и визите к сэру Эдварду Милштейну. Закончив, Стивен искренне признался: «Знаешь, Джим, мне все время не давала покоя твоя фраза о критической массе расследования».

Маккензи был польщен.

— Так правильно я тебе сказал. И очень может быть... Хотя, давай, я тебе сначала расскажу о моей встрече с Марлоу. Представь себе, когда я приехал к нему в тюрьму, он, натурально, обосрался. Ну, явно, ничего подобного не ожидал! Тут же начал колотиться. Правда, все, что он сказал, мы уже предвидели. Но есть некоторые детали. Есть! Вот послушай.

И Джим включил диктофон, прокрутил пленку.

— Меня интересует все, что связано с клубом «Спайдерс», — раздался голос Джима. — Это была идея вашего брата — его открыть, или Артура Патти?

— Нет, Стэнли рассказывал, что предложил ее Бисмарк Мартинес, хозяин «K amp; M Clothes»; он же — открыть ресторан «Барокамера». Он даже сам отремонтировал второй этаж, установил оборудование, завез мебель...

— Прямо Санта-Клаус какой-то! Взял и подарил бизнес...

— Какой же это подарок? В клубе продавались футболки с изображением «Спайдерс», водолазки, значки, диски, кассеты. Половину прибыли Мартинес имел. А еще — и рент, три тысячи. И в ресторане все продавалось. Очень даже неплохо. Два бойких магазина, по сути. Какой же это подарок?...

— А этот Артур Патти, откуда он взялся?

— Его Мартинес сразу предложил, в довесок. Но парень он хороший. Я с ним был знаком. Честный, увлеченный. А уж как «Спайдерс» знал — до ноты!.. Нет, с ним все было в порядке.

— Конечно, если его такой коп прикрывал... Ресторан, наверное, тоже... Ладно, сейчас не до того... Вас, разве, не насторожило, что после убийства Леклесса Артур и Руперт смотались?

— Как раз нет. Это вполне естественно — кому охота быть замешанным. Я тогда и брату сказал, чтобы он немедленно ресторан продал. Не дай бог, потянулась бы ниточка: нигде не зарегистрированный клуб — ресторан — неучтенная торговля, да и мало ли что еще в этом клубе. Дело громкое, под него многое могли подписать...

— Что, например?

— Не знаю. Но, честно говоря, у меня было чувство, что не все так просто...

— И вы от него благополучно избавились... О'кей... Теперь осталось узнать, откуда взялся благодетель вашего брата.

— Мы с ним давно были знакомы. Еще когда у него был только магазин на 14-й. Я тогда на их участке работал патрульным. Однажды порекомендовал ему Стэнли продавцом, Мартинес согласился. Потом Стэнли стал менеджером в этом магазине. А потом как-то Мартинес предложил ему открыть ресторан и клуб этот, половину денег на ресторан одолжил.

— Не удивило это никого?

— А чего удивляться? Мартинес ясно изложил свои выгоды. И он знал, что Стэнли, как и я, — фанат «Спайдерс»...

Маккензи выключил диктофон: «По моему, он искренен».

— Как русские говорят, на голубом глазу, — подтвердил Стивен. — Весь вопрос в том, от кого пришла информация к убийцам Пельца, что мы им вплотную занимаемся. Если, конечно, версия убийства принимается... Так от кого: от Фрэнка Марлоу или от, страшно сказать, рыцаря Британии сэра Эдварда Милштейна?

— Проблема, — кисло сказал Джим. — Если от Марлоу, в чем я, в принципе, сомневаюсь, то мы это узнаем, когда узнаем вообще все. Что же касается твоего гребаного сэра, то, казалось бы, можно узнать, куда в США он звонил, но это по силам только тамошним копам, по разрешению их суда. Можно, конечно, попробовать...

И Маккензи набрал номер Джона Кальвареса. Тот, видимо, определив его по Caller ID сразу набросился: «Марлоу подал в отставку. Это твоя работа?»

— Возможно, — отвечал Джим. — Мы с ним перед Рождеством тепло побеседовали, и он, видно, усовестился.

— А что у него на совести?

— Так, грешки. Но неприятные. Как там юстиция, отставку приняла?

— Еще чего! Хочешь, чтобы сейчас писаки начали загадки строить? Хорошо, что перехватили эту информацию... Попросили юстицию пока не реагировать.

— Зря! Нам как раз не помешало бы. Нас явно раскрыли, так пусть думают, что мы идем не по тому следу.

— Кто раскрыл?... О чем ты?... погоди минуту... — Джон соединился с Верховным судьей Хубертом, а, когда вернулся, сообщил: «В общем так, через час Хуберт ждет нас — меня, тебя и этого русского парня.»

Повесив трубку, Джим сказал Стивену: «Через час мы должны быть в Верховном суде. Ты все понял?»

— Так, значит, все-таки возможно прикрыть это дело. Чувствую, они этого хотят...

— Вряд ли... А если и хотели бы, то, как я уже сказал, теперь это невозможно... Давай-ка, пока сделаем первоочередное: снимем копию с доверенности и расписки о выдаче тела Руперта Вейна и попросим моих ребят найти, где он похоронен.

Стивен внимательно посмотрел на Джима: «Может, сначала найти нотариуса, выдавшего эту доверенность?»

— Ну это, не сомневайся, — явная подделка. Сначала нужно сообщить матери, где похоронен ее сын.

Верховный судья по очереди поздоровался со всеми, усадил и сказал секретарше по селектору, чтобы были кофе и покой надолго. Потом картинно расписался на нескольких документах, после чего поднял голову и сказал, слегка улыбнувшись: «Выкладывайте, господа! А то Джон испуган, и я ничем не могу его успокоить, пока вас не выслушаю. Кто из вас лучший рассказчик?»

Маккензи великодушно указал на Стивена.

Стивен говорил примерно полчаса. Ни судья, ни Кальварес его не перебивали, лишь изредка Джим вставлял какую-нибудь упущенную деталь. Когда Стивен закончил, воцарилось долгое молчание. Судья стал перебирать бумажки на столе, Кальварес вертел в пальцах незажженную сигарету, одновременно покусывая дужку очков, Джим, приоткрыв плотоядный рот, почесывал щеку, а Стивен сидел неподвижно, сложив руки на столе, как его когда-то учили в советской школе.

Наконец, Хуберт очнулся: «Так говорите, каток ему устроили?... Смелое предположение... Но если это так, то, извините, с какими силами вы имеете дело! И с чего бы это? Какую тайну они защищают? ОК, отбросим версию фанатика-одиночки; кто-то, будем считать, направил его на Леклесса, потом убил человека, могущего хоть как-то это прояснить. И это сделал отнюдь не вычислявшийся вами второй, а некто, подосланный неизвестно кем. И этот неизвестно кто еще и обеспечивает фальшивую доверенность на вывоз тела, чтобы оно, залежавшись в морге, само собой не заговорило, что в деле убийства Леклесса есть нечто подозрительное. Наконец, когда через 20 лет это подозрительное всплывает, убивают того второго, надо сказать, фигуру не мелкую, способом — изощренней не придумаешь. Я уже не говорю о сопутствующих деталях, о незарегистрированном клубе и ресторане, явно открытом, чтобы обеспечить ему существование, о брательнике крепкого копа, к которому просто привязали этот бизнес... Ну, отбросим, черт подери, версию о маньяке; примем ту, которую вы никак не решаетесь выдвинуть: клуб создали специально, чтобы воспитать в нем убийцу Леклесса. Признайте: все, что вы делаете, это пока раскопки вокруг этой лунки. Но вот, что я вам скажу: если все, что вы накопили, действительно, не случайные совпадения, а цепь преступлений, то хотелось бы видеть мотив. Причем такой, чтобы соответствовал силам, которые могли все это совершить, все это рассчитать... Мистер Кальварес знает, что я много лет проработал в ЦРУ. И поверьте: для преступлений такого уровня могут быть только два мотива — или политические интересы или крупные, очень крупные деньги. Политические интересы здесь никак не просматриваются, значит — деньги. Найдете деньги — считайте, что победили. А помощь я вам обеспечу.»

Когда Маккензи и Киршон ушли, Уинфри Хуберт сказал Кальваресу: «Отменная парочка, Джон. Приятно наблюдать, как они работают. Только боюсь, вся эта романтика скоро упрется в простые вещи.»

— Например?

— Клуб не регистрировали — чтобы не платить лишних денег в IRS; Пельц был Патти — чтобы никто не спросил папу, известного человека в шоу-бизнесе, что его сыночек делает в каком-то идиотском клубе; Руперта он увез на время в Ливерпуль, действительно, испугавшись его болтовни, будто они подтолкнули Кэрригана к убийству Леклесса; Руперт

мог не поладить с драг-дилерами, и его прирезали, а Пельц-Патти, испугавшись еще больше, испросил в США фальшивую доверенность, привез и похоронил Руперта. А уж авария явно похожа на случайную... Все. Нет дела...

— Тогда почему вы их благословили?

— А черт его знает! Наверное, тоже романтик.

А Маккензи с Киршоном были просто поражены. «Кто бы мог подумать, что старый судейский козел сможет все так четко разложить по полочкам!», — процедил, уходя, Джим.

— Конечно, он прав: или за этим делом стоят большие деньги, или самого дела не существует, — согласился Стивен. — Что ж, будем искать, о каких деньгах речь. Но пока не мешало бы выяснить побольше о Майкле Пельце, понять, что он в том клубе нашел и кто его туда поставил. И здесь два пути: кто-то из наших должен побывать на похоронах и привезти фото присутствовавших и кто-то из нас должен, наконец, заняться Ди Карло, совладельцем «K amp; M Clothes» и вице-президентом великой фирмы «Алитер». Возможно, именно он воткнул Майкла в клуб...

— Никакой связи оттуда не просматривается, — возразил Джим.

— Но пока только оттуда просматриваются большие деньги...

— Верно! — подхватил Джим. — Однако забываешь еще об одной ниточке, очень даже красненькой.

— Какой?

— Жена, точнее вдова Майкла Пельца, а двадцать лет назад — невеста, с которой он приезжал в Ливерпуль, которая, возможно, знала Кэрригана и, наверняка, знала Руперта, она вместе с Майклом привезла его трупик... Не знаю, на многие ли, но на кое-какие наши вопросы ответить она может. Еще как может!.. В общем так, — принял решение Маккензи, — я занимаюсь «Алитером» и Ди Карло, ты поедешь к вдове Майкла. Но не вздумай показываться на похоронах... Кстати, где его хоронят?

— Понятия не имею...

Вегас продолжал праздновать. В небе бесновались лазерные лучи, а «Стардаст» даже повесил в воздухе голограмму рафаэлевской Мадонны с Младенцем. Она парила под музыку «Иисус Христос — Суперзвезда» над городом, который, если бы Библия писалась в наше время, иначе как Содомом не назывался бы. Мадонна ласково смотрела, как ее дите пухлыми ручонками тасует карты, и подмигивала всякий раз, когда какая-нибудь карта вылетала из колоды и, крутясь, падала на бульвар, где тысячные толпы бешено аплодировали этому святотатству.

«Прежние хозяева «Стардаста» ни за что не позволили бы такое, — подумалось Гарри, — что-то для них все-таки было неприкосновенным».

Но видно, на самом деле, сменились не только век и тысячелетие, а целая эпоха. И мышление, и восприятие. Сотвори такое еще полвека назад, и, вместо ликования и восторгов, людей обуял бы суеверный ужас. Они валялись бы по земле, рвали бы на себе одежду и волосы и молили о прощении. А сегодня даже те, кто не знает, что такое голограмма, понимают — это какая-то новая техника. Они и приблизительно не ведают, как это делается, какой великий путь прошла наука, чтобы заставить пухлорукого малыша уронить им на головы сначала десятку, а потом туза, но они точно знают, что это означает «Блэк Джек» и восхищены остроумием небесной картинки.

Кто-то из них зарабатывает, как и сотни тысяч лет назад, проституцией; кто-то, как и десятки тысяч лет назад, — отниманием дани; кто-то, как и тысячи лет назад, — ссужая деньги под проценты; пироги, как всегда, печет пирожник, сапоги тачает сапожник... У них все, как всегда, но голограмма Мадонны с Младенцем их не удивляет; их удивляет и радует, что те, кто ее на небо повесил, осыпают их «Блэк Джеками». Значит, это — свои, такие же, как они, грешные: вот только что эти люди проиграли за столом, где как раз они выиграли.

Когда-то в детстве Гарри много читал разных исторических книжек. Сплошные войны — иудейские, пунические, столетние... Ночью, перед тем как уснуть, грезилась ему всякие битвы, где он был непобедимым участником. Часто он представлял, как въезжает на площадь перед пирамидами на... танке, как падают в страхе на колени египтяне — простой люд, воины, жрецы, фараоны. Вот он — бог! И он кричит им через микрофон громовым голосом и для пущей убедительности бьет прямой наводкой по Сфинксу и отстреливает ему правое ухо... Так оно и произошло бы, но никогда не происходило. Время течет только в одну сторону. Оно может вынести на своих волнах в Третье тысячелетие ничуть не изменившихся проститутток, рэкетиров, пирожников и сапожников так, что те совсем не удивляются танкам и голограммам. Доставить же танки и голограммы туда, в глубь веков, могут только больные грезы самоутверждения.

Но сейчас, вспоминая свои детские грезы, Гарри вдруг поймал себя на том, что продолжает развивать сюжет... Неужто это с людьми всегда бывает, в той или иной степени, независимо от возраста? И каждому для нормального самочувствия нужна определенная порция грез — кому больше, кому меньше. И если воображение не позволяет ее обеспечить, люди прибегают к стимуляторам — музыке, алкоголю, наркотикам...

Уже три года, как Гарри обитал в Лас-Вегасе, наезжая в Голливуд по уикэндам. Иногда

Рэйчел приезжала к нему, сама или с Майклом, и тогда они всю резвились: играли в казино, смотрели шоу, устраивали себе фантастические обеды.

Отношения у них сильно смягчились. Рэйчел, кажется, поняла, что такая вот жизнь у ее мужчины, и уже никак ее не изменишь. Все, чего ей теперь хотелось, это, чтобы Гарри не перешел за грань, за которой начинаются преступления.

Бывало, когда они приезжали на Великий Каньон, Рэйчел находила на краю камень, поддевала его носком, и он начинал катиться, все ускоряясь и ускоряясь, пока стремительно не падал в бездну, увлекая за собой другие, потерявшие равновесие камни. «Ты видишь, — говорила она Гарри, — как это ни банально, но это так...» — «Да, но это только камень, — возражал Гарри, — ему не надо было никуда стремиться, зарабатывать деньги, доказывать, что он крепкий. Потому он и мог лежать неподвижно. И все равно, даже если бы не ты его всковырнула, он бы упал — или от землетрясения, или от снега, или от ветра. Так уж получилось, что он лежал на краю каньона.»

Однажды вечером, когда Гарри был на просмотре одной своей кантри-группы, его вызвали к телефону.

— Гарри, приезжай немедленно! — услышал он плачущий голос Рэйчел. — С Майклом несчастье!

Оказалось, что респектабельная школа Майкла в благопристойной Санта-Ане переполнена кокаином. Оказалось, что их сын уже год, как его потребляет. И вот теперь случился перебор.

Майкл выжил, но состояние его было критическим. Когда Пельцы прибыли в госпиталь, он лежал под капельницей с кислородной маской, от него не отходили реаниматоры — чуть ли ни каждые четверть часа делали инъекции, переливали кровь.

— Все будет хорошо, — успокаивал врач, но предупреждал: — Я вижу, он, к сожалению, — не новичок в этом деле. Мы-то его сейчас вытащим. Но если он, пережив ломку, все-таки снова начнет, то кончится это понятно как...

Когда Майкла выписали из госпиталя, Рэйчел ушла с работы, чтобы всегда находиться рядом с ним в усадьбе. «В конце концов, — решила она, — у меня специальное образование, неужели я не смогу излечить собственного сына». Она, действительно, от него не отходила, старалась постоянно беседовать с ним, обсуждая жизнь, кино, книги, музыку. Она научила себя часами слушать любимых им «Спайдерс» и тоже их полюбила. Она стремилась стать ему другом, тем, который постарше и поопытнее, к чьим советам прислушиваются.

Но, видно, опыта ей не хватило, или опыт одного поколения далеко не всегда принимается следующим. А, скорее всего, все произошло потому, что невозможно удержать в пустой усадьбе 16-летнего парня, когда вокруг бушует жизнь, а в нем — гормоны. И еще, наверное, потому, что Майклу не хватало его порции грез. В общем, в один день он ушел, сбежал, растворился...

Всю полицию Лос-Анджелеса поставил Гарри на ноги, и целое сыскное агентство. Нс тщетно. Невозможно было найти юношу среди сотен тысяч таких же, покидавших в те времена дома и семьи, бродяжничавших «детей цветов». Нужно было бы обшарить все города, все заброшенные дома, все пустыри и лесные поляны огромной страны. Полгода Гарри начинал и заканчивал день с бесчисленных телефонных звонков в полицию, к сыщикам, в христианские и еврейские службы поиска пропавших без вести. Много раз они с Рэйчел выезжали в разные города, разные госпитали и морги для опознания раненых, убитых... Полгода прожила Рэйчел в горе, надежде и отчаянии. И однажды, не выдержав,

она сказала Гарри: «Сделай что-нибудь, или я покончу с собой». Сказала тихо, сказала бесцветным голосом. Гарри понял, что так оно и случится, если...

Тогда он поехал к Дино Гарручи.

Они давно не виделись. Со дня злополучного юбилея в Рено Гарри избегал встреч с ним. Дино сильно изменился: потолстел, от уголков губ потянулись к шее складки, глаза смотрели откровенно жестко. Гарри слышал, что с тех пор, как были убиты два очень влиятельных родственника Дино со стороны жены, мощь его пошатнулась. Но все равно это еще был глава одной из крупнейших мафиозных семей.

— Кого мы видим! — с деланным восторгом воскликнул Гарручи. — Сам мистер Пельц к нам пожаловал. Видно, так заигрался в Лас-Вегасе, что позабыл про старых друзей.

— У меня горе, — без предисловий заговорил Гарри.

— Знаю. Но не могу понять, почему вы тянули полгода? Это ваш единственный сын. Или есть что важнее?

— Я не тянул, я его везде искал. Бесполезно.

— Значит, не те люди искали. Искать должны те, кто естественен в среде длинноволосых. И сейчас я скажу кто, приятно вам это или нет. Искать его должны те, кто продает им наркотики... Итак, если вы это понимаете, я вас спрашиваю: вы пришли ко мне, чтобы я помог вам найти сына?

— Да, — сказал Гарри.

— Хорошо. Считайте, что двух недель нам хватит, чтобы проверить всех рыжих по США, — улыбнулся Дино.

«Крестный отец» сдержал слово. Не прошло и десяти дней, как к дому Пельце подъехал «кадиллак», из которого вылез Майкл, в кедах на босу ногу, рваных джинсах и грязной майке с изображением «Спайдерс». Он помахал рукой тем, кто его привез, и пошел домой.

На следующий день Гарри вновь поехал в Санта-Барбару.

— Знаю, — сказал Дино. — Его нашли в Ньюпорте. Сюда перебросили на самолете. Особо искать не потребовалось: мальчика из благополучной еврейской семьи все-таки можно отличить.

— Мы вам бесконечно благодарны, — заговорил Гарри. — Но, честно говоря, даже не представляю, как выразить нашу благодарность... Я понимаю, это стоило немалых затрат...

— Перестаньте о затратах, — оборвал его Дино. — Или вы хотите сесть сейчас доллары посчитать? Придет время — рассчитаетесь. Ведь вы с Марти работаете. Союз рыжих, — заключил Дино.

А с Майклом были нелады. Хотя из дома сбежать он больше не пытался. Он боялся, потому что нашедшие его предупредили: «Еще раз сбежишь — убьем». В том, что эти люди слово держат, Майкл не сомневался. Целыми днями в доме гремела музыка, чаще всего «Спайдерс», а Майкл валялся на своей кровати или слонялся из комнаты в комнату. С родителями он разговаривал односложно, прислугу вообще не замечал, газет и книг не читал.

Рэйчел считала, что это пройдет, важно только, чтобы мальчик избавился от стресса, понял, что лучше всего находиться среди людей, тебя любящих, что комфорт — не самое худшее из обретенного человечеством. А мальчик, избавившись от стресса, стал искать привычную среду и привычные удовольствия. И не так-то сложно найти все это в Голливуде,

куда наудачу стекается со всей страны молодежь, освободившаяся от семейных уз и предрассудков. Майкл уходил из дома вечерами, порой не приходил ночевать, в его одежде Рэйчел стала находить доказательства, что он курит и марихуану, и крэк, а в своих штатулках, напротив, — не находить золотые безделушки.

В конце концов Рэйчел поняла, что справиться с Майклом ей не по силам, и поехала с ним к доктору Плоткину.

Еще работая в его клинике, Рэйчел знала, что Мо излечивает от наркомании практически в 60 случаях из ста. Это был невероятный результат, а потому клинику осаждали страждущие со всего побережья. Для них доктор выстроил пансионат, где одновременно обитали 70 человек разных возрастов. В основном — молодежь, жертвы психоделической революции, а также люди творческих профессий — художники, актеры, музыканты. Но только те, кому это было по карману. А те, кто беднее, обходились также недешевыми, но все-таки более доступными психотерапевтическими сеансами и амбулаторными услугами.

Жившие в пансионате разделялись на группы. В зависимости от того, какое лечение в настоящее время преобладало — медикаментозное, психологическое, или уже психотерапевтическое, реабилитационное. Рэйчел, когда она еще работала в клинике доктора Плоткина, часто самой приходилось вести группы на последнем этапе лечения. В ее задачу входило обострить у пациентов мотивацию отказа от наркотиков и алкоголя.

«Мотивация — это единственная гарантия успешного излечения», — утверждал Плоткин, но пользоваться ею на начальных этапах избегал. «Когда человек к нам попадает, ему свойственен только один тип мотивации, я называю его ущербным, — человек мучительно переживает ущерб, нанесенный его болезнью ему самому и близким, — объяснял доктор. — То есть душе его опять требуется анестезия — хорошо, если те же наркотики, а, может, статья, и самоубийство. Мотивация должна быть только конструктивной, когда человек радуется перспективам, открывшимся потому, что он «завязал», — будущей карьере, новым картинам, ролям, приобретению дома...»

Рэйчел верила этой теории, однако видела, что пациенты после медикаментозного, а особенно психиатрического циклов отнюдь не стремятся покорять горные вершины; напротив, они становятся тусклыми, заземленными, теряют индивидуальность. Излечение тех самых 60 из ста было результатом очень глубокого гипнотического воздействия, в чем, собственно, и был силен доктор Плоткин. Вот почему Рэйчел долго не решалась вести к нему Майкла.

Все, к сожалению, получилось именно так, как она и предчувствовала. Хотя Рэйчел всеми силами пыталась смягчить результаты гипнотерапии, личность ее мальчика словно поменялась. Вместе с отвращением к наркотикам пришли равнодушное спокойствие, пугающая умиротворенность, инертность, словно 17-летний парень превратился в 70-летнего. «Пусть пока так, — решила Рэйчел. — Пусть закончит школу, поступит в колледж, а там — посмотрим».

Школу Майкл заканчивал уже в Голливуде. Учился он средне, и поэтому уважаемые университеты не спешили его принять. А из тех, что выразили готовность, лучшим был Нью-Йоркский. И это выглядело вполне приемлемым. Во-первых, в NYU, в одном из немногих в стране, существовал курс подготовки менеджеров шоу-бизнеса, а во-вторых, и это главное, в Нью-Йорк переезжала сама Рэйчел...

Гарри не возражал. Он стал часто бывать в Нью-Йорке, потому что туда перебрался

голливудский офис агентства. Причин было несколько, и они как-то сразу сошлись. Главная — деятельность агентства все меньше ориентировалась на кино, Но, не менее важным было то, что полностью вышел из игры Гарручи-старший, и оставаться в Калифорнии для Марти стало даже опасным. Тогда многие знакомые Дино переехали в Нью-Йорк, даже доктор Плоткин.

Лас-Вегас бульвар продолжал шуметь и сиять, лазерные лучи продолжали расчерчивать матовое небо, а голографический карапуз не переставал тасовать пухлыми ручонками карточную колоду. Гарри понимал, что если не выпьет снотворного, заснуть ему не удастся. Он потянулся к тумбочке, как раз когда зазвонил телефон.

— Вас слушают! — поднял трубку Гарри.

— Дедушка, — услышал он голос Рэйчел-маленькой. — У нас несчастье... Папа разбился на машине...

Первое, что сделал Киршон, прибыв в Нью-Йорк, — поехал в тюрьму. Это был чисто протокольный визит — предъявить Кэрригану фото Майкла Пельца для опознания. Со смущенной улыбкой встретил Стивена Фрэнк Марлоу: «Так я и знал, что ты все еще крутишься в этом деле. Не представляю, что вы ищете. Ты же понимаешь — я тоже сыщик, и был, вроде, неплохим, но, черт побери, не вижу. И скажу тебе по правде: если бы двадцать лет назад я что-то серьезное видел, то даже и не подумал бы сворачивать следствие. Не такие уж страшные кары грозили моему брату, ну на крайняк — штраф в несколько тысяч...»

— Ты же говорил, что у тебя было чувство, что не все так просто...

— Чувства чувствами, но в реальность они никак не укладывались. Что за этим могло стоять? Еще два идиота? Но они-то не стреляли, Кэрригана не нанимали... Я теперь думаю: может быть, Леклесса заказал Милштейн?...

Стивен вздрогнул и впился в Марлоу взглядом: «Ты откуда знаешь это имя?!»

— Забываешь: я знаю о «Спайдерс» все... Так вот я думал... Но тогда получается, что Милштейн — такой же идиот, как Кэрриган, разве что более мстительный. Однако, понять можно: Леклесс, когда ушел из «Спайдерс», лишил его огромных денег... Но вариант какой-то запредельный. Станет ли новоиспеченный сэр Британии рисковать ради сомнительного оргазма — о, я отомстил!..? И уж, наверное, он не из тех людей, кто долго причитает над пролитым молоком...

— Вроде нет, — подтвердил Стивен.

— Ну, а Артура Патти вы нашли?

— Сейчас найдем в твоём присутствии. Посмотри: кто это? — Стивен протянул Фрэнку фотографию Майкла Пельца.

— Он!.. И что он говорит?

— А ничего не говорит. Он разбился вчера в автокатастрофе...

— Как?!

— Нормально разбился: не справился с управлением на обледеневшей дороге.

— Машину уже проверили?

— Нечего и проверять. С ней все было в порядке...

Ввели Кэрригана, который тут же выбрал фото Пельца из трех, предложенных Стивеном.

Когда он ушел, Стивен обратился к Фрэнку:

— Старина, не обижайся, что тебя зацепили. Кто ж знал, что ты туда бок подставил.

— Перестань! Все правильно: сам дурак, заслужил. Ладно, надеюсь, пенсии не лишат, а карьера и так закончилась.

— У меня к тебе просьба, раз уж ты вовлечен во все это... Потрать какое-то время на Кэрригана, побеседуй с ним — ведь есть о чем. Пусть увидит в тебе союзника. Может быть, ты узнаешь какую-нибудь деталь, которую я не узнал.

— Ага, после шести лет игнорирования...

— Ну, разреши ему «Спайдерс» слушать — растает.

Какой город Джим Маккензи по-настоящему не любил, так это Чикаго. Впрочем, это уже в традициях ФБРовцев — не шибко его жаловать, уж слишком много пришлось там

поработать в последнем веке. «Кажется, я открою тут новый век, — с удовольствием усмехнулся Джим. — Держись, «Алитер»!»

Одно было плохо: еще ни разу инспектор Маккензи не выезжал на «объект» таким неподготовленным. Знал, что «Алитер» — всемирно известная фирма, которая каждый год выпускала спортивной одежды на сотни миллионов, в которой вице-президентом Джордж ДиКарло, который 20 лет назад был еще и совладельцем оптово-торговой фирмы K amp;M Clothes, которая в Манхэттене снимала... «Дом, который построил Джек», — неожиданно закончил Джим и развел руками: «Я чего сюда приехал? Искать деньги. Здесь чертова куча денег, но мне нужны те, что связаны с клубом «Спайдерс»... Стоп! Какое отношение может иметь клуб к деньгам? Продавал тысячу маек в месяц, две тысячи значков? Ну просто громадные деньги... За такие только и убивать Леклесса и еще парочку придурков, да к тому же через 20 лет... Но из «Алитера» растут ноги «K amp;M Clothes», из «K amp;M Clothes» — клуба, в котором, как утверждает, подготовлено убийство Леклесса. Мы, собственно, с этого стартовали, а убийство Пельца, если, конечно, таковое было, — тому подтверждение... На чем могут заработать большие деньги компания, выпускающая продукцию, и компания, ее продающая? Элементарный вопрос — на увеличении выпуска и продажи изделий. И если речь идет об убийстве Леклесса, то... был расчет на ажиотажное увеличение спроса на майки и другую дрянь с его изображением, с мордами этих «Спайдерс»! — с восхищением выдохнул Джим. — Ну ты — гигант, умница! — похвалил он себя. — Чему мы там со Стивеном удивлялись? Резким скачком в продажах «K amp;M Clothes». Сейчас посмотрим... — Джим достал копию присланного IRS документа. — 1980 год, продажа — 5,5 миллиона, 1981-й — 27 миллионов! В 80-м Леклесс еще жив, в 81-м — уже мертв!..»

Сияя и гордясь собой, Джим ввалился в дом на набережной Мичигана с эмблемой то ли футбольного мяча со значком, то ли глаза с сеткой координат.

— Мне бы мистера ДиКарло повидать, — попросил он, предъявив на входе удостоверение.

— У вас назначена встреча? — спросил дежурный.

— Нет. Но, пожалуйста, свяжитесь с ним и скажите, что инспектор ФБР Джим Маккензи очень хотел бы обсудить несколько важных вопросов.

— Хорошо, я позвоню его секретарю.

Пока он звонил, Джим внимательно разглядел фойе — лифты, кафе, музей... Все в мраморе и позолоте. «Богато живут, — заключил Джим и поймал себя на том, что пользуется русским выражением. — Надо же, научился у Киришона!..»

— Мистер Маккензи, — позвал дежурный, — вам на 8-й этаж, комната 804.

В приемной Джима встретила старушенция, лет под 60, с ослепительными, аж голубыми, зубами: «Мистер ДиКарло ждет вас. В вашем распоряжении 10 минут».

«Ах, какие мы заняты!» — усмехнулся Джим, входя в огромный, высокий кабинет, где за гигантским столом, в мощном черном кресле прятался маленький, похожий на Дэнни ДеВитто, чернявый человечек, тоже под 60. Человечек отнюдь не пожелал выйти к нему навстречу, только жестом предложил сесть, озорно улыбнулся и спросил звенящим тенорком: «Что привело вас сюда, инспектор? Кажется, мы не посылали в подарок Бушу трусы с физиономией Гора».

— Стали бы мы вас беспокоить из-за нескольких капель из президентского пениса, — с этими словами Маккензи увестисто плюхнулся кресло напротив. — Вопрос государственной важности сегодня: зачем компании «Алитер» понадобился клуб «Спайдерс»?

— Какой-то клуб?... О чем вы?...

— Ладно, упростим задачу: зачем компании «К amp;М Clothes», совладельцем которой вы были, понадобился клуб «Спайдерс» на втором этаже здания в Манхэттене, которое «К amp;М Clothes» арендовала под свой склад? Надеюсь, я все понятно изложил?

— Изложили-то вы понятно, но что за клуб такой, я, убей меня, не знаю.

— Ну, до того, чтобы убить вас, дело не дошло... а вот в убийстве Дэна Леклесса этот клуб замешан.

— Что вы говорите!.. Но я не знаю ни о каком клубе.

— Как это совладелец компании мог не знать, что происходит у него на втором этаже. И не маленькой компании...

— Не знаю. Может, и был какой-то клуб, но всеми делами в Манхэттене заправлял Бисмарк Мартинес. Я, как вы, возможно, знаете, всегда находился в Чикаго.

— Тогда, позвольте вас спросить, в чем заключалось ваше участие в делах «К amp;М Clothes»? У вас было 50 процентов акций. Половину уставного капитала вы внесли... И все? Так?...

— Так, — неуверенно произнес ДиКарло.

— А Мартинес крутил педали. Половину прибыли получали вы... А за что? «К amp;М Clothes» продавала продукцию от «Алитер». Может, вы, как начальник сбыта «Алитера», занижали оптовую цену для своей «К amp;М Clothes», совершали должностное преступление?

— Как вы смеете!

— Дайте мне закончить, и я уйду... Скажите, а прибыль эту я смогу найти на банковских счетах Мартинеса? На ваших счетах? Какой был уставной капитал, если уже на следующий год после создания фирмы вы только официально, я это подчеркиваю, официально продали продукции на 45 миллионов долларов? Были у вас и Мартинеса такие деньги? Кстати, что за продукция такая особенная? Почему уже на следующий год оборот упал до 8 миллионов? Почему в 1981-м резко возрос до 27? Кстати — сразу после убийства Дэна Леклесса, убийства, приистекавшего из клуба «Спайдерс», размещавшегося на втором этаже дома, арендованного вашей компанией...

— У вас очень много вопросов... — проговорил ДиКарло, чье крохотное тельце еще больше запряталось в кресле...

— Будет еще больше, — заверил Маккензи. — Потому что через час-два к вам придет парочка наших людей — проверить взаиморасчеты «Алитера» и «К amp;М Clothes». Так что, если вам есть, что сказать до того, как их зададут, — всегда к вашим услугам.

Выйдя из кабинета ДиКарло, Джим почувствовал смертельный голод. Он решил зайти перекусить в кафе в роскошном вестибюле, но оно оказалось закрытым. Табличка на двери гласила, что до времени ланча осталось еще 20 минут. «Суровый режим!» — рассмеялся Джим и стал соображать, где убить эти минуты. Ноги попросились в музей, он пошел за ними и сразу же, как вошел, понял, что даже ноги у него умные.

В застекленных стендах вдоль стен, в горизонтальных витринах выставлялись образцы тысяч футболок, трусов, значков, всякой символики, произведенных «Алитером» за годы существования. Рябило в глазах от многоцветья, от тысяч «нательных» портретов, кажется, всех политиков, культурных деятелей и спортсменов ушедшего века: Трумен и Че Гевара, Элла Фитцджеральд и Папа Иоанн-Павел-IV, Мелинда Монтрей и Альберт Эйнштейн...

Но умные ноги Джима сразу устремились к стенду, над которым красовалось:

«Наиболее успешные изделия «Алитер», а умные глаза сразу же увидели с десятков вариаций с четверкой «Спайдерс». Парочка из них была 1965 года, парочка — 1972-го, остальные — 1981-го! Подпись под ними гласила: «Футболки «Спайдерс» — рекорд 80-х годов. Изготовлено и продано на сумму \$113,000,000. Рекорд годовой продажи — \$71,000,000 в 1981 году. «Все правильно, — мелькнуло у Джима, — в ажиотажный год после убийства Леклесса... Только почему нет футболки с отдельным портретом Леклесса?».

Под каждой стояли имена художников-модельеров. «Джин Филлис, Майкл Марианно» — переписал Джим и побежал к дежурному: «Как пройти в отдел моделирования?»

— А вам к кому?

— К Джин Филлис.

— Джин Филлис, Джин Филлис... — поискал сиделец в списках. — Сейчас позвоню. Кто вы?

Джим заново показал ему удостоверение. Дежурный позвонил: «Миз Филлис?... Тут инспектор ФБР хотел бы к вам пройти... Нет, я не шучу. Инспектор Джим Маккензи», — прочел он. — ...Она говорит, что только после ланча.

Джим вытянул трубку из руки дежурного: «Миз Филлис. Это — Маккензи. А почему бы нам не поесть вместе?... Жду вас внизу».

Через пять минут из лифта вышла дама, лет сорока пяти, гренадерского роста. Она безошибочно направилась к Джиму, и величественная пара прошествовала в кафе, где у нашего героя, наконец-то, появился соперник по части уничтожения пищи.

А деловая часть беседы свелась к двум вопросам Маккензи.

— Так это убийство Леклесса вас так вдохновило на создание галереи футболок «Спайдерс»?

— Нет, это была вполне плановая работа. Мы с Майклом Марианно сделали ее еще в июле 80-го. Я тогда еще сразу в отпуск на Аляску поехала.

— И после убийства вам не захотелось дополнить ее отдельным портретом Леклесса?...

— Конечно, хотелось! И по бизнесу это было бы точно в десятку... Но у компании не оказалось лицензии на его портрет отдельно — только на всех «пауков» вместе. Впрочем, были права на юного Леклесса, но это, сами понимаете, выглядело бы как издевка.

Сразу после ланча Маккензи помчался к окружному судье за санкцией. А еще через час вернулся в здание «Алитер» с двумя агентами — знатоками бухгалтерии.

Стивен в это время сидел в манхэттенском отделении ФБР, дожидаясь агентов, посланных на кладбище «Монтефиори». Как только они пришли, цифровой фотоаппарат был подключен к компьютеру, а звуковая кассета отправлена в обработку. «Подождите еще с часик, пока мы определим по картотеке кто есть кто», — сказал агент-фотограф. Они так и не познакомились, хотя ФБРовцев распирало от любопытства: что это за полицейский, ради которого они так стараются и для которого открыли доступ в Большую картотеку.

— Меня зовут Стивен Киршон, — представился Стивен. — Я инспектор из 14-го участка.

А больше и говорить было не о чем. Тем более, что Стивену очень досаждала мысль, высказанная Фрэнком Марлоу. Мог ли сэр Артур заказать Леклесса? Мог. Мотив? — Мы уже договорились — деньги, но очень большие и не те, что упали и пропали, а те, что... А те, что

были заработаны на волне шока после убийства! — внезапно понял Стивен и немедленно набрал сотовый Джима.

— Я давно знал, что хорошие мысли приходят к людям одновременно, — подтвердил Джим. — Как раз сейчас это разрабатываю в Чикаго. Хочешь интересную деталь? В 81-м году «Алитер» заработала \$71,000,000 на майках с личиками «Спайдерс», но не выпустила ни одной майки с Леклессом отдельно. У них не было на это лицензии...

— Именно! — подхватил Стивен. — У них не было потому, что не было ее и у сэра Милштейна! Он никого не представлял после того, как «пауки» разбежались...

— Bravo, Стивен! Сейчас позвоню в DC, узнаю, нет ли ответа на запрос о звонках этого гребаного сэра. Если есть — тебе сообщу.

В это время агент-фотограф открыл на дисплее фотографии похорон: несколько общих планов, группками, по отдельности. Под общими фотографиями стояла подпись: «Похороны Майкла Пельца, исполнительный вице-президент «Стар Девелопмент». 12.27.2000». На групповых и на индивидуальных фото сообщалось, кто изображен: «Джозеф Пельц, 19, сын Майкла Пельца, студент Колумбийского университета», или «Лу Вильямс, 44, агент «Стар Девелопмент», менеджер группы «Старые дети».

— Как, это сделали так быстро?! — изумился Стивен.

— Подключились к Большой картотеке, запустили распознающую программу, — снисходительно улыбнулся агент-фотограф.

— И как много людей в Большой картотеке?

— Все. Во всяком случае — живущие с США.

Пришел второй агент, которого Стивен про себя окрестил «агентом-прослушником», он принес кассету, на которой сделанная на похоронах звукозапись была вычищена и разложена так, что два и больше происходивших там разговоров можно было слушать отдельно. Ну, с этим Стивен как раз был знаком.

Стивен посмотрел на часы — 5 рм. «Вот теперь интересный вопрос: к чьей жене отправиться — к своей или чужой, — решал он, укладывая диск и кассету в портфель. — Хотя чужая — уже вдова».

— Ребята, — обратился Стивен к ФБРовцам, — кто-нибудь понаблюдал, куда делась миссис Пельц после похорон?

— Да, я, — ответил агент-фотограф. — Она с детьми и отцом Майкла Пельца вернулась в квартиру на Парк-авеню, позже туда подъехали Марти Гаруччи и Пол Келли.

— Это кто такие?

— Вы узнаете в комментариях к фото.

— Там можно было установить прослушку?

— Конечно, в Централ-то парке... Но распоряжений на этот счет у нас не было.

Поблагодарив и вежливо попрощавшись, Стивен ушел, не сомневаясь, что агент-фотограф и агент-прослушник теперь отведут душу на мудаке-полицейском, которого они вынуждены были обслуживать.

Дорога к вдове ему сегодня была заказана, а потому он с удовольствием рванул в Бруклин — к жене, дочке и собаке Бахусу.

Едва он вышел из поезда метро — зазвонил «мобильник».

— В какой это зоне недосягаемости ты болтался? — послышался голос Джима. — Час тебе звоню.

— В трейне. Что-то случилось?

— Все — как в сказке...

— Чем дальше — тем страшней?...

— Точно! Завтра встретимся — расскажу.

— Завтра не получится. У меня свидание с дамой.

— Ах, да, вдова Пельца... Ну, кланяйся ей... До послезавтра!.. Да, — спохватился Джим, — я чего звоню... Ответик из королевства имеем. Звонил твой сэр в Нью-Йорк Звонил тут же, как ты его покинул. Но штука в том, что звонил на «сотовый» некому мистеру Корну. Ну, давай!

Дверь в квартиру на Парк-авеню Стивену открыла домработница Вера, светловолосая женщина под 50, круглолицая, полная и явно добродушная. Она проводила его в гостинную, шепнув по-русски, что Грета в ужасном состоянии. Войдя, Стивен увидел картину, странно тронувшую его: совсем молодая, явно моложе сорока, женщина в черном вдовьем платье сидела, поджав ноги, в кресле, держа в руках огромный коньячный бокал. Под креслом на полу стояла наполовину опорожненная бутылка очень старого «Реми Мартена». Но женщина не была пьяна: глаза смотрели остро и вопросительно. Голубые. А пепельные волосы аккуратно обрамляли идеально красивое и печальное лицо.

«Надо же, какая красавица! — подумал Стивен и мысленно поставил ее рядом с покойником. — Как только ему досталась такая?» — Но тут же собрался и выдавил из себя все, что положено сказать в таких случаях...

— Да, спасибо за ваше участие, — прервала его Грета. — Выпейте со мной, а то Вера отказывается.

Стивен сел в кресло рядом. Вера принесла еще один бокал, Стивен дотянулся до бутылки и плеснул себе на доньшко. Сидели и молча прихлебывали, слушали возню Веры на кухне.

— Так как вас зовут? — наконец спросила Грета.

— Инспектор Киршон.

— Инспектор Киршон, — повторила она. — Инспектор полиции, или, как Вера сказала ФБР? Честно говоря, полицейские за эти два дня мне надоели. У меня муж погиб, у вас какие проблемы?

— Я, миссис Пельц, хочу убедиться, что вы в безопасности.

— Я?! А что мне может угрожать? Сопьюсь с горя?

— Все зависит от информации, которой вы владеете.

— Какой, к черту, информацией?! Не понимаю вас, мистер Киршон.

— Например, что вы знаете об убийстве и захоронении Руперта Вейна?

— Руперта Вейна? Руперта... Так это очень давно было! 20 лет назад. Да, ужасно глупая история. Мы должны были лететь в Англию, в гости к сэру Эдварду Милштейну, билеты уже давно купили, а тут Майкл говорит, что его приятель, Руперт, в распадае после смерти Леклесса... Знаете, они все тогда были помешаны на «Спайдерс». И Майкл решил взять его с собой, чтобы развеялся, успокоился, побывав на родине «Спайдерс», в их музее, чтобы, как Майкл говорил, подышал их воздухом. Вот он и купил Руперту билет, оплатил ему отель.

— А почему ему в голову пришла эта идея, почему он решил, что это Руперту поможет?

— Кажется, он ходил с ним к психологу. У Руперта была какая-то навязчивая идея. Я не вникала. Но вроде психолог подсказал, что Руперта нельзя оставлять одного и посоветовал взять с собой.

— А как зовут этого психолога, не помните?

— Как не помнить! Он же Майкла отучил от наркотиков. Доктор Плоткин... И меня тоже...

— И вас? Когда это было?

— Мне было 16, когда меня к нему привели. Мы у доктора и с Майклом познакомились.

— Вы из богатой семьи?

— Нет. Я из Денвера, Пенсильвания. Там у меня мама была... Почему вы спрашиваете?

— Потому что один визит к этому доктору стоил \$300. И это в те годы...

— Да?!

— А могу я узнать, кто вас к нему привел?

— Мне не хотелось бы об этом...

— А если это очень важно?

— Если я пойму, что это важно — расскажу... Так что вас еще интересует?

— Ну все, что произошло тогда с Рупертом.

— Ну да. Так вот, мы прилетели, отвезли Руперта в отель, а сами отправились к сэру Эдварду. Он не хотел, чтобы Руперт тоже жил у него... Понятно — почему. Майкл дал ему денег. Мы встречались в музее «Спайдерс», в баре. Потом нас с Майклом сэр Эдвард повез в Лондон, а когда вернулись, узнали, что Руперта кто-то убил... Ну тут такое началось!..

— Что?

— Майкл ужасно переживал... Дело в том, что он руководил в Нью-Йорке клубом «Спайдерс», и как раз накануне один из членов этого клуба убил Дэна Леклесса. Вы знаете, кто это... (Стивен кивнул). И Майкл испугался, что убийство Руперта свяжут с этим убийством, а ведь именно он вывез Руперта в Англию... Нужно было, чтобы убийство Руперта прошло в США незамеченным, а как это сделать, Майкл не знал.

— Ну и как же он вышел из положения?

— Я ему посоветовала позвонить Полу Келли... — и миссис Пельц замолчала и задумалась.

— Пол Келли?... Кто это? — спросил Стивен.

— Я же сказала: мне бы не хотелось об этом... — и снова задумалась.

«Все-таки она выпила полбутылки коньяка», — чуть ли не злорадно мелькнуло у Стивена. Он тоже молчал, спрятав глаза под бровями, а в голове, обгоняя друг друга, как на хайвее, неслись мысли.

«Ясно: это тот же самый человек, что платил за ее лечение у этого доктора... Кстати, доктор уже несколько раз засветился, а мы до него так и не добрались... Келли, видно, знал всю историю с клубом, Леклессом, Вейном, иначе он так шустро не сработал бы с доверенностью на тело... Он ее, возможно, заранее заготовил... Мы танцуем от того, что убийство Леклесса — жесткая психическая игра, но ни наркоман Вейн, ни бывший наркоман Пельц, тогда еще сопляки, на такое способны не были. Это их тянули за ниточки... Кто?... На сцене остался пока только один — Пол Келли... Пол Келли... Пол Келли... Да, агент-фотограф сказал, что он приехал сюда после похорон вместе с Марти Гаруччи... Гаруччи?... Гаруччи... Где-то я слышал это имя... Господи, еще как слышал!!!»

И Стивен решил пойти ва-банк.

— Пол Келли... — настойчиво еще раз повторил Стивен. — Он, кажется, был у вас вчера после похорон?

— Да. Откуда вы знаете?!

— Потому что мы за ним следим. Потому что мы считаем, что именно он организовал убийство Дэна Леклесса, потом Руперта Вейна, а теперь вот — вашего мужа, Майкла Пельца!

— Майкла?! Они его убили?!

— Скорее всего, что так. И очень может быть, что сейчас речь идет о вашей жизни. Так что в ваших интересах рассказать мне все.

Девочка росла без отца. А с ней еще двое братишек. Мама работала в придорожном «Бюргер Кинге», а все, чем семья владела, — ветхий, построенный 100 лет назад домишко. И можно очень долго перечислять, чего у семьи не было. Для 15-летней девочки, почитай, не было ничего. А она была уже зрелой и красивой, и знала об этом. Но без нее обходились вечеринки однокашников, дискотеки, «чиллания» в молле — нечего было одеть, нечем было платить.

В то лето в городе только и разговоров было, что о приезде супергруппы «Виндоу». «Величайшая рок-группа 70-х. Только один концерт проездом в Вудсток», — кричали афиши; «Даже не верится, что это в нашем городе», — верещали по радио.

Хотя концерт предстоял на стадионе, Грета знала, что денег на билет у нее все равно не будет. В этот день на рассвете она отправилась в отель — в надежде, что кто-то из горничных заболел, и ей удастся подзаработать. А когда подошла, увидела на ступеньках самого Джадда Морвилла — звезду этой группы. Он мрачно сидел и курил, и был куда старше, чем на афише. Грета остановилась в трех шагах и молча стояла, боясь спугнуть видение. Наконец, Грета кашлянула, и Морвилл вопрошающе поднял голову.

— А я вас знаю, — робко сказала Грета.

— Конечно, знаешь. Тебе чего: автограф или член пососать?

— Не-е. Я пришла... Может у них сегодня работа есть... Деньги на билет заработать...

— Какой гребаный билет тебе нужен? Смотраться из этой дыры хочешь?

— Не-е. Я на концерт хочу, на «Виндоу»...

Морвилл внимательно посмотрел на белокурую малолетку, потер себе пальцами виски, потом сказал: «Ладно. Оставайся. На концерт вместе поедем...».

Ездили они полгода, пока однажды в Хьюстоне Джадд не избил ее и не вкатил себе тройную порцию героина. И это произошло потому, что вдруг все газеты стали рассказывать о том, как затухающая рок-звезда Морвилл разогревается с малолеткой, которую украл из Денвера, развратил и приучил к героину. Вот Джадд и сбежал от тюрьмы...

После похорон Грета осталась совсем одна. Она стояла на кладбище и с тоской смотрела, как одна за другой разъезжаются машины. Уехали, даже не взглянув на нее, и ребята из «Виндоу». А ее уже начал бить озноб... Тогда и подошел к ней 50-летний Пол Келли, поднял ей скрывавшие синяк темные очки и, посмотрев в глаза, сказал: «Пойдем!».

Пола она знала, он был каким-то начальником у менеджера «Виндоу».

Пол поселил ее в маленькой студии на Вест-сайде Манхэттена. Он давал ей деньги, немного наркотиков. Потом отвел ее в доктору Мо Плоткину. Тот долго ее лечил — несколько месяцев. Гипнозом, постепенно переводя на более мягкие наркотики. А потом она почувствовала, что и они ей больше не нужны.

Пол был ее любовником. Он приезжал один-два раза в неделю, привозил много вкусной еды, никогда не оставался ночевать. Денег, которые он давал, Грете вполне хватало, чтобы покупать себе модную одежду, есть в недорогих ресторанах, ходить в кино, на концерты, в гимнастический зал. Она еще больше похорошела, редкий мужчина не обращал на нее внимание, но ее никто не интересовал.

Однако случилось так, что, выйдя из кабинета доктора Плоткина, а он ее иногда приглашал для профилактики, Грета встретила с Майклом. Трудно понять, что за искра

тогда ее обожгла, и почему то же самое почувствовал Майкл, но из офиса они вышли вместе и весь тот день гуляли по Манхэттену, болтая чепуху и смеясь.

На следующий день Майкл не пошел в университет и приехал за ней с утра. И они снова гуляли, катались на катере, ели суши и говорили. Говорили все время, не умолкая, рассказывали друг другу о своей жизни, говорили то, что никогда и никому больше не сказали бы. Все до дна — и плакали от жалости и нежности, от того, что такие несчастные и такие счастливые.

Впрочем — все, да не все. Грета не назвала Пола. Она уже знала, что отец Майкла — владелец «Стар Девелопмент», а Пол работал именно в этой компании. Да, Грета о нем говорила, как о мужчине, который ее подобрал, от которого она зависит, но его не называла.

Рука об руку они подошли к дому Греты. Их ладони перегрелись так, что они слышали пульс в кончиках пальцев друг друга, горячий пот струился по их телам, но глаза избегали встречаться. Что-то мешало Грете позвать Майкла с собой, что-то мешало Майклу попросить ее об этом. Словно вечность отделила ее от развратной похоти рок-звезды и пятидесятилетнего любовника, и как бы улетучился весь навязанный ей сексуальный опыт, а пришло то, что жизнь у нее безжалостно отняла, — быть девочкой, мечтающей, наконец-то, отдать себя любимому человеку и стесняющейся этой мечты.

И словно снегом занесло поляны «детей цветов», где Майкл, уже пятнадцатилетним, познал секс — и просто физиологический, и грязный, и свальный.

Молча, не отпуская руки Майкла, Грета вошла в подъезд, молча вошли они в лифт. И спасибо ему, что в его дрожи заглушалась их дрожь. Но как высоко, оказывается, седьмой этаж! Хотя, разве этажи отсчитывали их души? Может — и этажи, но отнюдь не серой каменной коробки. И разве могла обычная дверь открываться так долго?...

А когда она открылась, их взгляды — потемневшие от шорма до темно синего — встретились, слились, потонули один в другом... И бешеная волна юной страсти опрокинула их, сорвала с них одежды и сразу также утопила — в неистовстве поцелуев и объятий.

В эти минуты все границы сознания Майкла были охвачены тем, как его руки и губы сами искали на теле Греты места, еще необласканные ими, как каждая клеточка его кожи жаждала соприкосновения с ее кожей, как его язык упивался вкусом ее слюны и дыхания, мускуса ее сосков, нежной влаги ее лона, как его плоть старалась заполнить собой весь отданный ему Храм Нежности, вновь и вновь скользя по жаркому пламени его стен.

В эти минуты все существо Греты стремилось к тому, чтобы в этом ее храме больше не осталось пространства ни для какой другой религии, ни для какой другой жертвы, кроме наполненной упругой кровью плоти Майкла, трущейся о горячий камень алтаря. Магии этой жертвы было суждено заполнить ее всю, без остатка, ворвавшись через русла артерий и нервов, и Грета открывала эти русла, упиваясь ласками и лаская. Ноги Греты обхватывали Майкла и напрягались, ее ладони блуждали по телу Майкла, на мгновения останавливаясь и сжимаясь, когда Майкл в нее входил, прижимая его теснее и теснее; губы ловили его поцелуи, чтобы его язык мог повторить у нее во рту то же, что совершалось в ее лоне.

Сколько чувств у человека — пять, шесть? А если и они сливаются? Когда ощущаешь, но не отличаешь вкус от цвета, цвет от запаха, запах от звука, звук от тепла, тепло от мысли, мысль от цвета? И вот эта трепетная масса блаженства находит себе подобную и входит с ней в резонанс, во флаттер, в оргазм, выносящий любящих людей в непостижимое пространство и в конце концов разрушающий до вкуса, цвета, запаха, звука, тепла, мысли... До слез благодарности...

Когда Грета открыла глаза, она совсем не удивилась, увидев рядом с собой Майкла, и не расстроилась из-за прерванного сна, как раньше, когда просыпалась то ли с Джаддом, то ли с Полом. Грета долго смотрела на него, мирно посапывающего, не большого, как Джадд Морвилл, и не грузного, как Пол Келли, а совсем мальчишку, рыжего, с веснушками на плечах, носатого, с выпирающей верхней губой. «Такой вот еврейчик! — подумала она. — Мой любимый... Мой единственный!». И принялась его целовать — эти веснушки на плечах, эту поросшую рыжими волосами грудь, целовать, лаская языком эту нежную, такую гладкую кожу его члена, который вновь стал наполняться упругой кровью и готовностью к жертве.

Они встречались уже две недели. Все дни с утра до вечера проводили вместе. Несколько раз Майкл у Греты ночевал. Расставаться стало непереносимо. Майкл потребовал, чтобы Грета навсегда бросила своего опекуна, и в конце концов она решилась на разговор с Полом.

Пол, узнав о Майкле, просто взбесился. Он грязно ругался, называл ее неблагодарной сукой, которая, если бы не он, сдохла бы под мостом, исколотая и занюханная, и затраханная бездомными неграми. Он даже пару раз ее ударил. А потом вдруг остановился. «Постой, — спохватился он, — кто, ты говоришь, твой новый трахатель? Где вы познакомились?...» Тут же позвонил доктору Плоткину: «Мо! Мне нужно с вами немедленно встретиться... Чтс значит: не можете?... Что за вопрос?... Грета — мой вопрос!.. Хорошо, завтра с утра!» В эту ночь Пол впервые не ушел, добивался от Греты любви. Но она не сдалась.

Наутро он сказал Грете: «Собирайся, поедem тебя перекодировать». И они поехали в доктору Плоткину. Там, оставив Грету в приемной офиса, Пол, буквально, ворвался в кабинет, откуда немедленно донесся шум скандала.

«Так вы решили устоять рыжему щенку радость за мой счет?» — слышался рев Пола.

«А вы бы хотели иметь сами, но уже за счет «Стар Девелопмент»?», — отвечал доктор Плоткин.

«Что значит — за счет «Стар Девелопмент»? «Стардев»-то тут при чем?! Я поднял эту девчонку на дороге, когда она никому не была нужна...»

«Но, насколько я знаю, она выполнила определенную функцию. Ей только 16, и, не дай бог, кто-то надумает оповестить публику, что Пол Келли, прозванный папашей «Виндоу», разобрался с сыночком, потому что воспыал чувствами к несовершеннолетней невестке...»

«Но это — ложь! Грета оказалась со мной отнюдь не поэтому!»

«А вы хотели бы сказать миру правду — почему, да?... В общем так: это — лучший выход для нас для всех. Мы с Дино Гаруччи это обсуждали, и вам придется это принять...»

Пулей вылетел Пол из кабинета Мо Плоткина. Схватив со стола секретарши салфетку, он вытер пот со лба, потом ненавидяще посмотрел на Грету: «Забирай свои вещи и убирайся куда хочешь!»

— Знаете, — сказала Грета Стивену, — я уже тогда поняла, что мной и Майклом манипулировали, но я всегда была благодарна доктору, что он нас соединил.

— А что было потом?

Потом они стали решать, где жить. Майкл жил вместе с мамой на Гранд-стрит. Туда он и привел Грету.

Рэйчел встретила девушку ласково. Хотя она сразу поняла, что Грета — не еврейка, и сразу увидела черные пятна на сгибе ее локтя.

Чуть позже Рэйчел сказала Майклу: «Мне нужно с тобой поговорить отдельно». О чем

они долго беседовали у нее в спальне, Грета не знает. Но когда они вышли, Майкл улыбался, а Рэйчел была печальной. Они ужинали, смотрели телевизор, говорили о пустяках. Рэйчел ни о чем ее не спрашивала. А утром она сказала Майклу и Грете, что должна съездить в Лас-Вегас, повидаться с отцом. И больше они ее не видели.

— Что-то случилось? — спросил Стивен.

— Да. Произошел несчастный случай. Рэйчел поехала с отцом Майкла на Великий Каньон, там поскользнулась и упала...

— Ну, а у вас как устроилось?

— У нас было все хорошо. Правда, отец Майкла долго не хотел меня признавать, то ли потому, что я — немка, то ли ему казалось, что я каким-то образом виновата в смерти Рэйчел. Он даже перестал помогать Майклу — платил только за его учебу в университете.

— Но его мама была богатой женщиной...

— По ее завещанию, Майк мог распорядиться наследством только после окончания колледжа.

— На что же вы жили?

— Сначала я работала продавщицей в «Блумингдейле», а потом нам неожиданно помог... Пол Келли. Только вы ничего не подумайте... Он сам нашел Майкла и предложил ему стать президентом клуба «Спайдерс». Чтобы Майкл мог заработать и до окончания университета попрактиковаться в шоу-бизнесе. Пол сам там все оборудовал, а Майкл должен был отдавать ему только половину прибыли.

— А почему Майкл работал под чужим именем? И почему клуб не был нигде зарегистрирован?

— Насчет регистрации клуба я ничего не знаю. А как Майкл стал Артуром Патти?... Видите ли, Пол работал в компании мистера Пельца и знал, что отец берет Майкла на измор. И он боялся, что, если мистер Пельц узнает о его помощи Майклу, он с ним расправится.

— Ясно, — сказал Стивен с видимым удовлетворением. Хотя как раз теперь он окончательно и с ужасом для себя осознал, что Майкл Пельц к убийствам Леклесса и Вейна явно непричастен. И если его убрали, то только потому, что он мог вывести на Келли, а там — черт его знает, на кого. Но тогда Стивену, действительно, следовало бы позаботиться о Грете — она знала столько же, сколько и Майкл, ну, может, чуть меньше. И только застарелой слабостью Келли можно объяснить, что она еще жива. Или неподготовленностью?...

— Вчера Пол Келли где сидел? — неожиданно спросил Стивен.

— Вот в этом кресле, где вы сейчас.

Стивен пошарил по краям подушки и вытащил «жучок» подслушки. «Вот так, — подумал он, усмехнувшись, — не ты — так враг не дремлет... И, судя по «жучку», они не были уверены, что она что-то знает...»

Стивен показал «жучка» Грете и, приоткрыв окно, зашвырнул его через Парк-авеню в Централ-парк.

— Вы видите, нас подслушивали, — сказал он после удачного приземления «жучка».

— Не понимаю, зачем? — удивилась Грета.

Стивен уже собирался это обсудить, как позвонил по телефону охранник подъезда, который сообщил, что к миссис Пельц направляется человек из UPS. Вера встретила его и

расписалась в получении пакета, который тут же занесла в комнату.

— Интересно, что это? — заинтересовалась Грета, намереваясь пакет распечатать. — Если черная вуаль, которую я заказала, то они опоздали на два дня...

— Стоп! — рванулся Стивен, схватил пакет и так же, как и «жучка», зашвырнул за ограду Централ-парка. Через несколько секунд раздался взрыв. Вверх рванулось снежное облако, а перед этим Стивен успел увидеть, как взметнулись от взрывной волны ветви деревьев, словно руки, снимающие платье. Когда все улеглось, деревья у ограды оказались совсем голыми.

— Боже мой! — уже оправившись от неожиданности, но совсем побелевшими губами произнесла Грета. — Как вы это поняли?!

— Внизу никакая машина UPS не стояла. К тому же: если они и опаздывают, то на час другой, не больше...

Через несколько минут Парк-авеню была оглушена ревом полицейских и пожарных машин. Стивен вышел, убедился, что на заснеженном газоне от взрыва никто не пострадал, и, подойдя к знакомому детективу, объяснил, что произошло. «Только давай так, — предупредил он, — произошел взрыв у ограды парка, причины расследуются, возможно, что это из-за прорыва газовой коммуникации. Вот и вся информация для журналистов». В фойе испуганный охранник сообщил ему, что пакет принес мужчина, лет 45, высокий, темноволосый; он как раз выходил, когда прогремел взрыв.

Вернувшись к Грете, Стивен налил себе коньяку и сел в кресло, ссутулившись и сведя брови, как для вертикального взлета. Грета молчала, Вера пыталась узнать, что происходит, но Стивен жестом остановил ее. Он сам еще не успел прийти в себя. Только сейчас он осознал, что тоже мог бы, да и должен был, по замыслу приславших пакет, стать жертвой. Иначе им удобнее было дожидаться его ухода. Они подслушивали их и так решили...

Но, опять же, что такого сокрушительного для них он здесь услышал? Что особенного знает Грета? За что убили Майкла?... То что Келли причастен к клубу и к эвакуации тела Руперта? В тюрьму его за это не затащишь. И, подумаешь, клуб «Спайдерс», ну был такой клуб, что дальше?... Зачем создали?... Подбирали талантливую молодежь... Хотели помочь найти себя хорошему рыжему парню, будущему хозяину компании... — мало ли с какой еще благородной целью... Вот и все, что они тебе объяснят. Какие могут быть претензии у закона?... А убийства Леклесса и Вейна — пойди докажи...

«Отнюдь не закона они смертельно испугались, — сделал неожиданный вывод Стивен. — Они не хотят, чтобы кто-то еще заметил связь между клубом и убийствами».

— Вам нужно на некоторое время отсюда уехать, — прервал Стивен молчание. — На недельку, не больше, но желательно — немедленно. Решите — куда.

Они снова помолчали. Сделали по глотку.

— Так куда вы поедете? — спросил, наконец, Стивен.

— Не знаю, — ответила она. — У меня никого нет. И потом — дети...

— Детям ничего не угрожает. О них Вера позаботится... Решайте — куда.

— Наверное, в Лас-Вегас. К мистру Пельцу...

«Неглупо, — подумал Стивен. — Вот так, глядишь, и семья объединится». Он набрал номер Бюро обслуживания ФБР: «Я — Стивен Киршон. Нужен билет в Лас-Вегас по код DC2412... В 3 рм? Отлично... Летит миссис Грета Пельц».

Заказав билет, Стивен позвонил Маккензи.

— А, это опять ты! — без приветствия заговорил Джим. — Как всегда — в самую

лучшую минуту моей жизни... Говори, что нужно, а то у меня сейчас клиент колется.

— Мне нужна машина сопровождения на перехвате через час-полтора по адресу «916 Парк-авеню, апартамент 11D».

— Ух, ты, как забавно! Ты что, Горбачева провожаешь?.

— Почти угадал. Провожая. И надо, чтоб кто-нибудь ее встретил в Лас-Вегасе... Она вылетает в 3 рм, American West...

— Кто она?

— Свидетель. Миссис Пельц.

— Миссис Пельц?... А к кому она летит?.

— К свекору, мистеру Пельцу.

— Господи!.. Киршон, ты даже не представляешь, какой ты идиот!.. Хотя... — Джим помолчал. — Хотя это может быть даже остроумно... Пусть летит!.. У тебя все?

Через час заявился агент-фотограф: «Какие проблемы, босс?»

— Нужно проследить, кто поедет за нами, и задержать по дороге ненадолго.

«Хонду» серого цвета он увидел за собой, едва отъехал. Решил немного с ней прокатиться, а потому двинулся через Централ-парк на Вест-сайд хайвей. А вот машина агента-фотографа никак не обнаруживалась. Когда миновали мост Вашингтона, «хонда» исчезла и тут же абсолютно неожиданно заговорила полицейская рация Стивена. «Киршон, — произнес голос агента-фотографа, — твою «хонду» только что выдернули за превышение скорости. Счастливого пути!»

— Как ты на меня вышел? — удивился Стивен.

— Великое дело! Связался с твоим 14-м участком.

— Кто за рулем?

— Пока не знаю. Тебе срочно?

— Потерпит.

— ОК, сообщу позже.

На подъезде к аэропорту JFK снова прорезался голос фотографа: «Твоего попутчика зовут Гарольд Корн. Водительское удостоверение N959 279 210. Что с ним делать?»

— Бинго! — воскликнул Стивен. — Арестуйте!

— По какому обвинению?»

Стивен задумался. «Ладно, пока отпусти», — сказал он неохотно.

Когда они прощались с Гретой, Стивен спросил: «Так и не узнал: а что вы сделали с телом Руперта?».

«А-а... Так, как только мы прилетели, его взяли в катафалк. Потом, Майкл говорил, его кремировали, а пепел расплыли в океане».

«Надо же, — подумал Стивен, — и пепел по ветру развеяли. Вот уж совсем жертва — даже пепла не осталось.».

Проснуться у Гарри получилось — Анна постаралась: гремела чем-то в своем кухонном закутке. А вставать не хотелось. «Ну что тут нового? — размышлял Гарри. — В детстве человека надо заставлять спать, а в старости просыпаться. Детям хочется что-нибудь еще сегодня увидеть, узнать, а старикам ничего узнавать уже не хочется, им бы вернуться назад, однако — не размышлять о прошлом, а жить, пусть во сне, но опять молодыми».

Анна, тем не менее, сделала все, чтобы вернуть мистера Пельца к реальности. В конце концов он сдался, надел тапочки и, кряхтя, пошел в ванную. Там еле вскарабкался на кресло и включил душ. Теплый душ (Гарри терпеть не мог холодную воду) расслабляет, под ним еще можно что-то доспать. Сидишь, капли шлепают по темечку, вода воронкой убегает в канализацию. Сколько воды утекло? Людей, пользующихся душем, это не беспокоит. Особенно — теплым душем.

Боже, как он не хочет просыпаться! Ну хоть еще разок встретиться глазами с Рэйчел, погладить вихры Майкла... Он так и не увидел сына. Хорошее дело — традиции, но когда нет возможности в последний раз взглянуть на близкого человека... Правда, еще и катастрофа была страшной... Что бы он увидел?

Хуже всего было встретиться на похоронах с Марти, Полом и всей этой шайкой. Чего они пришли? Как же, как же: исполнительный директор погиб!.. Можно подумать!.. Майкл — чистая душа, он и понятия не имел о главном в бизнесе «Стардева». Возил себе дрыгающихся юнцов по фестивалям, ходил на презентации их дисков и думал, что так вот и слава, и денежки делаются. Спору нет: кого-то он открыл. Но не прыгнуть им было выше ночных баров без безумной рекламной раскрутки, без провокаций и шумных скандалов, без всенародно раскаявшихся и вновь упавших в грех Магдалин, без пышных звездных свадеб и ангелоподобных детей, которых потом бросали ради первых попавшихся блядей, без сотен фунтов кокаина, без... Майкл и понятия не имел, что умники в отделе маркетинга, вроде Пола Келли, просчитывают траектории его подопечных «звезд» — вплоть до таких деталей, как вилка в заднице официанта или участие в демонстрации против СПИДа. И только ли подопечных...

Вот так же, после Рождества, только в 1973-м, приехали в Вегас сразу Марти и Пол. Взбудораженно веселые, они потащили его кутить во «Фламинго», потом им захотелось побывать на концерте Эдварда Прайда, чья упитанная, лоснящаяся физиономия и сладенький голос если и продолжали собирать полный зал, то уже не юнцов и уже не уважаемых знатоков поп-музыки.

Для них его эра окончилась, а рок-н-ролл, в чьих апостолах он состоял, давно ушел далеко вперед. Эдвар Прайд сохранялся, как икона, которую не успевали подновлять вдогонку за все новыми жировыми складками, за все новыми следами слабоволия и порока на лице оригинала. Но среднегодовые граждане среднеамериканских штатов продолжали молиться на эту икону. Граждане, женившиеся под малиновый сироп прайдовской «Не отпускай меня навеки», нарожавшие кучу детей, а теперь, наконец, выбравшиеся из под этой кучи на недельку в Вегас — последний раз проверить свою везучесть.

Трио из «Стардева» сидело за столиком, не участвуя в общем подъеме энтузиазма, когда потный певец в костюме одновременно севильского графа и ковбоя из штата Юта заставлял

себя сделать несколько движений из времен своей звездной юности, произнести несколько фраз из тех же лет. Для трио из «Стардева» все это выглядело весьма жалко. Тем более, что сидели они близко и видели все, вплоть до пены в уголках губ Прайда.

«Sic transit gloria mundi», — по-докторски прокомментировал Пол и рассмеялся вместе с Марти. «Так проходит слава мирская», — Гарри знал эту латинскую фразу, но его гости смеялись так, как будто бы он ее не знал. «Всему свое время», — произнес Гарри в унисон идее.

— Это так, — согласился Марти, — но время иногда можно продлить.

— Хотел бы я знать, как? Жизнь короткая, а период, когда талантливый человек на подъеме — еще короче.

— Важно, чтобы сделанное им в этот период, не переставало быть нужным, — со значением произнес Марти.

Гарри давно уже раздражали пафосные фразы. Поэтому он махнул рукой и сказал:

— Старый разговор — о великом искусстве, которое переживет поколения и века. Кто знает: что из обожаемого и нужного сегодня понадобится людям завтра? Никто. И давай это оставим...

— Ни в коем случае! Как раз это мы и приехали обсудить...

Гарри удивленно посмотрел элегантного и напыщенного Марти и его несколько развязного спутника. Вот уж кого он не любил, так этого розовощекого хлыща с носом-пуговицей и с жиденькими льняными волосиками а-ля Гитлер. Когда Келли задумывал какую-нибудь гадость, у него от висков к шее пробегали розовые пятна. Вот и сейчас...

— До сих пор, — усмехнулся Гарри, — вы обсуждали только, каким образом навязать публике наших героев. На вселенскую селекцию как-то не замахивались.

— Как знать? — в упор посмотрел на него Марти. — Пример Мелинды тебе ни о чем не говорит?...

— Перестань! — взорвался Гарри.

— Ах, какие мы нежные! А ведь каждый получил, что хотел: она — вечную славу, ты — полтора миллиона... Подожди, — остановил Марти рукой набравшего воздух Гарри. — Давай говорить отвлеченно. Шекспира ты читал? Известно, что он еще и был актером. Хорошим? Поэтом он был великим — каждый может в этом убедиться, ну а как насчет актера Шекспира? Можно только доверять или не доверять мнению его современников. Как насчет античного Дионисия, Мольера, Сары Бернар, как насчет тысяч и тысяч певцов, танцоров и музыкантов, чьи имена мы встречаем в хрониках разных народов?... Даже совсем недавних — из прошлого и позапрошлого веков?... Современники считали их великими, но ничего не осталось, чтобы мы могли в этом убедиться. Куда как более счастливыми оказались архитекторы, художники, писатели, ученые, изобретатели, даже часть спортсменов, не так ли?

Ты знаешь, чем замечателен XX век? Тем, что восстановил справедливость. Появились кино, звукозапись, видеозапись — и, как говорится, все музы теперь уже оприходованы. А для нас с тобой это значит, что актеров, певцов, музыкантов мы можем продавать не только на сегодня, но и в будущее. Важно только отобрать тех, кого мы намерены продать и обеспечить им... — Марти рассмеялся, — товарный вид.

— Ты имеешь в виду... — округлил глаза Гарри.

— Именно это он и имеет в виду, — вмешался Пол, и бег красных пятен на его лице ускорился. — Он имеет в виду, что звезды шоу-бизнеса имеют обыкновение быстро

тускнеть. Только вчера, кажется, кто-то озарял полнеба, а сегодня у него четвертинку этого неба оттяпали. Завтра — еще восьмушку, послезавтра — еще. А еще через день вспыхнет рядышком пара новых звездочек, и все — нет нашей сверхъяркой, затухла... Сам говоришь, что период подъема короток. Вот и остается наша звезда только в мемуарах и диссертациях... Иное дело, если не успеет она затухнуть, а взорвется оглушительно и ослепительно... Ба-бах! — и истерические оплакивания поклонниками, и зуд интриги даже у тех, кому она вообще безразлична была... А вся печать шумит, строятся догадки, версии, и бегут толпы заново смотреть фильмы со звездой, покупать ее кассеты и диски. Согласись: один такой взрыв может дать больше, чем все наши актерские школы, все опекаемые нами шоу, все контракты, вместе взятые...

— У-гу, контракт с дьяволом, — оцепенело произнес Гарри. — Убийство...

— Какое, черт подери, убийство?! — возмутился Пол. — Как можно убить труп? Если лежит кто-то безнадежный в госпитале и корчится от боли и одиночества, и известно, что перед ним тут же откроются двери последнего вагона в рай, стоит только ему сделать резкое движение и выдернуть какой-то шнур, какую-то кнопку случайно нажать? А не соверши он этого — и промучается еще неизвестно сколько, и поезд уйдет навсегда без него. Не надо убивать — только помоги ему дрыгнуться в нужную сторону. Незаметно. Так, чтобы только Бог был тебе судья, а Он, по логике вещей, вряд ли тебя осудит... Подтолкни падающего!

— Ребята, — замахал руками Гарри, — зачем мне этот разговор? Я в этих ваших делах не участвовал...

— Участвовал! — оборвал Марти. — И прямо, и косвенно. Я не зря напомнил тебе с Мелинде... Ты участвуешь уже потому, что работаешь в этом бизнесе. С момента, когда ты запускаешь новичка на орбиту, начинаешь его раскрутку, ты начинаешь его убивать — и морально, и физически. И ты, конечно же, убедился, что без этого никто из них до публики не дойдет. И если мы с Полом взяли на себя немножечко больше грязной работы, это не значит, что ты в стороне. У нас общий бизнес, и не делай вид, что не знаешь, отчего это, например, на твой счет вдруг упали две крупные капли в 1969-м и пару месяцев назад. Ты видел, что ими оплатили, как сказал Пол, взрывы одного черного гитариста и одного певца из немцев. Но фактически их никто не убил: оба вкатили себе по сверхдозе, а немец еще и подстраховался, застрелившись. А сегодня у нас на руках очень крупный контракт, и нужна твоя помощь.

— Кто? — только и спросил растерявшийся Гарри.

И Марти с Полом почти синхронно кивнули в сторону окончательно размякшего на сцене Прайда: «Он!»

— Вы с ума сошли! — громким шопотом произнес Гарри.

— Нет, — отвечал Марти. — «Вирджиния» платит 10 процентов от всей прибыли до 2000 года.

— Но он ведь даже не связан с нами никак. Вы же знаете: у него менеджер Тим Янсен с самого начала и, видно, уже до конца.

— Это меняет дело? «Вирджиния» хоть завтра купит у них все права на будущие издания за смешную сумму 3–5 миллионов. Но такая сумма будет смешной только в том случае, если эта жирная туша не начнет разлагаться уже на сцене. Времени не так много, поэтому Полу придется поработать здесь с тобой.

— Мне это не нужно! — запротестовал Гарри. — Это крайне рискованно. А деньги... Что они уже могут изменить в нашей с тобой жизни?

— В твоей, может быть, — и немногое. Но это ты — один такой со случайно свалившимся на голову «Стардевом», а все остальные прочно связаны, все остальные рассчитывают на деньги, которые мы должны принести...

— Я никому ничего не должен!

— Так ли? Кажется, пришло время напомнить тебе о мальчике Майкле, которого наши неизвестно в какой яме. Очень большую работу проделали; неужели ты думаешь, что бесплатно? У людей, которые искали твоего сына по всей стране, тоже, между прочим, дети есть, а им нужно расти и в колледже учиться... Должен!

— Не понимаю. Каким это образом заработки «Стардева» распространяются на этих людей?

— Во-первых, не совсем «Стардева», а, во-вторых, это не твоя проблема. И скажи за это спасибо... Впрочем, кое-что я мог бы тебе сообщить. Хотя бы то, что Прайд и его крестный Янсен сильно провинились перед нашей семьей в Лос-Анджелесе. Им помогли, их запустили в кинематограф, им открыли главные сцены, но они переметнулись под крылышко ребят с Большой реки. То ли жадность этого сукина сына Янсена обуяла, то ли трусость — как никак они оба оттуда... Их пытались образумить. У Тима было время подумать, когда Прайд служил Дяде Сэму, и все понять, когда ему устроили триумфальное возвращение. Но Тим закусил удила. Больше того — он поссорил две семьи. Настолько, что его друзья в Мемфисе натравили федералов на нашу кокаиновую сеть, а милашка Прайд три года назад сыграл роль стукача на самый верхний этаж. Ну так вот: пришло время рассчитаться... Итак, ты нам помогаешь, не так ли?

— Как?

Ты знаком и с Прайдом, и с Янсеном, твоя задача — навести мосты.

Программа грядущего «бессмертия» Прайда прорабатывалась самым тщательным образом. Через несколько месяцев на Дезерт-роад открылся богато декорированный медицинский офис психотерапевта Пола Келли и терапевта-нарколога Сэма Кренца. Открылся с помпой: интервью в газетах и по TV, презентация во «Фламинго», реклама чуть ли не на каждом глухом фасаде.

На презентацию была приглашена вся верхушка шоу-бизнеса Лас-Вегаса. Там с напутствием выступил сам профессор Мо Плоткин, известный здесь многим по Лос-Анджелесу. Доктора Келли и Кренц заявили, что главное, что побудило их открыть этот офис, — желание помочь артистам не терять форму, быть на подъеме творческих сил.

Прайда и Янсена, естественно, на презентации не было, но и они могли краем уха услышать о столь помпезном мероприятии. Тем более, что буквально через неделю лечение в новом офисе стали оплачивать своим артистам такие отели-казино, как «Стардаст» и «Континеталь», и, конечно же, туда потянулись люди из «Стар Девелопмента».

Гарри Пельц тем временем активизировал контакты с Тимом Янсеном: начал брать у него консультации, приглашать его на просмотры, устраивать роскошные холостяцкие обеды.

Мэтру-продюсеру льстило внимание более молодого коллеги. Тем более, что в Вегасе ему давно уже было очень одиноко. По сути, никаких дел, кроме присмотра за Эдвардом Прайдом, у него уже не было, да и это, как он понимал, теперь ненадолго: карьера певца заканчивалась. И Янсен выжимал из рок-звезды все, что только возможно.

Здесь, в Вегасе, и всюду на гастролях почти сорокалетний Прайд давал по два концерта

в день, а в периоды между гастролями должен был записывать новые диски, сниматься в телешоу. Уже десять лет назад певец с трудом выдерживал такую нагрузку, а теперь она приводила к нервному истощению, результатом которого стали депрессия, бессоница, ожорство, плохое пищеварение. И потому в ход пошли снотворное и транквилизаторы — когда Прайд должен был отдыхать, и амфетамины — когда ему нужно было работать.

Ну что ж, все в конце концов завершается... Только что Янсен продал права на переиздание старых записей Эдварда, поделив деньги «фифти-фифти», и теперь вся его задача состояла в том, чтобы под занавес никто не влез между ним и его подопечным.

А такая угроза была: прессу вдруг переполнили заметки, что Янсен все годы грабил наивного и доверчивого певца; появился судебный иск семьи...

Однажды Янсен уже пережил подобную тревогу — когда кто-то вдруг позаботился о том, чтобы прочно занявшего первую строчку в «Биллборде» и ставшего кинозвездой Прайда призвали в армию. Янсен понял, кто пытался Эдварда умыкнуть, когда по возвращении из армии того встречал ненавидевший его Саторио. Стал бы он это делать без поручения Дино Гаруччи. Хорошо, что у Янсена было прикрытие.

Но в Вегасе, как и везде на Западе, Янсен чувствовал изоляцию. К тому же все продюсеры и артисты только и ждали, когда они с Прайдом, наконец, освободят площадку. Однако Эдвард уже стал символом Вегаса. И если мало кто получал удовольствие от его концертов, достаточно было, что сюда ехали только для того, чтобы на него посмотреть.

Потому-то внезапная дружба с Гарри Пельцем и демонстративное почтение этого, наверняка, первого здесь продюсера Янсену льстили. Они встречались чуть ли ни ежедневно, обсуждали политику и дела в шоу-бизнесе, играли в покер, ужинали...

Не раз битый и обычно недоверчивый Янсен проникся к Гарри симпатией, с удовольствием рассказывал, что им с Эдвардом пришлось пройти за двадцать лет, как что делалось, жаловался, что все уже в прошлом. А Гарри умел слушать — а что может быть важнее для честолобивого, но заканчивающего свою карьеру собеседника.

Однако к Эдварду своего нового приятеля Янсен не подпускал...

Тем не менее, когда соло-гитарист из ансамбля Прайда внезапно попался на героине, Янсен сразу принял кандидатуру, предложенную Гарри. Замена получилась превосходной. Разве что, у новичка были почти те же проблемы со здоровьем, что и у Прайда. Но чувствовал он себя теперь неплохо, и не переставая рассказывал, как ему помогли в медофисе на Дезерт-роад.

Янсен уже не раз слышал про этот офис, начиная с какой-то уж больно пышной презентации во «Фламинго». Разные люди ему рассказывали, как быстро там доктора возвращают на сцену заболевших артистов, как снимают перегрузки, избавляют от страха провала. А уж о приезжающем туда с консультациями профессоре Плоткине Янсен слышал давно; еще в Голливуде он хотел привести к нему запившего было Эдварда.

Сегодня все еще сильнее обострилось: алкоголиком Эдвард не стал, но вот — димедрол и валиум, а еще и уколы кортизона во время концертов... Может, есть шанс вернуть ему форму?... Вот и Пельц считает, что это солидный офис; стал бы он иначе переводить туда всех своих людей...

Так Эдвард Прайд стал пациентом докторов Келли и Кренца. А задача эскулапов свелась к тому, чтобы добавить в его рацион прямые наркотики — декседрин, дилаудид, валмид, добавить стероиды. Задача была — сделать рок-звезду полностью наркозависимой.

Так и случилось в считанные несколько месяцев.

Поначалу Янсен был очень доволен: под действием наркотиков Прайд, действительно, словно помолодел. Но день за днем для поддержания его в этом состоянии лекарств требовалось все больше и больше, а их прием стало все труднее контролировать. Хуже того, оказалось невозможным перекрыть пути доставки их Прайду. И миссия Келли и Кренца едва не завершилась рекордно быстро, когда страждущий и невежественный певец намешал в организме сумасшедшее количество димедрола и дилаудида, кортизона и стероидов, а еще и пласидила, даже не представляя, что они смертельно несовместимы. Но его удалось буквально вытащить с того света.

Этот случай и аналогичный через еще три месяца испугали и Янсена, и семью Прайда, и находившуюся у него на содержании мафиозную челядь. Они понимали, что рано или поздно рок-звезда окончательно закатится, но при этом они, уже после продажи прав переиздания, ни на какие доходы больше претендовать не могли бы. И к Прайду был приставлен постоянный доктор. Тот, конечно, уже не мог избавить Эдварда от наркозависимости, но не допустить фатальных дозировок было в его силах. К тому же рядом с Прайдом всегда была преданная и уже наученная горьким опытом подруга. Больше года потребовалось людям Гаруччи на то, чтобы их разлучить и заменить ее на юную меркантильную красотку. А когда это произошло, произошел и обширный инфаркт у Эдвард Прайд, вызванный очередной передозировкой.

— Вы знаете, Гарри, меня все-таки обманули, — сокрушенно делился через месяц после похорон Тим Янсен. Он приехал в Вегас на устроенный «Стардевом» вечер памяти Эдварда Прайда. — Какие там пять миллионов! Они только за эти недели сделали на нем миллионов сто. А то ли еще будет...

— Кто обманул, Тим? — сочувственно спрашивал Гарри.

— «Вирджиния Рекординг», «Алитер», кинокомпании, ТВ, всякая фото-сувенирная шушера... Но, честно говоря, я и не представлял, что Эдвард так быстро уйдет из жизни.

— Ну что тут можно сказать? Был бы я религиозным, сказал бы, что все в Божьих руках...

Ребята из Мемфиса были более точны в том, кто их обманул: ослабевшего лос-анджелесского «крестного отца» Дино Гаруччи вскоре также похоронили.

Гарри очень удивлялся, почему так легко прошла через него эта история. Он ждал для себя очередного душевного расстройства, а его почти и не кольнуло. Так... Ехал в машине, услышал по радио: «Час назад скончался великий...». Ну да, скончался. Жалко, конечно. Видел, как рядом несколько машин остановились и загудели; им тоже посочувствовал, в Вегасе, понятно, тяжело это переживать... Вот, наверное, и все...

А через три месяца Джадд Морвилл вкатил себе сверждозу. Вывез малолетку из какой-то глуши, а его на том газетчики подловили. Гарри понял: его подловили, потому что время пришло и решили, что больше из этого наркомана ничего не выжать. А, может быть, ребяташки Келли как-то просчитались: хотели просто бодрого скандальчика, а Джадд взял и... Жалко мальчишку, талантлив был, может, даже покруче того черного из Сиэтла. Гарри сам его нашел в Нью-Йорке, привез сюда, здесь, в школе его к сцене приучали, подбирали ему партнеров. Жалко. Вот, наверное, и все...

Нет, не все. Через еще полгода в Вегас внезапно приехала Рэйчел. Гарри пришел домой.

а жена сидит в его кресле на веранде и смотрит на бульвар. Что-то случилось, понял Гарри. Последние годы Рэйчел не хотела приезжать в Лас-Вегас, как он ее ни уговаривал. Действительно, случилось: Майкл привел в дом девчонку, бывшую наркоманку, какую-то немку из какого-то, черт подери, Денвила. Он ее любит. Откуда взялась она? Они познакомились у Мо Плоткина. Как зовут? Грета...

— Постой, постой... — и Гарри достал газету с фото Джадда Морвилла и его малолетки.

— Да, это она.

«Ну вот, — изнутри похолодел Гарри, — они и до меня добрались!»

Он не стал ничего ей рассказывать. И она даже не прочла статью в газете. То ли она не хотела растирать в мозгу каждый комок этой грязи, то ли понимала даже больше, чем могла узнать.

Они молча просидели допоздна на веранде, молча пошли спать, не поужинав. Утром же Рэйчел неожиданно предложила: «Знаешь что? Я давно не была на каньоне. Может быть, поедем?»

По дороге они остановились на ланч в Боулдер-сити. Рэйчел попросила заказать шампанское.

— Хочешь выпить за то, что у нашего сына появилась женщина? Давай уж сразу — за всех женщин в его жизни, — предложил Гарри.

— Давай просто: за его, за твою, за мою жизнь...

— То есть — ле Хаим!

— Ле Хаим. За жизнь.

Они приехали к Южному борту, прошли к любимому месту — ярдах в пятистах от смотровой площадки, там где гигантский камень висит над пропастью, и, стоя на нем, всегда испытываешь страх и соблазн заглянуть вниз, за грань. Было безоблачно, и солнце пользовалось возможностью осветить каждый закоулок великой трещины. Было безветрено, а потому тихо. Птица, должно быть кондор, кружилась медленно и высоко, все кружилась и кружилась без всякой видимой цели.

— Что-то у нас не получилось, Гарри, — заговорила Рэйчел. — У нас все не получилось... Ты можешь себе представить что-нибудь, чтобы могло бы тебя очень обрадовать? Ну, очень-очень, как... щенок, подаренный в детстве... Вот и я не могу. Не так давно я думала уговорить тебя бросить все, уехать подальше — путешествовать, смотреть на мир. Как раньше. Ну и что?! Так бы и кружились, как вон та птица. Но она-то еще что-нибудь найдет, что-то высмотрит. А мы? Нам и не подняться так высоко. Нам совсем не подняться. Почему-то такая жизнь у нас выходит, что каждый день добавляется тяжести.

— Не надо, Рэйчел. Все обойдется. Я понимаю: ты расстроена. Ну, нашел себе Майкл эту потаскушку — пусть себе, поживут — расстанутся. Главное, смотри: он выровнялся, учится, живет без наркоты... Все обойдется...

— Все не так, Гарри! Разве он нашел? Ему наши... Его наши. Тебя наши, меня... Когда-то я думала, что надо мной только Бог. И мне страшно, что я давно так не думаю.

Они еще постояли, молча.

— Пойдем, — наконец, предложил Гарри, — иначе засветло не вернемся.

— Мы уже никогда не вернемся засветло, — сказала Рэйчел, глядя ему в глаза.

Гарри отвернулся и сделал несколько шагов к тропинке. Боковым зрением он увидел, что Рэйчел наклонилась, всматриваясь во что-то в глубине. А потом, вдруг, резко подалась

вперед...

— Рэйчел!!! — закричал он бросившись к камню, на котором она только что стояла. — Рэйчел! — кричал он метаясь по краю пропасти. — Рэйчел! Рэйчел! — плакал он, усаженный кем-то на скамейку возле смотровой площадки, пока люди в оранжевых жилетах спускались на веревках за телом его жены.

Когда ее подняли, он смотрел на небо, где светило все то же солнце. Птица — может быть, это был кондор — перестала бессмысленно кружить, а вместо нее пролетел реактивный самолет, видимо, слишком резко, так, что оцарапал небо до белой крови.

Рэйчел хоронили в Лас-Вегасе, на кладбище, которое, как и весь город, отвоевало себе место у пустыни Мохава, кладбище маленьком, а уже еврейском.

Было многолюдно. Пришла половина Вегаса, приехала половина Голливуда, приехала почти вся банда Марти. Приехал Майкл, один.

Доктор Мо ни на минуту не отходил от Гарри, непрерывно говоря что-то успокоительное, Марти распорядился похоронами, Келли привел для кадиша сразу двух раввинов — ортодокса и реформиста. И все горевали. Люди как люди...

Но после похорон они ему перестали быть нужными. Все, включая сына.

Три месяца Гарри пил, не выходя из дома, не включая ни радио, ни телевизора, пока, в конце концов, не приехал Марти.

— Что происходит, дружище? — начал он. — Почему ты не возвращаешься к жизни?

— Ты?! — посмотрел на него в упор Гарри. — Ты мне не друг...

— Друг, — улыбнулся Марти печально. — Друг. А кто же еще? Кто у тебя есть, кроме меня?... Плохой друг, друг-бандит, но друг, и у тебя нет другого.

— Лучше бы и не было!

— Как случилось — так случилось. Давай решать сегодняшние проблемы. Тебя нет в бизнесе, и все здесь начинает падать. Я имею в виду — на Западе.

— Зато, кажется, Восток на подъеме и совершенно не нуждается в наших скромных талантах, — съязвил Гарри.

— Ну, почему же? Лишние кандидаты в звездное небо не помешают, — еще ехиднее ответил Марти. — Скажи конкретно: чего ты хочешь?

— Если бы я знал, чего хочу... — пожаловался Гарри. — Я только знаю, что пока не гоюсь для бизнеса. Мне нужно отдохнуть — от этой жизни, от всего этого шоу, от вас, от себя.

— Тебя что, совесть мучает?

— Нет. И в этом вся проблема...

Решили, что Гарри отходит от дел на неопределенный срок, оставаясь, естественно, президентом «Стардева». Назначили исполнительного директора западного офиса, и Марти даже и не думал предлагать на этот пост Пола Келли.

Когда все процедуры закончились, партнеры устроили себе ужин в «Цезаре». Изысканный ужин на двоих, за которым произнесли тосты за дружбу, за здоровье, за детей.

— У меня к тебе просьба, — сказал Гарри. — Там, в Нью-Йорке, проследи за Майклом. Но избавь тебя Бог вовлечь его во что-нибудь. Обещаешь?

— Почему бы тебе самому сейчас им не заняться? У тебя как раз есть время...

— У меня нет желания. И мне нечего ему сказать. Так ты обещаешь?

— Да, обещаю... Ты хочешь, чтобы я убрал девчонку?

- Не знаю, — сказал Гарри. — Нет.
- Правильно. Она хорошая девочка.
- Ты это тоже знаешь?...
- Только как наблюдатель.

— Ты бы с утра газетку почитал, охладился, — встретил Маккензи запыхавшегося Киршона.

— Неужели Ал Гор апеллирует теперь к Божьему суду? Это он зря: там — сплошные республиканцы.

— Откуда ты знаешь?

— Можно подумать, ты не заметил: облака на небе похожи на слонов, ослиноподобных, вроде, не наблюдается.

— Да уж, наблюдательный... — рассмеялся Джим. — Вот здесь, — он-таки подсунул Стивену «Нью-Йорк таймс», — еще одна такая же, наблюдательная пишет. Почитай.

Заметка называлась «Кто возглавит «Стардев»?», и ее автор — некто Линда Лоуренс — писала:

«Случившаяся на Рождество дорожная катастрофа оборвала жизнь исполнительного директора старейшего в стране актерского агентства «Стар Девелопмент» Майкла Пельца, правнука основателя агентства Джозефа Марчика. Это агентство, возникшее три четверти века назад в переходной этап от немого кино к звуковому, дало кинематографу таких замечательных личностей, как (далее следовал список).

В 1954 году, после смерти Джозефа Марчика, «Стардев» перешел в руки мужа его внучки Гарри Пельца, который в течение следующего десятилетия распространил влияние агентства на весь шоу-бизнес, перенеся, в конечном итоге, 25 лет назад штаб-квартиру в Лас-Вегас и создав параллельный офис в Нью-Йорке. В Вегасе осуществлялись селекция и подготовка исполнителей разных жанров, создание новых шоу и концертных программ, Нью-Йоркский офис отвечал за продвижение коллективов и исполнителей на сцене, на телевидении и в кинематографе, на рынке грамзаписи. Такое разделение функций обеспечило агентству гибкость и агрессивность в шоу-бизнесе и подарило обществу столь выдающихся мастеров кино, телевидения и эстрады, как (следовал список).

С начала 80-х годов фактически отошел от дел президент компании Гарри Пельц, и управление агентством перешло к его сыну Майклу, недавнему выпускнику Нью-Йоркского университета. За две декады под его руководством «Стардев» практически полностью утратил свои позиции в кинематографе, но значительно активизировал деятельность в области поп-музыки, явив миру таких исполнителей, как (следовал список). Майкл Пельц был известен как большой знаток этого вида искусства, он четырежды удостоен «Грамми-авард» как продюсер.

Трагическая кончина Майкла Пельца — большая, если не критическая потеря для агентства, под чьим крылом продолжают находиться две школы артистического мастерства, несколько крупных фотостудий, издание «Хард-рок», пять эстрадно-цирковых шоу мирового класса. Агентства, представляющего интересы таких исполнителей, как (следовал список).

«Стардевом» сегодня продолжают руководить основные партнеры Гарри Пельца — вице-президенты Марти Гаруччи и Пол Келли, но это — престарелые люди, пришедшие в компанию еще в 50-х. Они характеризуются как блестящие специалисты в финансировании, рекламе, гастрольной организации, контактах с фирмами грамзаписи и других бизнес-вопросах. На них, собственно, все это и держалось. Но от того, что составляло творческую часть деятельности агентства, особенно, в последние два десятилетия, они, разумеется,

далеки.

Все надежды теперь возлагаются на сына Майкла Пельца, 20-летнего Джозефа названного, по-видимому, в честь прапрадеда. Этот молодой человек заканчивает Колумбийский университет, является, как стало известно, поклонником «Спайдерс» и «Куин», большим знатоком современного рока и джаза. Вопрос, возглавит ли столь молодой человек компанию, просуществовавшую три четверти века, решится, надо полагать, в ближайшие дни».

— Оч-чень интересно, — сказал Стивен, прочитав заметку. — Но зачем ты мне это подсунул? Про Гаруччи и Келли я и без того уже знаю.

— Сразу видно, что ты в этой стране все еще чужак. Знаний у тебя о нашей жизни не хватает. Нельзя тебя пускать в тонкие дела, связанные с культурой нации, — заулыбался Джим. — Ладно, ладно, шучу... Но одну вещь ты мог бы заметить: во втором списке великих чуть ли не половина — загадочные мертвяки, попавшие на тот свет при самых интригующих обстоятельствах. А вот в третьем...

— В третьем, кажется, обошлось без летальных исходов, — вошел Стивен.

— Правильно! И мы уже сейчас можем догадаться, почему... Только давай не будем догадываться. Теперь мы можем спокойно идти по цепочке.

— И у тебя есть ключевое звено...

— Давай обсудим, — предложил Джим и рассказал о поездке в Чикаго.

Уже приведя двух аккаунтантов в «Алитер», Маккензи понял, что погорячился. Ничего особенного во взаиморасчетах производителя и оптовика быть не могло. Товар, естественно, поступал в «K amp;M Clothes» не одновременно, а партиями, стоимостью до двух миллионов долларов; за каждой партией следовала своевременная оплата, то есть максимально потребный оптовику объем оборотных средств не превышал трех миллионов. Это вполне соответствовало масштабам компании. Не имела «K amp;M Clothes» никаких преимуществ перед собратьями-оптовиками в цене. Все крайне обычно. Придраться было не к чему.

Маккензи был удручен, тем более, что прибывшие с ним чикагские агенты начали насмешливо переглядываться. «Это я — дурак! — понял Маккензи. — Проверять нужно то, что может указать на убийство. Разработку моделей «Алитер» начала почти за год до смерти Леклесса. С чего бы? Значит, или они сами подсустились... или имели информацию, что это произойдет?... А кто из тех, с кем мы уже познакомились, мог бы дать такую информацию? ... Сэр Милштейн, вот кто!»

— Ребята, — обратился Джим к аккаунтантам, — посмотрите бумаги, связанные с лицензией на репродукцию портретов «Спайдерс». Что «Алитер» за это заплатила?

Через час к нему подошел взъерошенный агент.

— В это трудно поверить, но за право репродукции «Алитер» заплатила по сей день 11 миллионов долларов!

— Это много или мало? — спросил не особо сведущий в этих материях Джим.

— Это 10 процентов оптовой цены. Это — сказочно много!

— А кому заплатила? — задал Джим вопрос, ответ на который ему был известен.

— Британской компании «Spiders EW».

— Ясно, — сказал Джим. — А теперь проверьте, как много платила «Алитер» за право репродукции «Спайдерс» до 1980 года?

— Уже проверили: пять процентов.

«Что и требовалось доказать, — подумал Джим. — А теперь я пойду к этому ДиКарлику, попрошу показать договоры с Милштейном и потребую объяснений... Стоп! Не торопись, иначе опять отсосешь, — схватил он себя за рукав. — Что-то тут должно быть еще... Схема понятная, но только ли с Леклессом она сработала? — И его осенило. — В 1977 году эта самая «K amp;M Clothes» напродавала еще больше — на 45 миллионов. Если схема верна, значит, был еще один рекордсмен года». И Маккензи ринулся вниз, в музей фирмы. Так и оказалось: в витрине висели майки с Эдвардом Прайдом. А когда умер великий Эдвард — помнит вся Америка.

Вернувшись, Джим попросил своих помощников посмотреть, кому и сколько выплачено по лицензии на репродукцию портретов Прайда. Ответ его разочаровал: 3 процента получила семья певца, 2 — его импрессарио Тим Янсен.

— Не может быть! — взвился Маккензи. — Дайте мне эту бумажку!

Взяв в руки компьютерную распечатку, он стал скрупулезно ее изучать, спрашивая по каждой графе.

— Это, — поясняли ему коллеги, — оптовая цена изделий. Это — стоимость сырья... Это — оплата труда... Вот здесь — энергозатраты, здесь — использование машин с учетом износа. Это — реклама. Это — прибавочная стоимость...

— Ага, а вот и плата за лицензию... Точно. Ну, а эти пять процентов — компании «Стар Девелопмент» за услуги по маркетингу. Что за услуги такие?

— Определение потребности рынка, пределов его насыщения, реальной потребительской стоимости изделий...

— Не-е, ребята, я это знаю. Я не знаю, почему этим занималась артистическая компания, а не собственный департамент маркетинга «Алитера». Допустим, люди, которые всю жизнь делали это дело, чего-то не понимали в том, какой такой спрос на майки с изображением Прайда, они попросили «Стар Девелопмент» подсказать. Сколько стоит такая подсказка: десять, двадцать, сто тысяч?... И за раз. Но не 9 миллионов!.. Я правильно подсчитал проценты?... Никаких не 9 гребаных миллионов, выплачиваемых в течение 20 лет!.. Вот это вы мне объяснить не сможете... В общем так: я сейчас пойду с этим вопросом еще кое к кому, а вы пока сходите в музей, посмотрите, чьи еще портретики, артистов я имею в виду, тиражировались подозрительно много. А потом узнайте, по каким из них и кому также оплачивались маркетинговые услуги. О'кей?

Зубастая старушка-секретарша попробовала преградить ему дорогу. Маккензи вежливо ее переставил и вошел.

— Я занят! — заорал ДиКарло. — Придете, когда у меня будет время.

— Дорогой мистер ДиКарло, — извиняющимся тоном заговорил Джим, — я ведь тоже на работе.

— Что вы хотите?

— Очень немного. К тем вопросам, которые я вам задал с утра, добавились только два: почему ваша фирма вдвое увеличила оплату «Spiders EW» за использование изображения группы «Спайдерс», а еще важнее — что за маркетинговые услуги оказала вам «Стар Девелопмент» за 9 миллионов? Это я по поводу Эдварда Прайда, накануне смерти которого вы, лично вы, удачно открыли «K amp;M Clothes». А еще очень хотелось бы видеть контрактики — и со «Spiders EW», и со «Стар Девелопмент». Пока все.

Маленький человечек ДиКарло сжался в еще меньшую пружинку. Он посмотрел на Маккензи ненавидящими глазами и очень твердо произнес: «Это было давно, двадцать лет назад... Вы будете разговаривать с адвокатами «Алитер»».

Маккензи, скорчив мечтательную гримасу, сказал: «Вот что, хитрожопый, я вас разочарую: это было недавно. Потому, что в этом году тоже платили обеим компаниям. Надеюсь, вы меня поняли?... А пока у нас нет ответа на наши вопросы, я вынужден вас задержать. И вы, конечно, имеете право молчать, если думаете, что это в ваших интересах».

— По какому обвинению?!

— Пока — по обвинению в заговоре в целях убийства Дэна Леклесса. Пока задержать, а постановление об аресте ждать себя не заставит.

— И вот, представь себе, — продолжил свой рассказ Джим, — привожу я его в клетку и спрашиваю: «Ну так как, будем молчать, вызовем адвоката? Или все-таки расскажете, как у вас так все удачно совпало с этим убийством, да и со смертью Прайда?». А на руках у меня уже договоры «Алитера» со «Spiders EW» и со «Стар Девелопмент», и подписаны они между прочим, раньше, чем за год до смерти Прайда и Леклесса. Правда, подписаны предшественником ДиКарло на должности вице-президента. Бумажки, конечно, тяжелые, но если бы приперлись адвокаты и предложили залог, у судьи не было бы оснований им отказать — никаких прямых улик нет. Однако, чувствую, не хочет ДиКарло выходить и адвокатов увидеть не торопится. Боится, значит, кого-то больше, чем нас. «Мистер ДиКарло, — говорю ему, — в те времена вы всего лишь заведовали отделом продажи, договоры эти не подписывали, распорядиться о подготовке и выпуске конкретных изделий не могли. Думается мне, впрямую в заговоре вы не участвовали, не ваш это был бизнес. Но то, что вы о нем знали, — это ясно. Так сообщите нам то, что вы знаете, а мы позаботимся о вашей безопасности. Не сообщите — сами раскопаем. Но положение ваше тогда усугубится... Вы же видите: мы на правильном пути и знаем, что ищем. Для нас весь вопрос — во времени». Ну тут он совсем съезжился — как птичка под дождем — и говорит: «Мне надо подумать». — «Думайте, — говорю, — Надумаете — наши ребята ждут ваших показаний».

Стивен рассмеялся.

— Ты чего?

— Да вот историйка из 1937 года. Знаешь: был такой Сталин... И расправлялся он с оппозицией, придумывая ей всякие заговоры против коммунизма. Однажды зашел он в подвал КГБ, а там заключенный, весь избитый до неузнаваемости, висит вверх ногами. Сталин подходит к нему и говорит: «Висишь? Молчишь? А товарищ Сталин не спит, ждет твоих показаний...».

Джим насупился и подозрительно посмотрел на Стивена: «Что за дурацкая русская история?». А Стивен еще раз убедился, что русские анекдоты коренным американцам лучше не рассказывать.

— Ну так газетку ты прочел? — спохватился Джим. — А теперь посмотри, что наши ребята в «Алитере» накопили. И сравни со вторым списком.

Стивен взял бумаги и, едва начав читать, присвистнул: «Послушай, здесь каждая смерть знаменитости оборачивается резким увеличением производства всякой дряни с ее изображением и... выплат «Стар Девелопменту». Вот они, где деньги! Нужно немедленно проверить бухгалтерию «Стардева»...»

— Там уже работают. А что у тебя в Нью-Йорке?

Стивен рассказал.

— Очень интересно! — восхитился Джим. — Прямо смесь французского романа с «Однажды в Америке»... Покажи-ка мне этого Пола Келли...

Стивен воткнул дискету в компьютер.

Судя по фотографиям, похороны Майкла Пельца были многолюдными. Однако сразу бросалось в глаза, что большинство присутствовавших — молодежь. Явно — музыканты, участники «стардевовских» шоу. Собственно, это подтверждали и подписи там, где распознавательная программа справилась со своей задачей. Там, где она не справлялась — где или объект съемки был слишком мелок, или не хватило резкости — подписи гласили: «Похороны Майкла Пельца, исполнительный директор «Стар Девелопмент». 12.27.00. Групповой снимок...» А дальше перечислялись слева направо только отмеченные крестиками персонажи.

По фотографиям угадывалось, что друзей у Майкла не было: вторую группу провожавших его в последний путь составляли сотрудники «Стардева». В этой группе, а потом отдельно были засняты Марти Гаруччи и Пол Келли.

— Господи, какое старичье! — воскликнул Джим. — Ты только посмотри: с кем мы воюем!..

Действительно, зрелище было жалким: опираясь на палку, стоял 75-летний Гаруччи с печальным выражением лица, рядом — его ровесник, хоть и чуть пободрее, Келли. Он что-то говорил Гаруччи.

— У тебя есть запись разговора? — спросил Джим.

— Да, — ответил Стивен. — Вообще-то все разговоры там не представляют интереса. Кроме вот этого. — И Стивен включил диктофон.

«По-моему, ты расклеился, Марти...»

«А как ты думаешь, это легко пережить смерть парня, который на твоих глазах вырос, с которым двадцать лет работал, который, наконец, сын твоего друга...»

«Понятно. Но тут — судьба. У каждого своя. И что тут можно изменить...»

«Ну, по изменению судеб ты, Пол, у нас большой специалист. Не будь все так очевидно, я, честное слово, мог бы предположить, что без тебя не обошлось...»

«Как ты можешь?!..»

«Знаешь: могу. И причина, вроде, к тому появилась...»

«Что ты имеешь в виду?...»

«То, что Майкл заинтересовался деньгами из «Вирджинии-рекорд». Откровенно говоря, я ломал себе голову, как ему это преподнести. А он возьми — и разбейся...»

«Видишь: все, что ни делается, к лучшему...»

«Ну, ты просто — сукин сын!..»

Прослушав запись, партнеры задумались. В этом разговоре явно было что-то ключевое и явно чего-то не хватало.

— Прокрути еще раз, — попросил Джим.

Прослушали снова.

— А теперь со слов «Знаешь: могу...»

— Действительно, — включился Стивен, — его вопрос — «Что ты имеешь в виду?» —

звучит тревожно.

— А среди причин, по которым Майклу следовало бы изменить судьбу, отнюдь не Дэн Леклесс фигурирует! Какие-то деньги из «Вирджиния-рекорд»...

— То есть, если мы сохраняем версию, что Майкл убит, а убийство связано с раскруткой по Леклессу...

— Марти Гаруччи и понятия об этом не имеет! — закончил мысль Маккензи и нажал кнопку селектора: «Кто-нибудь пусть зайдет ко мне!».

Вошедшего афро-американца попросили срочно раскопать все о Поле Келли, вице-президенте «Стар Девелопмента», и, припомнил Стивен, о Гарольде Корне, водительское удостоверение — 959 279 210, штат Нью-Йорк.

— Все! — патетически произнес Джим. — Идем жрать! Думаю, к вечеру мы выясним все. В крайнем случае — завтра.

Прогноз не сбывся, потому что в тот момент, когда Стивен со страхом наблюдал, как Джим расправляется с двухфунтовым бифштексом, зазвонил его телефон. «Фрэнк Марлоу, — прочел он на Caller ID, — тюрьма «Синг-Синг».

— Привет, Фрэнк! Что-нибудь случилось?

— Есть одна деталь, которую, мне думается, тебе не мешало бы знать.

— Что именно?

— Я разговорил Кэрригана, и он ее припомнил. За час до убийства он звонил своему доктору, Мо Плоткину. Он всегда ему звонил, когда чувствовал себя не в порядке.

— И о чем они говорили?

— Кэрриган не помнит.

— Не помнит?...

— Нет, абсолютно...

Когда Стивен передал разговор Маккензи, тот зло отодвинул прогнувшуюся тарелку и прорычал: «Какой еще, в жопу, доктор?! У него уже нет роли в этом кино!».

— Боюсь, что есть, — пошли на взлет брови Стивена. — Кажется, мы ведем следствие по петиции Кэрригана. Он утверждает, что кто-то ему помог нажать на курок. В том раскладе, что мы имеем, помочь мог только доктор Плоткин. Между прочим, этот доктор светился с самого начала, а потом еще и выяснилось — он и Майкла лечил, и Грету, и так подстроил, чтобы их соединить и отнять девушку у Келли. И тот его требованию подчинился...

— Хорошо, — снова придвинул тарелку к себе Джим, — сейчас дожую, и пойдем просвечивать чертова доктора.

Они отсутствовали в офисе час с небольшим. Но этого времени хватило, чтобы к их приходу подготовили две папки.

— Посмотри-ка, — воскликнул Маккензи, — а наши друзья, оказывается, известные люди!

И отдав распоряжение относительно Плоткина, партнеры погрузились в чтение.

Выяснилось, что Пол Келли — уроженец Феникса. Там же закончил университет и медицинскую школу. Психиатр. В 1952 году переехал в Лос-Анджелес, работал в Грантовском медицинском центре. В 1953 году был арестован за открытую продажу рецептурных наркотиков, осужден на 2 года условно, лишен права работать в медицине. С 1954 года работал менеджером в реабилитационном центре доктора Мо Плоткина, с 1955

года одновременно являлся консультантом агентства «Стар Девелопмент». В 1959 году Келли восстановил права на медицинскую практику. В 1969 году полностью перешел в работу в «Стар Девелопмент», возглавив там департамент маркетинга. В 1975 году попытался вернуться к медицинской практике, открыв офис в Лас-Вегасе. В 1976 году офис был закрыт, а Пол Келли снова возглавил департамент в «Стар Девелопменте». С 1979 года Пол Келли — вице-президент «Стар Девелопмента».

Выяснилось, что Пол Келли — вдовец, имеет двух дочерей, двух внуков и внучку...

Главным же были доклады полиции и ФБР, где упоминалось о связях Пола Келли с криминальным кланом Гаруччи. Келли подозревался в поставках наркотиков, шесть раз с 1955 по 1965 привлекался в качестве свидетеля по делам наркоторговли. И, наконец, в 1963 году Пол Келли привлекался в качестве свидетеля при расследовании обстоятельств смерти Мелинды Монтрей, которую он опекал, будучи сотрудником «Стар девелопмент»...

— Господи боже мой! — воскликнул, прочитав это Джим. — Стивен, ты меня можешь ущипнуть?

— Лучше я тебя переключу на другой сон. О Гарольде Корне.

Сообщалось, что Гарольд Корн, уроженец Нью-Йорка, выпускник школы Ла Гвардия, с 1972 года был ударником в рок-группе «Виндоу». После распада группы, в результате самоубийства ее лидера Джадда Морвилла, в 1977 году Корн создал ансамбль «Лунные мальчики», который постоянно выступал в ресторане «Барокамера». С 1981 года по 1985-й работал в агентстве «Стар Девелопмент» менеджером рок-группы «Чапс». В 1985 осужден на 10 лет за ввоз в США 20 унций героина. В 1992 году условно освобожден. С 1993 года работает в автопарке Управления благоустройства Нью-Йорка.

Трехсторонний портрет Корна тоже произвел впечатление: высокий, темноволосый...

— Вот теперь проснись и ты увидишь, кто пакет со взрывчаткой принес, а главное — откуда выехала водовозка на Соу Милл-парквей, — сказал Стивен. — Гарольд Корн проехал на ней, освободил бак, а потом вернулся через час-другой.

— А вот это мы можем проверить, — вдохновился Джим и, позвонив в Нью-Йорк попросил отправить кого-нибудь в гараж Управления благоустройства. — Только, пожалуйста, сделайте это тихо, — предупредил он.

В кабинет занесли кипу факсовой бумаги. Взглянув на нее, Джим еще больше обрадовался: «Смотри-ка, ДиКарло заговорил!». Прочитал, подчеркнул пару абзацев желтым фломастером и протянул протокол допроса Стивену: «Кое-что это разъясняет, но до самой точки мы вряд ли докопаемся».

Все вопросы, поставленные еще раньше Маккензи, получили ответы через «мертвяка». Предшественник ДиКарло на посту вице-президента «Алитер», некто Макс Огден, заключал контракты. Он же рекомендовал открыть в Нью-Йорке компанию оптовой продажи с уставным капиталом 3 миллиона долларов и сам внес полтора, ДиКарло внес 750 тысяч и еще 750 тысяч — Мартинес. Откуда взялся Мартинес? — Он держал магазин и делал напрямую крупные заказы, у него огромный опыт уличной торговли, потому его и выбрали. ДиКарло съездил за ним в Нью-Йорк, а договаривался с ним Огден. Сдавал второй этаж под клуб «Спайдерс» сам Мартинес по рекомендации Огдена. Насчет президента клуба ДиКарлс ничего не знает.

И вот подчеркнутое фломастером.

— Огден и с вами договаривался. Как он вас убедил, ведь 750 тысяч огромные деньги?

— Ну, во-первых, он сам вложил полтора миллиона. А, во-вторых, он сказал, что

располагает информацией, что «Алитер» намерена провести мощную кампанию по созданию ажиотажного спроса на ряд изделий. Это было убедительно.

— И это оправдалось, когда неожиданно умер Прайд, не так ли?

— Да, конечно.

— То есть, обещанный вам ажиотажный спрос был стимулирован смертью Эдварда Прайда? Вы это поняли тогда?

— Нет, тогда я этого не понял...

— А когда вы это поняли?... Вы сказали, что тогда вы этого не поняли. Значит: поняли в конце концов... Когда? Отвечайте!

— Я это понял после убийства Дэна Леклесса.

— Каким это образом?

— В начале 80-го оборот «K amp;M Clothes» практически упал до нуля. Я подошел к Огдену с предложением закрыть компанию или продать. Он сказал, что надо совсем немного подождать...

— Так и случилось, и вы все поняли... Так? И, конечно, заметили, откуда взялся убийца... Из клуба «Спайдерс» на втором этаже... Почему же вы не пошли в полицию?

— Я испугался. И потом...

— И потом вы заработали на этом несколько миллионов. Правда?...

В каком году вы закрыли «K amp;M Clothes»?

— В 1986-м.

— Почему?

— Она стала убыточной.

— В каком году вы стали вице-президентом «Алитер»?

— В 1986-м. Когда умер Огден.

— То есть до этого вы надеялись, что «K amp;M Clothes» еще что-нибудь перепадет...

— Virtuозно сработано! — оценил следователя Стивен.

— Во всяком случае, теперь понятно, кто в «Алитер» вел этот бизнес и с кем имел дело Пол Келли, пристраивая Майкла Пельца президентом клуба, создавая клуб, организовывая убийство Леклесса. И главное — теперь уже нет сомнений в том, что именно Келли сыграл первую скрипку.

— Да и для Гарольда Корна, кажется, определилось место в этом оркестре.

— Ну да, ударника, — усмехнулся Джим.

— Именно. Как видим, с Келли он работает давно — еще со времени «Виндоу». Возможно, что именно от него досталась сверхдоза героина Джадду Морвиллу. Он и пистолет мог подсунуть этому придурку Руперту Вейну, да и кончить его тоже. Не случайно же у сэра Милштейна оказался его телефон. Наконец, убийство Майкла Пельца...

— Вот это мы скоро выясним. Все остальное — из области догадок, как говорится — узнаем при личной встрече. А пока меня волнует то обстоятельство, что, согласно досье, Келли — человек из клана Дино Гарручи. Марти Гарручи — его сын, с ним Келли рука об руку почти полвека, но Марти, похоже, не в курсе того, о чем ты говоришь...

Джима прервал телефонный звонок. Из Нью-Йорка сообщали, что две машины водовозки, действительно, работали 24 декабря до часа ночи — заливали к Рождеству площадку под каток в Северном Бронксе.

— Это у них случайная работа? — поинтересовался Джим.

— Нет, каждый год, если погода позволяет.

— А кто конкретно работал?

— Хуан Гарсиа и Гарольд Корн.

— Понятно. Корна немедленно арестуйте... И арестуйте Пола Келли... По обвинению в убийстве Майкла Пельца... Да, Майкла Пельца, — распорядился Джим и, обернувшись к Стивену, сказал: — Ну вот, теперь езжай к Корну и выбивай подробности. Как только дождемся досье на доктора.

Ждать пришлось недолго. Вскоре занесли папку, в которой фигурировал Моше Плоткин, 1911 года, родившийся в Праге, там же окончивший гимназию и поступивший в 1929 году на медицинский факультет Венского университета. В 1934 году он заканчивает университет со специальностью психиатра. В 1937-м эмигрирует в США. С 1937 года по 1940 год учится в докторантуре университета Беркли и защищает диссертацию PhD. С 1941 года работает в университете Беркли профессором-исследователем по ряду проектов, финансируемых Министерством обороны. В 1948 году открывает собственную клинику в Санта-Барбаре, специализированную на лечении алкоголизма, наркомании, а также на общей психотерапии. Основной контингент пациентов — актеры, режиссеры, высшие менеджеры кинокомпаний, крупные бизнесмены Лос-Анджелеса. В 1973 году доктор Плоткин продал свою клинику доктору Энтони Горну, переехал в Нью-Йорк, где открыл офис на Ист 64 стрит. С 1974 года вел курс гипнотерапии в Колумбийском университете, опубликовал 51 статью и две монографии по проблемам психотерапии, за одну из которых удостоин специальной награды Всемирного общества фрейдистов. В марте 1981 года профессор Плоткин выехал из США в Австрию.

За доктором Мо Плоткиным не числилось абсолютно никакого криминала, хотя он постоянно находился в поле зрения ФБР как друг семьи Гаруччи.

— Ты это хотел узнать? — усмехнулся Джим. — Имеешь.

Стивен уже было закрыл папку, как на глаза ему попала копия вырезки из «Лос-Анджелес таймс» с портретом Мелинды Монтрей. Это было интервью доктора Мо Плоткина под заголовком «Ее можно было спасти». И в этом интервью доктор сожалел, что его не было рядом с Мелиндой, когда с ней случился нервный кризис. Да, она ему звонила перед тем, как отравиться снотворным, но вряд ли он успел бы приехать. «Век сейчас такой, — заявил доктор, — что мы можем избежать самоубийств, только приставив к каждому человеку по психиатру».

— А как тебе это понравится? — подсунул Стивен бумагу Джиму.

— Ну и?... — спросил Джим, пробежав ее глазами.

— Он так же, как и Келли, работал с Монтрей. И заметь: она ему звонила перед смертью... И Кэрриган звонил, прежде чем выстрелить...

— Господи, куда тебя заносит! — разозлился Джим. — Ладно, завтра будешь допрашивать этих красавцев — можешь поинтересоваться у Келли. Еще можешь в свободное время подъехать в бывший офис Плоткина. Представляю: там Стивену Киршону явится тень доктора... Святой Иисус, какой идиотизм!

Джим замолчал, напряженно уставившись в дисплей компьютера, а кресло под ним как бы еще больше присело.

— Что случилось? — спросил Стивен. — Что тебя вдруг так беспокоит? Думаешь, нам не хватит доказательств, и суд их может освободить?

— Нет, — покачал головой Джим, — Я все пытался понять: откуда у тебя такое буйное

воображение? И вот теперь, кажется, понял: это — не твоя страна, а потому ты можешь допустить что угодно... Для тебя это — безболезненно... И мне бы наплевать на твои бредни, если бы... Если бы это не сбывалось.

Джим вновь умолк. Стивен тоже предпочел не возникать. В конце концов, у Маккензи нет к нему профессиональных претензий. Но молчание затянулось и становилось тягостным. Джим барабанил толстыми пальцами по клавиатуре и сопел, пытаясь разобраться в себе.

— Ты только не обижайся, — снова начал он. — Знаешь, что меня зацепило?... Ты в шахматы играешь? (Стивен кивнул). Ну так представь: была задача — мат в три хода. Мы знали, кого заматовали, — Леклесса, и какой фигурой — Кэрриганом, и всего-то нам нужно было прокрутить два хода назад, и то для очистки совести. А получилось, что мы все раскручиваем и раскручиваем целую партию, странную, полную какой-то абсурдной логики и жестокости. Где спокойненько жертвовали и пешками, и фигурами. Сначала я сказал себе: «Ладно, такая это партия, под названием Шоу-бизнес...». Но теперь вот думаю: а если бы мы начинали не от леклессовского мата, от какого другого — на любом поле, неужели увидели бы в совсем других партиях схожую картину?

— Ага, — решил разрядить партнера Стивен. — Особенно — в Сицилианской защите.

— Перестань! — возмутился Джим. — Я это очень и очень серьезно. Вот сейчас сижу и со страхом жду E-mail от ребят, которых послал в «Стар Девелопмент». Честное слово, я уже боюсь новых открытий...

Маккензи словно накликал. Тут же заговорил компьютер: «You got a mail!». Партнеры впились в экран. Он был испещрен цифрами, смысл которых заключался в одном: основные деньги компания «Стар Девелопмент» заработала на печально кончивших свои дни исполнителях, после их смерти. А главным плательщиком была отнюдь не «Алитер», а рекординговая компания «Вирджиния».

— Посмотри! — комментировал Джим. — В общей сложности она заплатила «Стар Девелопменту» 65 миллионов долларов. Представляешь: сколько заработала? — Полмиллиарда!

— С чего ты взял?

— Да хотя бы по аналогии с этим контрактом, — и Джим открыл на экране просканированный «P-25». — Видишь: «Вирджиния» платит 7 процентов от прибавочной стоимости от выпуска дисков Эдварда Прайда... И та же формулировка, что с «Алитером», — «маркетинговые услуги»... Ну вот, кажется, и я нашел себе последнюю работенку на завтра. Поеду в Феникс, узнаю, что за маркетинговые услуги такие. Все. До послезавтра... Да, — спохватился Джим, — ты видишь: никаких следов, что «Стардев» что-то поимела от убийства Леклесса...

«Вот и все: век кончается. И тысячелетие, — размышлял Гарри Пельц. — Когда-то, в детстве пытался себе это представить, все думал: доживу — не доживу. И думал, что вечность впереди. А вот дожил. Ну и что? И вообще: век и тысячелетие — это только по христианскому календарю. Для буддистов, евреев или мусульман никакой такой круглой даты нет. Так-то оно так, но если, например, француз едет из Монреаля в Нью-Йорк, он все равно отмечает, что осталось 200 миль, 100... И даже не думает переводить мили в километры. Впрочем, с веком и тысячелетием круглой цифры не получается. Это я так думаю. А другие считают, что Миллениум наступил как раз на круглой цифре. Тоже правы: как хочешь — так и считай. Хочешь — привяжи свою жизнь у одной дате, хочешь — к другой...»

Но, наверное, не к таким датам нужно свою жизнь привязывать. И вообще — не к датам. Пусть они будут на кладбище, а жизнь нужно привязывать к близким людям. Мама, Рэйчел, маленький Майкл... Потом?... Последние двадцать лет у меня, кажется, совсем никаких нитей не было. Существовал, ездил по миру, блуждал по музеям, встречался, расставался, возвращался в Вегас, играл в покер. Континенты, страны, города, отели, лайнеры, самолеты... Есть, что вспомнить, но можно и не вспоминать, а тысячи фото выбросят без разбору, потому что никого они не греют. Кому интересен Гарри Пельц на фоне буддийского храма или в компании аборигенов, если самому себе он неинтересен?

Целых двадцать лет! Что же было? Дни рождения и свадьбы племянников, похороны братьев и сестры? Все-таки! Собирались семьей. Какие ни разные, а радовались вместе или горевали... Что еще?... В 95-м, встреча на Арлингтонском кладбище... Эй, солдаты, кто живой через 50 лет после Победы?...

Опять я о кладбище! Когда тело Майкла опустили, я видел эти оборванные нити — в руках могильщиков. Их вытащили из-под гроба, и были они оборванными с обоих концов — ни прошлого, ни будущего. Кажется, за эти мои 20 лет я все похоронил, кажется — и себя.

Меня что-то держит? Я что-то еще хочу увидеть, узнать?... Да! — вдруг обрадовался Гарри. — Маленький Джозеф, маленькая Рэйчел! Что будет с ними? В эти 20 лет они как раз и росли. Вот только меня не было рядом. Разве что пару раз они приезжали, а еще восемь лет назад я вместе с ними ездил в Мексику... Кажется, все. Жаль, что так получилось. И все было бы иначе, если бы не эта потаскушка, их мать. Слава богу, что за эти годы я ее почти и не видел...

— Мистер Пельц, — растормошила его Анна, — приехала жена Майкла, Грета!

Пораженный Гарри, просто рванулся из кресла. К нему подходила печальная и красивая, чем-то похожая на Мелинду, женщина.

— Здравствуйте, папа. Мне сказали, что я должна на неделю укрыться у кого-нибудь из родных. А у меня, кроме вас, никого нет.

У Киршона в Нью-Йорке сразу все не заладилось. Прямо из аэропорта он приехал в штаб-квартиру ФБР, а там ему сказали, что ни Келли, ни Корн пока не арестованы, их еще не нашли, хотя уже подключили и полицию.

— Думаете, смотались? — спросил Стивен.

— Похоже, что да, — ответил агент-фотограф. — И вряд ли скоро мы их найдем.

— Что ж так пессимистично?

— Следов нет никаких. Как сквозь землю провалились.

Получалось, что зря Стивен приехал, нечего ему в Нью-Йорке делать, пока не обнаружат этих двоих. И, возможно, хорошо, что они сбежали: лишнее доказательство, с которым можно будет дожать кого-нибудь из них. Стивен понимал, что прямых улик нет. Как нет и ясности, кто все-таки помог Кэрригану надавить на курок.

«Нужно разобраться до конца с Плоткиным», — решил Стивен и для начала заглянул в адресную книгу. Офис врача-психиатра на Ист 64-й еще существовал, только имя врача было Генри Коэн. Позвонив и убедившись, что доктор на месте, Стивен направил свои стопы на Ист 64-ю.

Доктор Коэн оказался маленьким подвижным человечком, лет 55, с длинной бородой, делавшей его еще более низкорослым, похожим на лукавого гнома. Когда Стивен сказал ему, что интересуется доктором Плоткиным, тот, весело улыбнувшись, сообщил, что на этом свете интересоваться им уже бесполезно. Ибо умер доктор в 1993 году. Каждый приличный психиатр это знает, поскольку доктор Плоткин был солидной фигурой.

— Кроме того, я с ним поддерживал отношения, мы переписывались, перезванивались, — сообщил доктор Коэн. — Он жил в Вене, вы это знаете?

— Да. А отчего он вдруг уехал на старости лет?

— Тут две причины. Во-первых, ему был предложен пост вице-президента Всемирного общества фрейдистов, а, во-вторых, наплась его жена Хельга, с которой он расстался в 1937-м. К ней он и уехал.

— Она жива?

— Пять дней назад была жива. Я ее поздравлял с Рождеством.

— То есть, ей можно позвонить...

— Да, если знаете немецкий.

— Я не знаю. Но мне кажется, что вы... Вы могли бы быть моим переводчиком?

— Час моей работы стоит двести долларов, — неожиданно сказал доктор. — А еще и звонок в Вену...

Остолбеневший Стивен вынул две стодолларовые бумажки. Доктор весело рассмеялся: «Ну вот и разрядились. А то вы слишком уж озабоченный. Спрячьте ваши деньги. Я беру только за работу». И стал набирать телефон Хельги.

Хриплая старушка сказала, что ни о каком Леклессе или Кэрригане она никогда не слышала. Что после смерти доктора Плоткина, по его завещанию, все его бумаги она передала в Музей Зигмунда Фрейда. Кроме одного конверта: доктор Плоткин распорядился отдать его по первому требованию... полиции США.

— Вот это да! — поразился, положив трубку, доктор Коэн. — Послушайте, инспектор, вы не посвятите меня немного, что там за история с Леклессом и Кэрриганом? Если это

связано с психологией, может быть, я окажусь полезным...

Стивен снова вытащил две бумажки по \$100, и они оба расхохотались.

Когда Стивен закончил рассказ, доктор, после некоторого раздумья, произнес: «В это трудно поверить...»

— Во что? Так не бывает? — спросил Стивен.

— Бывает. Но трудно поверить, что Мо Плоткин был на это способен... Видите ли, то, что Плоткину не было равных в гипнотерапии, все знают. То, что вы рассказали, если это, конечно, произошло, в психиатрии называется локальным или избирательным гипнозом — когда отключают одну сферу сознания и активизируют другую. Добиться такого эффекта чрезвычайно сложно, тем более — по телефону. Да, конечно, если пациент несколько раз был загипнотизирован, порой, даже один раз, он уже всегда будет реагировать на голос психиатра. Можно по телефону полностью отключить его сознание... Но избирательный гипноз по телефону?... Возможно. Но это — высочайший класс! Зачем психотерапевту уровня Плоткина это было нужно?...

— Ответ, наверное, в конверте, о котором вы слышали.

Выйдя от доктора Коэна, Киршон немедленно позвонил в штаб-квартиру ФБР и получив ответ, что Келли с Корном еще не нашли, позвонил Маккензи.

— Я так и предполагал, что ты снова придумашь себе туристские радости за счет налогоплательщика, — сказал, выслушав его, Джим. — Давай-давай, мотай в Вену, пока партнер за тебя отдувается в паршивом Фениксе и еще черт знает где.

— Где еще, интересно?

— Да вот придется слетать в Лос-Анджелес. Представь себе, «Вирджиния-рекорд» заплатила огромные деньги, порядка 30 миллионов, фирме «Вест Шор Констракшн» якобы за строительство звукозаписывающей студии в Голливуде.

— Ну и что? Не вижу связи.

— А то, что студия эта, как я узнал, — паршивая халабуда, которая больше миллиона не стоит, а «Вест Шор Констракшн» принадлежала Дино Гаруччи, папаше Марти Гаруччи. Вот и есть у меня подозрение, что столь щедрый дар — из тех же денег.

Через два с половиной часа Киршон был уже в самолете, улетающем из Ньюарка в Вену. А утром 31 декабря он предъявил свое полицейское удостоверение божьему одуванчику Хельге и поблагодарил судьбу за то, что успел к ней, пока ближайший ветер не сдул с нее последние пушинки.

Конверт, который Хельга ему вручила, был картонным, по-старомодному запечатанным сургучными печатями какой-то, видимо, старинной нотариальной конторы. Старушка даже не поинтересовалась, с чего это вдруг американская полиция к ней все-таки обратилась. Она вообще ничего не спрашивала, видимо, наученная опытом шестидесятилетней давности. И даже чашку кофе она Стивену не предложила, и он, премного ей за это благодарный, ринулся на такси в аэропорт. Очень ему хотелось вернуться домой до наступления Нового года.

По дороге в аэропорт он взломал печати и, наконец, открыл конверт, обнаружив там письмо доктора Плоткина.

Господа,

Если вы читаете это письмо, значит, суждено, чтобы истина о ряде страшных преступлений открылась, и вы, действительно, к тому близки. На этот случай я и пишу — отнюдь не для того, чтобы оправдаться или снискать себе сомнительную посмертную славу. Меня, как вы понимаете, больше устроило бы забвение.

С другой стороны, в совершенном мной есть некая логика и предназначение. Я на это надеюсь! Без убийств, как вы знаете, облики святых не складываются...

Однако не буду философствовать, буду говорить конкретные вещи.

Так случилось, что я попал в зависимость и стал объектом шантажа со стороны Дино Гаруччи. Я не участвовал ни в каких его мафиозных делах, связанных с рэкетом, наркотиками, игорным бизнесом или с чем другим, о чем и понятия не имею. Но порой я должен был делиться с ним информацией, полученной на сеансах психотерапии. Я не знаю, к каким последствиям это приводило, а потому в этих случаях мне можно инкриминировать только нарушение врачебной тайны. Но однажды по воле Гаруччи я вынужден был участвовать в убийстве моей пациентки Мелинды Монтрей, находившейся в гипнотической зависимости от меня.

Все, что предшествовало ее смерти, хорошо известно. Мелинду Монтрей довели до тяжелейшего, пограничного психического кризиса. Барбитураты, к которым ее приучил непосредственно наблюдавший за ней врач, мой ассистент Пол Келли, приносили ей в этом состоянии некоторое облегчение, удерживали ее от перехода в стадию шизофрении. В этот момент Дино Гаруччи потребовал от меня, чтобы я, используя гипноз, заставил Мелинду совершить самоубийство. Я позвонил Мелинде и внушил, что она должна каждую минуту выпивать по две таблетки снотворного, пока не уснет. Я пообещал не класть трубку до того, как она уснет. Так все и произошло...

Больше никогда Дино Гаруччи не пользовался моими услугами, и я был уверен, что смерть Мелинды Монтрей, так сказать, выкупила меня. Однако спустя 15 лет именно о ней напомнил мне Пол Келли и, шантажируя раскрытием тайны, потребовал оказать последний нажим на Кевина Кэрригана, также моего пациента, гипнотически зависимого.

Время от времени у Кевина Кэрригана возникали психологические кризисы, связанные с перенесенной в детстве травмой. В таких случаях ему было предписано звонить мне. Позвонил он и тогда, когда под влиянием своих друзей решил застрелить Дэна Леклесса. И все, что мне потребовалось, — сказать: «Иди, и сделай то, что решил».

После этого я реэмигрировал в Австрию.

После преступления, которое заставил меня совершить мой бывший ассистент и друг Пол Келли, я проанализировал наши многолетние отношения и понял, что в течение всех этих лет он, талантливый психолог, используя свои знания и навыки, управлял действиями многих артистов и музыкантов, подопечных компании «Стар Девелопмент». Он часто консультировался со мной по поводу психологического состояния многих из них, но я даже не подозревал, что делается это отнюдь не с целью им помочь. В случае Кевина Кэрригана, по-видимому, Полу Келли не доставало профессионализма...

Вот, собственно, и все, что я хотел сообщить.

С почтением,
Д-р Мо Плоткин.
12 сентября 1990 г.

«Ну, вот, догадки окончательно подтвердились», — подумал Стивен. Сияя, он выскочил из такси в аэропорту и первым делом устремился на переговорный пункт. Маккензи откликнулся сразу.

— Слушаю, дружище. Ты уже возложил цветы на могилу гения психологии?

— Да, и мне явился его дух.

— И что же он тебе поведал.

— Да все то же: о том, как он влил яд в ухо Кэрригану, чтобы тот шмокнул Леклесса. То есть это — в его личном письме, а на конверте нотариальные сургучные печати.

— Ух ты! Ну, поздравляю, победил! Теперь лети сюда и побыстрее!

— Куда это, сюда?

— В Лас-Вегас. До Нового года успеешь?

— В Вегас? — недовольно переспросил Стивен. — Чего — в Вегас?... Я хотел в Нью-Йорк. Знаешь, Новый год у нас, русских, — главный праздник, и его с семьей встречают...

— Как знаешь. Но понимаешь, Марти Гаруччи прилетел в Вегас. Что-то затевается. И потом, я думал, что ты заслужил попристествовать при их аресте.

— Хорошо, — подумав ответил Стивен. — Попробую прилететь.

Лететь предстояло через Франкфурт. Одна радость — время движется в сторону Америки, а не наоборот. Стивен добрался в девять вечера. Встречавший его Джим сообщил, что у него еще есть время принять душ побриться и одеть токсидо.

— Ты шутишь, — рассмеялся Стивен.

— Ни в коей мере! Разве мы не должны встретить Новый год, век, тысячелетие как приличные люди?

Они приехали в тот же «Хилтон», поднялись на восьмой этаж, и когда Стивен вышел из ванной, его, в самом деле, ждало токсидо, а Джим сидел в кресле, похожий на гигантского пингвина.

— Теперь поторапливайся, — предупредил он. — Они встречаются в 11, в «Венеции», на втором этаже. Это — идея Гаруччи, понятно — почему. Ну, видно, и нам там Новый год встречать.

— Они — это кто? — спросил Стивен.

— Марти Гаруччи и Гарри Пельц. Одни. Хотя в городе и внуки Пельца — Джозеф и Рэйчел, их старик зачем-то вызвал.

— А Келли с Корном нашли?

— Корна нашли в Квинсе, застреленным, а с Келли проблема — нет его нигде.

Ресторан в «Венеции», вопреки традиции, был залит громкой музыкой. «С Новым годом!» — поприветствовал партнеров метрдотель и провел к столику на берегу «канала». Джим показал на пока пустующий столик на их же берегу и сообщил, что его-то и займут Пельц и Гаруччи. «Дадим им потолковать. У нас есть прослушка», — предложил он.

Первым в зал вошел, опираясь на палку, Гаруччи, и метрдотель аж засеменял перед ним. Сев за стол, Гаруччи обвел взглядом зал, остановившись, как им показалось, на секунду на Джиме и Стивене. Потом он провел рукой под столом, и лежавший перед Джимом маленький динамик захрипел, передавая жалобу микрофона, что его задели. Джим покраснел от напряжения, но больше жалоб не последовало. Через несколько минут Стивен увидел Грету, в красивом черном платье, катящую перед собой коляску с совсем древним стариком. Они добрались до столика, Грета кивнула Марти, помогла Гарри пересесть на стул и сложила коляску.

«Спасибо, дорогая, — услышали Джим и Стивен из динамика. — Я тебе не предлагаю присесть, потому что тебя дети ждут. Поцелуй их за меня еще раз. Мне очень жаль, что так поздно мы стали семьей».

«С Новым годом, папа. До свидания».

Старик притянул Грету к себе и поцеловал.

Молча, глядя друг другу в глаза, сидели Гарри и Марти. Трое официантов открывали бутылки с водой и вином, наливали бокалы, обкладывали стол закусками. Когда они ушли, Марти вздохнул, а Гарри сказал: «Совсем, я гляжу, мы постарели, Марти. Оба насквозь седые. А когда-то оба рыжими были...»

«Наш век уходит. Что тут сделаешь...» — отвечал Марти.

«Тут можно только за него выпить...»

«Ну да. К тому же и положено...»

Чокнулись и пригубили вина.

«Ты-то что так слабо, Марти? Когда-то ты умел поддаться...»

«Печень болит, вот и берегу себя к новогоднему шампанскому. А кроме того, наверное, мы должны что-то друг другу сказать, пока есть время...»

«Должны. Мы, вообще, как выясняется, кругом должны, хотя, кажется, цена и так уже заплачена непомерная... Но, может быть, Марти, пока платил только я, ты уже на том свете сполна заплатишь».

«Уже торгуешься? — рассмеялся Марти. — А по какому курсу там твои земные несчастья? Думаю, здесь, у нас — полная инфляция».

Помолчали.

«И почему тебе кажется, что мои счета дешевле твоих? — вновь заговорил Марти.

«Мне не кажется, я знаю... Я знаю, что ты с самого начала был готов жить так, как жил, делать то, что делал. А я нет. Вы мне это навязали...»

«Чушь, Гарри, чушь! — прервал Марти. — Что тебе навязали? Мозги, несогласные с тем, чтобы сидеть в подвале, тачать туфли, пить виски и уныло брюхатить жену? Волю не стать мелким прохиндеем, как твои старшие братья, не оказаться бескозырной швалью в чужой игре? Разве не твое это было решение — самолично сдавать карты, а чтобы не проиграть — укрепиться джокером из семьи Гаруччи?... Вот только об одном ты забыл: чем лучше товар — тем большую цену за него платят. Каждый в своей жизни получает равновесное количество радостей и несчастий. Самый первый скачок — рождение, но ведь смерть уравнивает. В сумме — всегда ноль, разные только амплитуды от нуля. У маленьких людей и амплитуды эти почти незаметны: перепил — заработал похмелье, дал по морде — получил сдачи, изменил жене — она ему... Простая жизнь — простые взаиморасчеты. А чем ты крупней, тем сложнее прогнозировать — где найдешь, а где потеряешь. Но будь уверен: за все удачи заплатить придется, причем на этом еще свете, потому как должно быть равновесие, чтобы свет этот не перевернулся. Так что стоит задуматься, прежде чем рваться наверх — к власти, к деньгам, к открытиям, к славе. И касается это не только отдельных личностей. Кто-кто, а евреи должны бы это знать лучше всех. Они и в отдельности, и как народ больше всех нарушают равновесие. Из поколения в поколение все больше увеличивают амплитуды — во всех странах и во всем, чем бы ни занимались. Можно восхищаться, можно до ненависти завидовать, а можно вспомнить, что из поколения в поколения платят они за это все большую цену...»

«Ага, — прервал его рассуждения Гарри, — и чтобы поставить евреев на место понадобился немецкий фашизм. Ну, а для еврейчика Гершеля Пельцмахера хватит и...»

«Стоп, стоп, Гарри! — горячо заговорил Марти. — Поверь, никакого отношения к убийству Леклесса ни я, ни «Стардев» не имеют. Однажды я тебе обещал ни во что Майкла не вовлекать, и я держал слово. И не только потому, что уже никаких таких дел не стало... И не могу сказать, что как-то по особенному заботился о Майкле, в конце концов у него был отец, но я не допускал, чтобы он был в курсе даже сомнительных пиаровских акций. Леклесс — это стопроцентно операция Келли. Не знаю, то ли жадность его обуяла, то ли спортивный азарт. Он сам вышел на Милштейна и закрутил эту комбинацию. Виртуозную, надо признать. Я и понятия о ней не имел все эти годы. Жаль. Ведь Майкла он убрал только из страха, что я все узнаю. В способность ФБРовцев дознаться он не верил... — Марти помедлил. — И зря, между прочим... Джентльмены, вы не присоединитесь к нам? Вместе встретим Новый год... Могу поклясться: такого шампанского вы никогда не пили...»

Джим и Стивен растерянно переглянулись.

«Да-да, — продолжил Марти Гаруччи, — насколько я понимаю вы, мистер Киршон, и вы, мистер Маккензи, меня слышите. Так не стесняйтесь, переезжайте сюда. А за ваш столик уже заплачено».

Совсем растерявшись, Джим и Стивен подошли к старикам.

— Садитесь пожалуйста, — любезно предложил Гарри. — И пусть вас не смущает, что мы заплатили за ваш столик. Ведь получилось, что это мы вас пригласили, когда договаривались здесь встретиться... Маленькая хитрость — чтобы вы нам не помешали проститься с бездарно прожитым веком.

— Есть еще немного времени, чтобы в будущем веке вас не занимали вопросы нынешнего. Задавайте, если хотите, — предложил Марти.

— У меня — только один: где Келли? — спросил Джим.

— Его в природе больше не существует, — сообщил Марти. — Несмотря на то, что лихо сбежал на Барбадос, где у него хранились деньги от Милштейна. Оттуда вам сообщат, что нашли его труп.

— И у меня один, — посмотрел на стариков Стивен. — Двадцать лет назад, даже больше, вы еще были в неплохой форме, а так сказать, смертей во имя вечности больше не наблюдалось. Во всяком случае, за вашим «Стардевом» больше не наблюдалось... Почему?

— Сразу видно, что вы — не из шоу-бизнеса, — усмехнулся Гарри. — Посмотрите вокруг: разве есть кого убивать?... Убивать больше некого!

Большой экран в зале показал, как в Нью-Йорке, на Таймс-сквере падает хрустальный шар. Четверо мужчин, не отрываясь от экрана, выпили по бокалу янтарного «Дом Периньон». А на экране смуглолицая четверка с серьгами в бровях и ушах уже пела речитативом первую песню начавшегося Тысячелетия:

Как же тебе в проджекте
Миллениум начать,
если ты motherfucker?
Надо тебе суку
погрудастей отодрать,
если ты motherfucker.
У жителя проджекта
одна ценность -
это его огромный пенис.

Примерно в час утра джентльмены покинули казино «Венеция», причем, Пельц и Гаруччи успели поставить по \$1000 на «зеро» и проиграть. Поутру Маккензи и Киршон вылетели в Вашингтон, а Пельц и Гаруччи, в сопровождении четырех агентов, — в Нью-Йорк.

— Быстро же у вас все получилось! — сказал Верховный судья Уинфри Хуберт, закрывая отчет.

— Киршон даже отпуск не успел догулять, — поддакнул Джон Кальварес.

Поулыбались. И у Джима со Стивеном уже не было возможности сказать, что больше всего времени у них отнял именно этот отчет.

— Но вы понимаете, — продолжил судья, — что дело еще не окончено. Нужно еще долго выяснять, кто кому платил и за что. И не только это. Похоже, мы имеем дело с явлением. Вот посмотрите: вчера ни с того ни с сего убита испаноязычная певица. Каждый год мы имеем пять-шесть подозрительных смертей лидеров шоу-бизнеса, а уж явно подстроенных скандалов...

— Вы думаете, ваша честь, что не только «Стар Девелопмент» так развлекалась?... — спросил Джим Маккензи и ехидно улыбнулся. — Гарри Пельц нам авторитетно заявил, что больше убивать некого.

— Может и в самом деле некого. Но у всех свои масштабы. И пора разобраться, насколько сегодняшние «звездные» законы шоу-бизнеса соответствуют законам США... Пожалуй, это потянет на слушания в Конгрессе... Так что, мистер Киршон, вам предстоит еще много работы.

— Тут какая-то путаница, ваша честь, — возразил Стивен. — Я — полицейский, и, как сказано, отпуск у меня кончился...

— Забыл вам сообщить, — перебил его Кальварес, — вас с нетерпением ждут в отделе кадров ФБР.

* * *

Через неделю Маккензи и Киршон встретились в той же самой харчевне, что и в первый раз. Джим снова погружал в себя галонны китайского месива. Радостно помахав жирной ладонью, он протянул Стивену засаленную «Вашингтон пост». Выноска на первой странице гласила: «Верховный суд оставляет в силе приговор убийце Дэна Леклесса»... Возмущенный Стивен немедленно набрал телефон Кальвареса: «Как это могло случиться, Джон?»

«А что тебя удивляет? — ответил Кальварес. — Ведь он все-таки убил Леклесса, не так ли?... Так вот, психологи утверждают, что, если бы он сам этого не хотел, ничего бы не случилось».

«Но это ему внушили, его к этому подтолкнули...»

«А тебя подтолкнули стать полицейским».

Больше книг на сайте - Knigoed.net